

Леонтий Бызов

Генезис “новорусской” нации или тупик авторитарной модернизации? О противоречивых итогах “эпохи Путина”

Попытки подвести итоги восьмилетнего пребывания у власти В. Путина и заглянуть в будущее, пусть и не столь далекое – еще на восемь-десять лет вперед, связаны с определенными трудностями. Во-первых, само российское общество не слишком расположено заглядывать далеко вперед. Мы привыкли жить скорее “днем сегодняшним”, и не только потому, что проблема выживания, когда жизненные горизонты сузились до сегодняшнего дня, стала главной для россиян в минувшие пятнадцать лет¹. На это есть и более глубокие социокультурные причины. На наших глазах в значительной степени происходит цивилизационный разрыв с историческим прошлым России, тем более верный, чем большую ценность приобретает исторический “камуфляж” – гимны, гербы, памятники, религиозные обряды и так далее. По сути дела, строительство “новой России” ведется новой генерацией русских, сформировавшейся на руинах традиционного общества. Это генерация мегаполисов, массовой культуры, потребительских ценностей, крайнего индивидуализма, который пока компенсируется патриотической риторикой скорее на парадном уровне. Мы сегодня еще не являемся российской нацией в полном смысле этого слова, объединенной общими целями и ценностями. Но в чем-то при В. Путине, казалось бы, окончательно атомизированная генерация скорее лишь формально российских граждан стала приобретать черты политической нации, вкусившей от общего успеха “корпорации по имени Россия”. Мы бурно радуемся, хоть в чем-то “утирая нос” странам Запада, вроде бы, далеко ушедшим вперед, выигрывая “тендер” на проведение Олимпийских игр, испытывая современное вооружение, которого “нет там”, опуская батискафы на дно Ледовитого океана. Все это совсем не похоже на “мрачные девяностые”, когда все валилось из рук, и каждый норовил скорее “подтолкнуть падающего”, чем протянуть ему руку помощи.

Однако эти изменения пока носят недостаточно устойчивый характер. Пока нет или почти нет главного – действенных субъектов национального развития, не назначенных сверху, “по долгу службы”, а произрастающих из недр самого общества. Хочется процитировать в этой связи известного московского политолога М. Малютину: “главным «ограничителем» на путях любого мало-мальски позитивного развития России является сегодня... искусственно длящееся отсутствие национального субъекта государственной политики”. По его мнению, «корень проблемы в том, что верхушка российской государственной бюрократии, «управленцы» - не могут, как показал весь опыт последних десятилетий развития страны, быть субъектом национального возрождения России»².

Между тем, противоречивая в оценках социологов и политологов “путинская эпоха” позволяет сформулировать и иные суждения. Речь идет о завершении трансформационного витка, переходе общества в спокойное, стабильное состояние. В этих условиях даже отсутствие определенное четкой политической линии, движение по инерции приводит к усилению национально-государственной субъектности. И общество это чувствует, отвечая властям достаточно высоким уровнем доверия и оптимизмом в отношении близкого и более

¹ Как сказал Александр Ослон на лекции в Госклубе в апреле 2007 года, «на сегодняшний день явного проекта будущего России не существует. Эта тема не актуализирована, подавляющее большинство живет настоящим. Социальные аутсайдеры живут по принципу: «Чтоб хуже не было», а социальные оптимисты смотрят на шаг вперед”.

² М. Малютин. Мир и мы. Сайт АПН, июль, 2007.

отдаленного будущего страны. Более оптимистичные оценки состояния нынешней государственной элиты, самим фактом своего существования создающей предпосылки для социально-политической стабилизации, дает В. Кувалдин. «В этом отношении нынешняя элита принципиально отличается от позднесоветской номенклатуры. Та была не очень жизнеспособной, у нее не было серьезной заинтересованности вести прежнее существование в рамках советской системы. У новой российской элиты с этим все в порядке. Вслед за Клавдием она может повторить: "Со мною все, зачем я убивал: моя корона, трон и королева". Полный набор земных благ, причем нередко даже более полный, чем у законных представителей западной элиты. Так что у нее (по крайней мере, у значительной части) есть очень веские, существенные причины стремиться стабилизировать ситуацию. Правда, для того, чтобы двигаться дальше, проводить глубокую модернизацию страны, нужно создать критическую массу перемен, способную обеспечить перелом в социально-экономической политике. Для этого не обязательно иметь поддержку большинства населения, нужно не арифметическое, а политическое большинство. Создание его - особая задача»³. Таким образом, решение задачи формирования национальной субъектности он увязывает с силой инерции, формированием класса государственной бюрократии, которая, независимо от своих моральных качеств и субъективных устремлений, заинтересована в развитии страны, сохранении ее суверенитета.

По сути дела уже в самом начале путинского правления стали возникать предпосылки для формирования национальной субъектности, что внешне проявлялось в завершении революционного трансформационного цикла. После периода «революционной смуты» в умах, массовое сознание в значительной степени начало возвращаться в свое «спокойное» традиционное состояние, своего рода «постреволюционный термидор». «Тяготы радикализма и постепенное стирание из памяти характерных черт старого режима приводят к накоплению социальной усталости и усилению ностальгических настроений по прошлому. Формируется новая конфигурация власти, происходит сближение элит на умеренных основаниях, постепенно складывается новый социально-политический и экономический консенсус... Процесс выхода из революции есть процесс укрепления государственной власти, что предполагает постепенное сближение позиций различных элитных групп, формирование определенного консенсуса по базовым ценностям общественной жизни»⁴.

Это свидетельствовало о сформировавшемся общественном запросе на стабильность и порядок, а также на развитие общества в русле общенациональной парадигмы. Все это позволило, хотя и с известными оговорками, охарактеризовать наступившую после ухода Ельцина эпоху как «*постпереходную*», по крайней мере, в той части, которая касалась общественных ожиданий⁵.

Среди предпосылок, сформировавших запрос на «постпереходное» состояние, отмечались следующие:

- накопившаяся усталость общества от периода «реформ» и социально-политической нестабильности;
- определенное социальное «выравнивание» общества после августовского кризиса 1998 г., ударившего по зачаткам «среднего класса»;
- в связи с этим расширение зоны недовольства прежним режимом за счет «средних» слоев общества;

³ В. Кувалдин. Путин пришел как стабилизатор, поэтому реформы Путина призван завершить его преемник. Сайт ФОМ-клуба, июнь 2007.

⁴ Владимир Мау. Интеллигенция, история и революция. Новый мир, 2000, № 5, с.156-161 .

⁵ Л. Бызов. Первые контуры постпереходной эпохи. Социс, 2001, № 4.

- массовое осознание тупиковости политических и социальных преобразований начала и середины 90-х годов;
- ценностная консолидация общества на умеренно авторитаристской, государственнической и патриотической позиции; преодоление ценностной и идеологической поляризации общества, характерной для 90-х годов;
- формирование массовой потребности в сильной и эффективной власти, стоящей над частными, региональными и корпоративными интересами.

Данный запрос привел, пусть и постепенно, к предпосылкам коренной внутрисистемной эволюции политического режима, формированию *«постпереходного» общества*, объединенного общенациональной субъектностью, характеризующегося ликвидацией или по крайней мере существенным снижением противостояния общества и власти. И хотя эти отношения так и не вышли на “градус” полного взаимного доверия, характерного для режимов мобилизационного типа, значительная часть “баррикад” была убрана. Власть, пусть плохая, но она “своя”, родная, со всеми ее традиционными недостатками, характерными для российской истории. Согласно оценкам большинства россиян, путинский политический режим все время его существования воспринимался как существенная альтернатива «ельцинской России»; на него возлагались ожидания модернизационного прорыва, восстановления роли страны в мире, воссоздания основных систем жизнеобеспечения населения, наведения «элементарного порядка». Несмотря на то, что эти ожидания оправдались далеко не в полной мере, не возникло и радикального разочарования в действиях властей. Согласно массовым настроениям уже под закат путинской эпохи, “власти действуют в принципе в правильном направлении, но слишком медленно и непоследовательно”. В ответ на эти общественные ожидания, власть пыталась и продолжает пытаться проводить политические реформы, унифицирующие общественное устройство, подчиняющие интересы региональных и экономических элит общегосударственным (общенациональным) интересам. На этом пути она кое-чего достигла, в чем-то отступила, в чем-то потерпела фиаско. Тем не менее, на руинах общества, в которые оно превратилась в 90-е годы, все-таки стало складываться что-то, пусть и отдаленно напоминающее нацию и национальную субъектность.

Впрочем, содержательные оценки того явления, которые путинские доброжелатели склонны называть “путинской стабильностью”, а недоброжелатели – “путинским незастоем”, весьма различаются в зависимости от видения аналитиками общеисторической перспективы. Для тех, кто видит общую универсальную тенденцию формирования демократического общества и экономической модернизации, путинский “термидор” – это вынужденная остановка, для сторонников своего, особого пути или выражаясь языком В. Суркова, “суверенной демократии”, - это возвращение к своей “исторической самости”, политической и социокультурной идентичности.

Так ряд российских исследователей вкладывают в понятие «постпереходности» завершение социально-политического «транзита» от социалистической к «современной демократической» модели общества и связывают завершение этого процесса с социализацией новых поколений людей. «Завершение перехода от авторитарно-социалистического политико-правового устройства к системе демократических по своей сути и по способам функционирования институтов связано, едва ли не в первую очередь, с принятием новых порядков большинством населения, с глубоким освоением народными массами соответствующих ценностей, установок, социальных и культурно-идеологических норм.. Радикальное обновление этих ценностей и норм, переход к принципиально иным, чем прежде, представлениям о должном и правильном, к новым эталонам поведения, складывание новых привычек и традиций происходят – или могут произойти – главным

образом на стадии базовой социализации новых поколений людей»⁶. В то же время “отклонения” развития российской политической системы от “нормативных образцов” зачастую объявляется “реваншем реакционных сил”, “движением вспять”. Как пишет Л. Гудков, “демократическое десятилетие закончилось славославием “великой России”, программными заявлениями руководства страны о необходимости укрепления роли государства во всех сферах общественной жизни, все большим огосударствлением средств массовой коммуникации и жестким давлением на независимые медиа, массовым одобрением “решительных действий” правительства по наведению порядка в стране и борьбе с “олигархами”. От неприятия большинством россиян применения войск в национальных конфликтах до массового же одобрения “контртеррористической акции” в Чечне, фактически - такова была траектория движения российского общественного мнения”⁷. Более осторожный взгляд на трансформацию российской политической системы предлагает Д. Фурман. Позиция этого аналитика, состоит в том, что современная Россия — это состоявшееся общество с собственной логикой развития и обладающее политической системой, которая уже обрела черты стабильности и законченности на ближайшие 20-30 лет. По его мнению, “откат” в отношении создания правового демократического государства, произошедший в последние 5-8 лет, во многом был неизбежен, фатален. “В начале 1990-х годов переход России к правовой системе, основанной на ротации, был практически невозможен. А из реальных альтернатив наша система — не лучшая, но и не худшая. Для России с ее культурой, со сформированной ее прошлым психологией народа — это “нормальный” исторический выбор. И в рамках, определяемых этим выбором, вполне возможно поступательное общественное развитие, которое, в конечном счете, приведет к новому кризису и появлению более совершенной системы”⁸. В то же время, он полагает, что подобный “откат” есть временное явление, поскольку противоречит общей мировой тенденции на развитие демократии и открытого общества. Как и цитировавшиеся выше Л. Гордон и Э. Клопов, возрождение “демократического вектора” он связывает с новыми поколениями россиян. “Направление развития нашей политической системы противоречит не только направлению общемирового развития, ведущего к укреплению и расширению демократий, охватывающих все больше государств, и к становлению всемирных правовых структур, воздействующих на внутреннее развитие всех стран. Оно противоречит и направлению глубинных процессов, идущих в самом российском обществе. Социальная структура общества меняется. Исчезает традиционное крестьянство, психология которого, сформированная общиной, крепостничеством и колхозами, является важнейшим фактором, определившим нашу политическую культуру. Одновременно расширяются новые слои, условия жизни которых предполагают большую самостоятельность, свободу выбора”⁹. Свой “приговор” путинскому правлению подписывает политолог Т. Ворожейкина. По ее мнению, “реформы” путинского трехлетия воспроизводят традиционный для России тип взаимоотношений власти и общества и, соответственно, имманентную ему нестабильность всего механизма общественного воспроизводства. Этот проект провалился, и попытки рассматривать режим В.Путина как более подходящую для российских условий, более упорядоченную по сравнению с предшествующей стадией форму демократической трансформации страны, по-моему, совершенно несостоятельны”¹⁰. Близко к этой позиции и мнение Ю. Левады, который полагает, что внешние симптомы укрепления государства и

⁶ Л. А. Гордон и Э. В. Клопов. Современные общественно-политические преобразования в масштабах социального времени. Вопросы сравнительной политологии, 1998, № 5, с.6-8.

⁷ Л. Гудков, Б. Дубин. Конец 90-х годов: затухание образцов
Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1 (51). С. 15-30.

⁸ Д. Фурман. Политическая система в современной России. В сборнике “Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

⁹ Д. Фурман. Там же.

экономии – это лишь имитация устойчивости¹¹. Уже упоминавшийся коллега и последователь Ю. Левады Л. Гудков не менее пессимистичен в отношении оценки перспектив путинского режима и того, что может последовать за ним. Он видит “дальнейшее медленное разложение системы и перерождение ее в децентрализованное, коррумпированное полицейское государство с падающей эффективностью управления, стагнирующей экономикой, деградирующим населением, в общество, теряющее прежние приоритеты в науке, технологиях, образовании, здравоохранении, в страну, оказывающуюся в растущей изоляции от внешнего мира”. По его мнению, “проблемы, ведущие к нарастанию кризиса, вызваны самой природой этого режима. Иначе говоря, власти, решая какие-то свои частные или локальные вопросы, порождают новые проблемы уже системного порядка, с которыми они не в состоянии справиться. Существо этих проблем связано с попытками руководства каким-то образом адаптировать и сохранить унаследованную от тоталитаризма институциональную систему, отказываясь от изменений и кардинальных реформ постсоветского государства при явных сбоях в управлении и функционировании всей системы”¹².

Все приведенные мнения призваны показать неоднозначность ответа на главный вопрос нынешнего дня – заложен ли при Путине “фундамент новой России” или же последние 7-8 лет были своего рода “историческим тупиком”, “откатом в никуда”, за который придется еще долго расплачиваться следующим поколениям россиян? Означено ли собой путинское восьмилетнее правление возвращение к традиционным, “автохтонным” истокам государственности или же станет восприниматься в будущем как один из этапов сдачи национальных позиций, капитуляции перед “глобальным миром”? Произошел ли поворот “лицом к обществу” или продолжает строиться “политический режим меньшинства”? Сами по себе данные опросов общественного мнения также не могут дать однозначного ответа на такие вопросы. Если в самом начале путинского правления, на волне позитивных ожиданий, число тех, кто полагает что страна идет в правильном направлении, сразу резко подскочило, то в последние 3-4 года стабилизировалось на отметке, ненамного превышающей 20-25%. Причем и из них большая часть соглашается с приведенным тезисом с определенными оговорками. Фактически, как показывают результаты исследований, вопрос о “правильном направлении страны” раскалывает российских граждан примерно на две равные половины. Безусловно, эти данные демонстрируют достаточно сложное и неоднозначное отношение россиян к нынешним властям, которое не укладывается ни в “провластный” миф, согласно которому при В. Путине страна добилась коренного перелома в лучшую сторону, ни в “оппозиционный” миф, согласно которому созданная при В. Путине государственно-административная система является своего рода историческим тупиком. Дать более однозначную оценку нынешним, уже уходящим в историю, временам, вероятно, сможет дать лишь дальнейший ход истории.

		Январь 2004	Март 2006	Июль 2007
Насколько вы согласны с тем, что дела в стране идут в правильном направлении?	<i>Полностью согласен</i>	3	3	4
	<i>Скорее согласен</i>	12	19	23
	<i>Отчасти согласен, отчасти нет</i>	43	43	42

¹⁰ Т.Е.Ворожейкина. Стабильна ли нынешняя Россия? В сборнике “Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

¹¹ Юрий Левада. Свидетели времени. Куда идет Россия? В том же сборнике.

¹² Л. Д. Гудков. Цинизм "непереходного" общества. Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 2 (76). С. 43-62.

<i>Скорее не согласен</i>	27	21	18
<i>Совершенно не согласен</i>	11	8	6
<i>Затрудняюсь ответить</i>	8	6	7

Не сложилось пока у россиян и однозначного мнения относительно того, является ли нынешнее государство, выстроенное практически “с нуля” нынешними властями, субъектом национальной государственности, способным отразить интересы, надежды и чаяния большинства россиян. Как видно из следующей таблицы, большинство опрошенных склонно в этом отношении занимать достаточно взвешенную позицию (52%), а крайности разделяет меньше половины россиян. 29% склонно видеть в нынешней государственности “свою” власть, способную защитить их интересы и которое не вызывает чувства отчуждения, тогда как 14% видят в том же государстве заведомо “чужую”, враждебную субстанцию, в отношении которой какое-либо чувство сопричастности напрочь исключается. Здесь чрезвычайно велики поколенческие различия. Нынешнее государство “своим” считают 41% молодежи до 25 лет и лишь 24% пожилых россиян, переваливших 60-летний рубеж. И это вполне понятно: “Новая Россия”, по сути, создана “на костях” (пусть в переносном смысле) старших поколений, так и не сумевших не столько экономически, сколько социокультурно адаптироваться к новому укладу жизни. А новые поколения приспособились (адаптировались) к новым социальным и экономическим условиям в значительной степени ценой существенной социокультурной “мутации”, отказа от традиционных ценностей и образа жизни. Это лишний раз говорит о том, что “возвращение к истокам”, к традиционным, консервативным ценностям, которое многие видят в “путинской России” является чисто внешним фактором, своего рода “красивой упаковкой”, не более того. А в реальности масштабы разрыва с традицией, почвой продолжают расширяться.

Каково Ваше отношение к нынешнему российскому государству, построенному при Владимире Путине? (ВЦИОМ, июль 2007)	всего	Молодежь до 25 лет	Пожилые (свыше 60 лет)
<i>Это “мое” государство, которое защищает мои интересы</i>	29	41	24
<i>Это лишь отчасти “мое” государство, которое недостаточно хорошо защищает интересы таких как я</i>	52	45	46
<i>Это “не мое” государство, оно не защищает мои интересы, и я не доверяю ему</i>	14	7	23
<i>Затрудняюсь ответить</i>	6	7	7

С другой стороны, как полагает ведущий российский специалист по проблемам адаптации Иосиф Дискин, “материалы различных исследований показывают, что порядка 25-30% населения уже вполне адаптированы, способны адекватно реагировать на сигналы существующей социально-экономической системы, рационально ориентироваться в существующей институциональной системе. Не следует идеализировать эти группы, но следует признать, что в них сосредоточен основной потенциал социальной динамики. Позиции этих слоев - рациональных критиков институтов - ориентиры их совершенствования. Возможно, впервые в истории России появились массовые слои и группы, способные в благоприятных социально-экономических условиях к самостоятельному решению своих жизненных проблем - по существу, «Новая Россия» (не путать с «новыми русскими»). Именно эти слои - база высокой социальной мобильности, предприимчивости и инициативы. Они обеспечивают рациональную адаптивность общества, эффективное функционирование его институтов, включая конкурентный рынок и плюралистичную демократию. Это база для становления массового среднего класса,

верящего в благоприятные социально-экономические перспективы нашей страны”¹³. Итак, новый средний класс, состоящий из адаптантов, уже создан. По логике социальной трансформации, именно ему суждено стать ядром формирования новой российской нации. Какие идеи, ценности и социальные установки он несет “Новой России”? Какова социокультурная природа той цивилизации, которая рано или поздно “состоится” в “Новой России”?

Исследования и обсуждения, проведенные ВЦИОМ¹⁴, ИКСИ РАН, а также в рамках проекта “Базовые ценности современных россиян”¹⁵ позволяют сделать на этот счет достаточно противоречивые предположения. Действительно, нынешний этап развития России оставляет много вопросов о природе и особенностях современной российской цивилизации. Многочисленные сломы, характерные для XX века, существенно изменили природу и менталитет как всего российского суперэтнуса, так и его великорусского ядра. За пятнадцать лет, прошедшие с распада коммунистического строя, Россия длительное время не могла выработать собственной цивилизационной идентичности, «зависнув» между постимперским состоянием, все более чуждым менталитету большинства россиян, и национальным государством, на пути построения которого отчетливо видны трудно преодолимые социокультурные барьеры. Не удалось (точнее, не удалось в полном объеме, так как разного рода попытки такого рода продолжаются) за эти годы выработать и собственной национальной модели политической и экономической системы, так как формальное заимствование политических и экономических институтов, характерных для «цивилизованного Запада» отторгается российской почвой, ведет, в качестве контртенденции, к росту черт архаики и «нового варварства». И новый российский средний класс, вероятная основа новой российской нации, в полном объеме несет на себе следы этого варварства, видимого даже глазом, не вооруженным специальной социологической методикой. Тем не менее, именно вокруг него формируется ценностный фундамент “новой России”.

Таким образом, на наш взгляд, основной трансформационный процесс современности – это постепенное формирование российской нации из атомизированного и сегментированного общества 90-х. Процесс этот активно идет, хотя и достаточно противоречиво. Постепенно формируется ценностный и идейно-политический консенсус, однако «пробуксовка», в первую очередь, на институциональном уровне препятствует переходу общества в новое качественное состояние. Процесс формирования нации, конечно, не связан напрямую с политикой, проводимой В. Путиным. Скорее наоборот, речь может идти о том, насколько “вписан” политический режим В. Путина в этот процесс. Однако зарождение “новой российской нации” и правление В. Путина (проблем хватит и на долю его преемника) все-таки совпали “в пространстве и времени”. И проект “русской органической модернизации” пусть и не предъявлен обществу в открытую, но, что называется, “носится в воздухе”. Как в этой связи пишет уже цитировавшийся И. Дискин, “анализ модернизационных проектов показывает, что **успех сопутствует тем из них, в которых были осознаны специфика и настоятельные проблемы национального развития, найдены подходы к преобразования государства и экономики, наиболее полно отвечающие стоящим перед страной вызовам.** Позитивный результат социальной трансформации - вводимые институты приходят в определенное социокультурное равновесие с изменившимися моделями социального действия. Напротив, рост социальных напряжений в ходе адаптации приводит к негативной оценке таких институтов. Социокультурный «зазор» между вводимыми институтами, с одной стороны, и

¹³ И. Дискин. Альтернативы российской модернизации. Институт национальной стратегии, 2007..

¹⁴ Круглый стол “Базовые ценности современных россиян”. Мониторинг общественного мнения. 2006, № 2.

¹⁵ “Базовые ценности современных россиян” (под общей редакцией А. Рябова и Е. Курбангалиевой). М., 2003

социальными практиками, с другой, превращается в отторжение. Трансформационные напряжения быстро превращаются в модернизационный кризис¹⁶. Как следствие, политические проекты, формируемые под эти процессы, продолжают оставаться неполноценными, энергия носителей «новой субъектности» замыкается на локальном уровне, в основном частных, индивидуальных стратегий успеха. А политические и государственные институты, лишенные энергетической подпитки общества, остаются легкой добычей корпоративных и групповых интересов, чему не в состоянии противодействовать никакие создаваемые «административные вертикали». Это означает, что новая национальная субъектность одновременно и существует (как ценность), и отсутствует (как совокупность институтов). Все это и предопределяет половинчатость наследия путинской эпохи в плане формирования российской нации.

По мнению сторонников теории «органической модернизации», пережитый в 90-е годы и частично преодоленный сегодня системный кризис является, в первую очередь, кризисом субъектности, во многом обусловленным процессом «запаздывающей» или «догоняющей» модернизации 90-х годов. В результате неорганичности процессов модернизации внутренний социально-культурный конфликт между отдельными фрагментами общества (группы, ориентированные на идеологию догоняющей модернизации и группы, ориентированные на традиционалистские ценности) на каком-то этапе стал доминировать над осознанием исторической общности. Внутренние этнические скрепы оказались слишком слабы, чтобы на руинах суперэтнической империи смогло полноценно сформироваться национальное государство. В результате за полтора десятка лет попыток догоняющей модернизации, страна длительное время не могла породить адекватных национальных лидеров, выработать общенациональную идеологию, сформировать внутри страны значимые политические субъекты.

Российское общество не сопротивлялось либеральным реформам начала 1990-х годов и не отторгло ценности, лежащие в их основе - по крайней мере, в их словесном выражении. В том числе и потому, что эти реформы органично вписывались в социокультурную ситуацию, сложившуюся в стране задолго до них. Основные ценности позднесоветского человека, его, если угодно, "национальная идея" соответствовали системе ценностей, пришедшей с Запада. Она характеризовалась индивидуализмом, ориентациями на общество массового потребления и выражением "мой дом - моя крепость". Из российского коллективного "я" выделилось индивидуальное начало, которое со временем развивалось, воплощаясь в новые потребности и обретая новые символы. Если национальной идеей позднесоветского человека была отдельная квартира, то национальной идеей человека постсоветского стала дача с глухим забором - ментальный символ современных россиян.

Исследования ментальности и мифов постсоветского человека свидетельствуют о том, что в нем практически ничего не осталось от той традиционной архаики, которую мы привыкли считать проявлением русской косности, препятствующей модернизации. Если ей что и препятствует, то не система ценностей, а неспособность вестернизированных, либерально-ориентированных постсоветских индивидов к самоорганизации и взаимодействию. Утратив архаичные структуры и мифы коллективного бессознательного, интегрирующие традиционные социумы, наше общество при всей своей рационализации не смогло сформировать нацию. Россия не перешла от традиционного общества к нации, что в Новое время сделали Европа и Америка, причем последняя гораздо позже и с большими трудностями. И пока нет достаточных оснований утверждать, что такой переход в нашей стране в обозримой перспективе состоится.

Неспособность выстраивать горизонтальные связи и формировать на их основе институты управления обществом (современный историк-культуролог А. Ахизер полагает, что эта особенность русского социума органически присуща ему на всем историческом

¹⁶ И. Дискин, Там же.

пространстве), тем самым создавая новые традиции, замещающие коллективное бессознательное, привела к тому, что у нас сложился своеобразный тип модернизации, происходящей за счет разрушения социальной ткани. В России модернизация очень быстро проходила в неких социальных коконах. Но в ходе стремительной модернизации внутри отдельных групп социальная ткань общества в целом оказывается совершенно бесхозной. И чем интенсивнее осуществляются такие точечные модернизации, тем интенсивнее разрушается общая социальная ткань. Проблема не в том, что в России плохо шла модернизация, а в том, что она здесь разрушала национальную идентичность и горизонтальные общественные связи. Именно этим российская модернизация кардинально отличалась от прочих европейских модернизаций.

Социально-политические процессы, произошедшие в стране после 1998-2000 гг., в определенной степени изменили вектор общественного запроса и основные парадигмы массового сознания. Связанная с этой идеей неоконсервативная идеология адресуется активному меньшинству и содержит рациональное и прагматическое обоснование модернизации и постмодернизации, мобилизующей силы для обновления общества. Сегодня в России завершается очередной виток глубинной социокультурной трансформации. Это проявляется в ценностной унификации, в усилении неоконсервативных тенденций в менталитете россиян. Однако генезис и долгосрочные последствия этого процесса пока полностью не ясны. Как показывают исследования, процесс разрушения традиционного сознания носит необратимый характер, традиционные ценности присутствуют главным образом, лишь на «парадном» уровне, наблюдается демифологизация и рационализация массового сознания. Все это создает определенные социокультурные барьеры на пути перехода российского общества к стратегии органичной модернизации.

Что касается ценностного фундамента, то в 90-е годы, когда общество было расколото на «традиционалистов» и «модернистов», динамика противостояния этих групп определяла политическое и социальное развитие общества. Это деление в определенной степени сохраняется и сегодня, хотя и носит рудиментарный характер. Одновременно формируются группы, отражающие уже нынешний социокультурный фон – это «неоконсерваторы», сочетающие модернистские и консервативные ценности, так называемые «новые правые», и противостоящие им уже в рамках новой системы координат «новые левые». Эти молодые группы только укореняются в нашем обществе, активно формируют свой запрос – не только и не столько политический, сколько социальный и культурный. Их устремлениям соответствуют свои культурные, религиозные, эстетические пристрастия, своя система моральных ценностей, своя система мотиваций, лишь частично пересекающихся с «парадными» пластами сознания, своя мифология. На наш взгляд, для понимания цивилизационной природы современных россиян необходимо не просто описать эти группы посредством традиционных социально-демографических и политических характеристик, но и заглянуть в их «коллективную душу», понять, что кроится в их, выражаясь терминологией Юнга, «коллективном бессознательном». Это тем более важно, что мы неоднократно убеждались в неэффективности многих социальных и экономических стимулов, лежащих на поверхности, включая материальные. И только выход за рамки позитивистской методологии может позволить понять природу социальных мотиваций групп, определяющих судьбу «новорусского этноса», точнее новой русской нации. Система ценностей, вокруг которых будет строиться «новая Россия» уже заложена в менталитете новой генерации россиян, задача состоит лишь в том, чтобы «прочитать» то, что записано в их социально-культурном коде.

Для того «наследия», которое В. Путин оставляет последующим строителям «новой России», характерен существенный разрыв между ценностными и институциональными факторами, определяющими развитие новой государственности. По сути, произошел отказ

от мобилизационной модели государственного устройства, возобладал инерционный сценарий, при котором институциональное реформирование оказалось полностью отданным на откуп правящим элитам. Эта стратегия отвечала запросу только начавшегося формироваться после дефолта 1998 года новому среднему классу, которому необходимо было выиграть время, завершить процесс адаптации, выстроить свои частные “стратегии успеха”, минимально зависящие от действий государства. Как мы отмечали еще в первый период путинского правления, “это говорит о сути требований общества к режиму, что этот режим не должен куда-то вести, он не должен носить мобилизационный характер, так как носители этих требований если уже и не полностью адаптировались, то рассчитывают адаптироваться. И им важно только, чтобы государство не мешало процессам адаптации. Соответственно данному запросу, Путин не должен быть вождем в полном смысле слова, который применяет насилие по отношению к обществу, который меняет социальную структуру, перераспределяет собственность. Он должен был оставаться достаточно символической фигурой, в задачи которой входит обеспечение в обществе лишь самых общих правил игры”¹⁷. Именно на этот слой адаптантов и была сделана основная ставка, что привело к формированию своего рода “негативного консенсуса” в отношениях общества и власти – “вы нас не трогайте и мы вас не тронем”. Природа этого негативного консенсуса является предметом дискуссии. По мнению Л. Гудкова, “как бы ни было сильно и стойко недоверие к власти, негативная оценка действующей сегодня властной элиты, оно мало что меняет в общей раскладке сил в обществе, поскольку люди *смирятся* с таким положением дел, объясняя себе и другим “что так всегда было”, что “плетью обуха не перешибешь” и пр. Дело вовсе не в том, что у них был какой-то реальный опыт сопротивления или гражданской активности, а в том, что нигилистические установки парализуют саму мысль о том, что императивы подобной деятельности можно относить не только к каким-то отвлеченным “другим”, но и к себе самому. Представление о политике как деятельности хищников и карьеристов и есть иное по форме выражение собственного цинизма основной массы населения, оборачивающегося пассивностью, покорностью, равнодушием и общим пофигизмом”¹⁸. Действительно, реальная политика, вытекающая из этих обстоятельств, выразилась в стремлении к принятию решений в предельно узком кругу «посвященных», отстранении от принятия решений по общественно-значимым проблемам даже такого конституционного органа, как Федеральное Собрание. Как результат – реальная власть концентрируется в нелегитимных источниках и все более осуществляется теневым, “закулисным” образом. Таким образом, как казалось еще несколько лет назад, “общественный запрос на сильную и эффективную власть, опирающуюся на средние слои общества и повышение социальной мобильности лучших представителей региональных элит, был лишь имитирован, выпущен на свет в не вполне жизнеспособном виде, но от этого не перестал быть насущным общественным запросом, который рано или поздно должен найти свой действительный выход. Механизмов реальной опоры государственной власти (персонализированной в Президенте) на общество до сих пор не создано. Более того, складывается впечатление, что «партия власти» и не намерена предпринимать никаких шагов в этом направлении”¹⁹.

Эту опору российские власти попытались найти в государственной бюрократии, безмерное усиление которой стало своего рода визитной карточкой “второго срока” пребывания у власти В. Путина. Исследованию феномена “российской бюрократии” именно под углом взгляда на нее как на субъект (реальный или потенциальный) национального развития было

¹⁷ Л. Бызов. О чем молчит “путинское большинство”? Русский журнал, 2003.

¹⁸ Л. Д. Гудков. Цинизм “непереходного” общества. Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2005. № 2 (76). С. 43-62.

¹⁹ Л. Бызов. О чем молчит “путинское большинство”? Русский журнал, 2003.

посвящено специальное исследование ИКСИ РАН (ныне в составе ИСИ РАН)²⁰. Как показали результаты этого исследования, путинская эпоха – период расцвета российской бюрократии, по мнению относительного большинства опрошенного населения (38,4%), оставившая позади себя в этом отношении все иные периоды истории России, как новейшей, так и более ранней. Именно в конце 90-х в качестве одной из основных социально-политических проблем стало отсутствие общенациональной субъектности, способной обеспечивать развитие страны и общества. Частные интересы дееспособных субъектов сосредоточились на низшем и среднем уровне, представляющими скорее локальные структуры, а стратегические интересы страны продолжали оставаться «бесхозными» и растаскиваться в интересах частных собственников и ведущих корпораций. Стремительно разраставшаяся еще при Б. Ельцине бюрократия была не в состоянии представлять эти интересы, будучи разорванной частными и корпоративными интересами. Именно поэтому одной из главных идей уже путинской эпохи стало «выстраивание» бюрократии вокруг государственных интересов, попытка формирования на ее базе общенациональной субъектности. Как это следует из результатов настоящего исследования, результаты реализации этой идеи носят в настоящее время достаточно половинчатый характер. В огромной степени «ставка на бюрократию» при В. Путине стала вполне осознанной, оказалась связанной с тем, что результаты демократического развития новой России не дали ожидаемых результатов. Как явствует из данных проведенного исследования, лишь 13,8% нынешних россиян в той или иной степени удовлетворены развитием демократии, причем полностью удовлетворены только 1,4%. Причины подобных тенденций неоднократно обсуждались в кругу аналитиков и экспертов. Если сконцентрировать различные точки зрения, можно выделить две наиболее значимые из них:

1. Россия изначально не была готова к политическим и экономическим свободам, к демократической политической системе вследствие архаичности, глубокого традиционализма основных групп российского населения («тысячелетняя раба»).
2. Не вполне демократические тенденции (мягко выражаясь) в современной России скорее связаны с недостатками избранной модели демократии, когда реальная низовая демократия в наиболее важных и значимых для населения сферах оказалась выхолощенной, а введенная взамен система «фасадной» демократии, не имеющая корней в жизненно важных сферах, стала восприниматься скорее как «политический театр», занимающий периферийное положение в системе ценностей общества. Странники этой точки зрения обращают внимание на то, что нынешняя пассивность общества и разочарованность демократическими институтами появилась лишь относительно недавно, тогда как на рубеже 80-90-х годов общество проявляло высокий уровень социальной и политической активности, позднее утраченный.

Так или иначе, во второй половине 90-х годов, общество столкнулось с проблемой крайне низкой эффективности демократических политических институтов, работавших либо вхолостую, либо обслуживающих интересы российских или международных корпораций («несуверенная демократия» по образному выражению В. Суркова²¹). Аналогичные претензии предъявлялись и к сфере частного бизнеса, породившего уродливую

²⁰ Л. Бызов. Путинская бюрократия – субъект развития или его тормоз? Социс, 2005, № 3.

²¹ Владислав Сурков. Национализация будущего. Эксперт, 2005. Согласно точке зрения В. Суркова, суверенную демократию «допустимо определить как образ политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости всеми гражданами, социальными группами и народами, ее образующими». Он считает, что «поддерживать суверенитет без ущерба для демократии и быть открытыми, не теряя идентичности, — задача для начинающих нетривиальная».

олигархическую систему власти, в рамках которой новая российская бюрократия стала занимать все более подчиненное, зависимое положение. Не смогла новая российская демократия решить и основных социальных проблем страны, в первую очередь, обеспечить ценностную консолидацию общества, преодолеть имеющиеся социальные и региональные разрывы между наиболее значимыми группами населения России.

Так по данным исследований РОМИР, «на вопрос, считают ли респонденты Россию демократическим государством, только 6,5% опрошенных ответили утвердительно, еще 21,3% респондентов скорее согласны с этим, полностью не согласны с данной точкой зрения 12,6% участников опроса, скорее не согласны - 24,8%. Затруднились с ответом 34,8% граждан. Таким образом, только чуть более четверти россиян склонны в той или иной степени считать Россию демократическим государством. Это связано скорее с тем, что в нашей стране серьезно подорван имидж демократии в целом, и многими гражданами последняя связывается с неудачными реформами и потерей уверенности в завтрашнем дне. Тем не менее, для государства, которое заявляет о постепенном движении по пути демократии, строительстве гражданского общества, такие показатели достаточно негативны: общество либо не осведомлено в том, каким именно государством в данный момент является Россия, либо в значительной части не считает нынешнее устройство демократическим. Интересно в этой связи и отношение россиян к выборам — одному из главных символов государственной демократии. Только 6,2% опрошенных уверены, что смена власти в России происходит в результате свободных и честных выборов. Скорее согласны с этим еще 19,9% граждан. Тех, кто скорее не согласен несколько больше - 31,3%. И еще 21,3% россиян считают, что ни свободных, ни честных выборов в России нет. На основании опроса можно говорить о том, что более половины россиян в той или иной степени не уверены, что смена власти в России происходит в результате свободных и честных выборов. Под сомнение, таким образом, ставится один из важнейших демократических институтов. Во многом это связано с тем, что на протяжении последних лет избирательные кампании проходили с применением большого количества "грязных" технологий, с привлечением мощного административного ресурса, что неизбежно ставило под сомнение как процедуру проведения, так и сами результаты выборов. Несомненно в этой ситуации то, что негативное восприятие выборов россиянами наносит ущерб и политическому имиджу России в целом, и восприятию демократии, в частности. В последнее время в общественном мнении все более крепнет точка зрения о том, что в стране наблюдается переход от демократических принципов управления к авторитарным, предполагающим беспрекословное подчинение власти. Полностью согласны с этим 8% опрошенных. Скорее согласны более четверти граждан - 25,6%. Полностью отвергают такую постановку вопроса только 5% респондентов, скорее не согласны - 17,7%. Обращает на себя внимание достаточно большое количество тех, кто затруднился с ответом или еще не выработал свою позицию - 43,7%. Последнее показывает не только ситуацию политической апатии, характерной сегодня для массового сознания, но и реальное непонимание происходящих процессов. Иначе говоря, в политике новой власти, которую олицетворяет Президент и его команда, население еще не разобралось. Близость власти к народу - один из краеугольных камней восприятия власти в России. Поэтому в ходе опроса задан вопрос, в какой мере респонденты согласны с утверждением, что сегодня российские власти стали ближе к народу, чем были ранее. Полностью согласны с этим только 6,7% респондентов, скорее согласны - 23,6%. Полностью не согласны 15,9% граждан, скорее не согласны - 29,1%. Затруднились или не определились по этому вопросу 24,7% россиян. Таким образом, менее трети опрошенных констатируют, что сегодняшняя власть в той или иной степени стала ближе к народу, чем предшествующая. При этом

более половины россиян в той или иной степени признают, что власть от них закрыта²². Примерно аналогичные выводы были сделаны и на основе исследования, проведенного ВЦИОМ по заказу Центризбиркома в мае 2007 года. “Не удивительно, что лишь 21,0% россиян продолжают верить, что от обычных избирателей зависит многое. 42,3% придерживаются в этой связи более осторожного мнения, согласно которому от них лишь кое-что зависит, но весьма небольшое. И, наконец, 31,6% опрошенных уверены, что от их голоса практически ничего не зависит, все главные вопросы все-равно будут решены “за закрытыми дверями”, без участия их мнения. В то же время, сам институт выборов остается значимой “парадной ценностью” общества, и его существование признается важным даже в условиях “выборов без выбора”, как это и было во времена советской власти. Сами выборы воспринимаются значительной частью общества, особенно старшим поколением, как своего рода ритуал, акт сопричастности гражданина к политике государства, акт скорее имеющий символическое значение, чем рациональное. Однако для молодежи подобные соображения не слишком понятны, и она предпочитает выражать свое отношение к выборам, “голосуя ногами”²³.

Как это было очевидно еще “на заре” путинского правления, “в результате и возник запрос на сильную, доминирующую в политическом пространстве «партию власти» как субъект общенациональных стратегических интересов, которые оказались в последнее десятилетие «расташены» между отдельными экономическими и политическими группировками, своего рода «кланами».. С точки зрения своей идеологии, эти силы могут быть ориентированы только на политический центр, в его чуть более левом или чуть более правом вариантах. Таким образом, налицо все социальные и ценностные предпосылки для дрейфа режима в направлении от псевдоклассической демократической республики в сторону «выборной монархии». Действительно, если среди «завоеваний» последних десятилетий в российском менталитете укоренились такие атрибуты демократии как свобода предпринимательства, свобода слова и СМИ, свобода поездок за границу, выборность органов власти, то безусловный кризис переживают такие институты как представительная власть и многопартийность. Так лишь 38,5% россиян считают, что «представительная власть – это важно», еще меньшее число – 29,5% придерживаются того же мнения о многопартийности²⁴”. Сегодня, когда часто обращают внимание на явной тенденции отхода от демократических завоеваний, акцентируя внимание на сосредоточении всей власти в руках Президента, на потере независимости ведущими СМИ, на слабости и зависимости оппозиции, отсутствии реальных политических партий, способных влиять на принятие решений, население страны видит угрозу демократии совсем в ином. Это, в первую очередь, колоссальный разрыв между богатством и бедностью, не только не преодоленный при В. Путине, но и продолжающий возрастать (так считают 47,3% опрошенного населения²⁵), в отсутствии равенства всех перед законом (36,5%), в сращивании власти и капитала (31,1%). Речь, по сути, идет об одном – не может быть эффективной политической демократии в условиях отсутствия единой политической нации, предполагающей наличие равных прав и примерно равных социальных возможностей для всех участников политического процесса. Эти обстоятельства во

²² Н.В.Лайдинен. Образ России в зеркале российского общественного мнения Социологические исследования. 2001. № 4. С. 27-31.

²³ Л. Бызов. Демократия “на четверку”. Мониторинг общественного мнения, 2007, № 2.

²⁴ Л. Бызов. Постпереходный режим в современной России: его ограничения и ресурсы. Журнал “Демократизация”, №1, 2001

²⁵ ВЦИОМ, ноябрь 2006

многим и предопределяются, и предопределяют пассивность населения, его неспособность и неготовность бороться за свои права и интересы (23,1%).

На фоне отсутствия таких фундаментальных условий демократии, менее важными кажутся действительно происходящие отступления от традиционных демократических схем. Так по данным ВЦИОМ, на отсутствие значимой политической оппозиции в Государственной Думе обращают свое внимание 18,2% опрошенных, на возрастающую зависимость ведущих СМИ от государства (9,0%), на сосредоточение всей власти в руках Президента В. Путина (6,7%). Более того, как показывают исследования, основные группы населения, напротив, склонны обвинять власть и конкретно Президента в недостаточной эффективности использования властных полномочий, в невмешательстве во многие процессы, которые, по мнению общества, должны жестко контролироваться государством. В частности, большинство россиян сегодня выступают за введение значительно более жестких ограничений для СМИ, в том числе за введение цензурных ограничений (правда, скорее не по политическим соображениям), за более решительную борьбу с олигархами, контроль государства над экономическими процессами.

Неудача ставки на развитие демократических институтов как субъектов национального развития, предопределило при В. Путине частичное возвращение к концепции авторитарной модернизации. По фактическому замыслу ее авторов, именно российская бюрократия, слой государственных чиновников, выстроенных в единую «административную вертикаль», должен был стать основным «мотором» развития. Как показывает динамика настроений общественного мнения, результаты, достигнутые в рамках этого процесса, не слишком впечатляющие. К числу «плюсов» путинского правления общественное мнение относит²⁶, помимо общих успехов в экономическом развитии, определяемых скорее благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой, улучшение эффективности работы как федеральных, так и местных органов власти. Что касается федеральных органов власти, то, по мнению опрошенного населения, произошло скорее некоторое улучшение их работы (20,5%), чем некоторое ухудшение (15,6%). Напротив, местные органы власти стали работать скорее менее эффективно (23,8%), чем более эффективно (19,1%). Большинство опрошенных отмечают ухудшение, причем существенное ситуации в социальной сфере при В. Путине²⁷. Аналогичные негативные оценки и в отношении «наведения порядка» правоохранительными органами страны. По данным ИСИ РАН (2005), 66,3% россиян не видели никаких существенных перемен в работе органов власти. Зато, по мнению 32,8% опрошенных, после начала административной реформы стало только хуже, самоуправство бюрократии и рядовых чиновников стало еще сильнее. Если в начале своей деятельности В. Путин имел отчетливо выраженный имидж «выразителя интересов народа, простых людей, защитника от чиновников и бюрократов», то в 2005 году с этим мнением были согласны только 22,2% опрошенных. Не меньше тех, кто полагал, что В. Путин сам является частью бюрократической системы и действует в интересах бюрократии в целом (22,7%), и тех, кто полагал, что В. Путин действует в интересах отдельных группировок и кланов в своем окружении (22,8%), что, по сути, не сильно отличается от предыдущего мнения.

А в чем же заинтересована сама российская бюрократия? Служит ли она народу или своим собственным интересам? Заинтересована ли она в подъеме России, росте ее могущества? Нет, как полагали 66,7% опрошенных в ходе того же исследования россиян, главная цель бюрократии – это «сохранение и постоянное увеличение своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения». В ее заинтересованности в повышении

²⁶ По данным ИСИ РАН, 2005

²⁷ Исследование проводилось вскоре после «монетизации льгот», но до начала реализации «национальных проектов».

благополучия и уровня жизни населения в целом верили только 16,6% опрошенных, а в заинтересованность в подъеме России, росте ее могущества и того меньше – 2,1%. Итак, сделав ставку на бюрократию как носителя идеи государственности, режим В. Путина пока не сумел качественно видоизменить саму бюрократию, она оставалась в 2005 году и остается сегодня носителем эгоистических и корыстных устремлений. Таков тупик «авторитарной модернизации» в российском исполнении. Как показало проведенное исследование, ставка на бюрократию, на авторитарную модель модернизации – во многом, следствие провала демократических преобразований 90-х годов, неэффективности созданных демократических институтов. Демократия образца 90-х годов в России не сумела сделать главного – преодолеть социальные разрывы, создать единое правовое поле. Однако сделанная В. Путиным ставка на бюрократию себя скорее также не оправдала. Наиболее высока неудовлетворенность результатами путинского правления именно в сфере государственного и правового строительства, правоохранительной деятельности и борьбы с коррупцией. Проводимая В. Путиным административная реформа себя также скорее не оправдывает, так как она решает частные проблемы и те далеко не всегда успешно. Главная задача – поставить бюрократию на службу государству и обществу, стратегическим интересам страны - остается весьма далекой от своего решения. Запрос общества на «наведение» порядка сохраняет свою актуальность, несмотря на значительное разочарование в возможностях нынешнего режима добиться прогресса в этом направлении.

Однако и в этом отношении далеко не все сегодня видится столь однозначным. В определенной степени отечественная бюрократия, независимо от своих субъективных ориентаций, вынуждена выполнять роль национального субъекта. Так, по мнению В. Кувалдина, «конечно, по поводу возможностей нынешней бюрократии существует изрядный и вполне обоснованный скепсис, но есть основания полагать, что её эволюция в позитивном направлении все-таки возможна. К тому же, как мне кажется, после 2000 года этос верхов начал меняться. Публично не афишируемый, но, увы, реальный этос наших, с позволения сказать, элит в 1990 годы был таков: «хапнуть и убежать». Однако в последние годы в элите идет внутреннее размежевание, смена вех, новое формулирование приоритетов. Медленно, мучительно формируется набирающее силу, хотя и не преобладающее направление, представители которого понимают, что их будущее определяется здесь и сейчас. Это не потому, что они такие большие патриоты, а потому, что трезво понимают, что за пределами России никому не нужны - там им светит разве что положение благополучных рантье. Да и то неизвестно, как еще может повернуться дело»²⁸.

Несмотря на небезосновательное «ворчанье» россиян в отношении бюрократии и чиновничества, невысокий уровень доверия к государственным институтам, налицо и процесс идентификационного сближения между обществом и этой «плохой» властью. Можно привести в пример реакцию россиян на «газовый кризис» в отношениях с ближайшими соседями – Украиной и Беларусью. Так в январе 2007 года 56,4% россиян полагали, что отныне Россия должна продавать газ всем странам бывшего СССР только по рыночным ценам, без всяких исключений, в том числе и для самых дружественных государств». То есть стала возникать идентификационная цепочка – «государство – Газпром – Я». «Чем лучше Газпрому, тем лучше и мне». И вообще складывается впечатление, что «страдания» россиян от «нехорошей путинской бюрократии», от «тотальной коррупции» сильно преувеличены. За годы путинской стабилизации, большая часть общества научилась вообще обходиться без государства, обращаясь к нему лишь в самых крайних случаях. Гражданам удалось отвоевать для себя свой приватный «кусочек»

²⁸ В. Кувалдин. Путин пришел как стабилизатор, поэтому реформы Путина призван завершить его преемник. Сайт ФОМ-клуба, июнь 2007

социального пространства, в который государство не вхоже. И размер этого “куска” не столь уж мал, по крайней мере, он значительно больше, чем был при ельцинском правлении. И именно это является для россиян наиболее значимым, актуальным достижением, за которое он готов легко отдать многие “прелести” формальной демократии и правового государства.

Можно сделать вывод, что наследие, оставляемое В. Путиным “новой России” носит явно противоречивый характер. Мы не готовы согласиться полностью ни с откровенными апологетами путинской эпохи, видящих в созданной при нем системе основу для быстрого возрождения российской государственности и формирования новой российской нации. Одновременно в еще большей степени мы не готовы разделить точку зрения “очернителей”, видящих в В. Путине неудачливого авторитариста, а в созданной им системе исключительно политической и социальный тупик. На наш взгляд, и достижения, и провалы путинской эпохи в большей степени определяются состоянием самого общества, чем удачами и просчетами властей. И именно процессы эволюции общества, трансформации системы ценностей, формирования горизонтальных институтов взаимодействия граждан, позволяющих им преодолеть инерцию атомизированности, формирование устойчивой социальной структуры – дают повод выразить осторожный оптимизм в отношении перспектив страны на будущее.

2. Социальный фундамент “путинской” России

Социально-политическая стабильность, характерная для “путинской России”, заставляет предположить, что основой ее является интенсивный процесс формирования нового “среднего класса”, ставшего своего рода “социальным фундаментом” режима, а сам “путинский режим” стал своего рода политическим ответом на запрос со стороны нового “среднего класса”. Исследования, проведенные ВЦИОМ в 2003-07 гг. ИКСИ РАН в 2003 г, дают конкретные факты для подобного рода предположений. Сам феномен появления устойчивого среднего класса накладывает печать своеобразия на все социально-политические процессы, происходящие в стране, а сами перемены настроений в среднем классе во многом указывают на вектор общественного запроса.

Как отмечают специалисты по социальной стратификации, “существует и другая ось социальной дифференциации, формирующая новый ландшафт социальной структуры. Речь идет об образовании ее срединного среза – среднего класса, средних слоев. При всем повышенном интересе к этому феномену со стороны научного сообщества, политических и государственных структур характеристика средних слоев представляется достаточно неопределенной как с точки зрения количественных параметров, так и внутренней структуры, динамики, качественных признаков. Средний класс в постсоветской России – это одновременно и реальность, и фантом, ибо политическая составляющая в решении любого принципиального социального явления не может не присутствовать при разработке новой парадигмы эволюционного общественного развития.”²⁹

Действительно, социальная стратификация современной России достаточно своеобразна. С одной стороны, налицо огромное социальное и имущественное расслоение, которое стало своего рода “визитной карточкой” пореформенной России. Высший по материальному

²⁹ З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, Ю.В.Голиусова, И.М.Орехова. Социально-профессиональный портрет российского среднего класса. Мониторинг общественного мнения, № 3, 2007

обеспечению и социальному успеху слой общества, составляющий не более 2-3% от всего населения России, даже географически мало пересекается с остальными россиянами. По данным ИКСИ РАН, 43,6% всей группы, условно называемой «богатыми», проживает в мегаполисах, в том числе 30,4% - в Москве. Напротив, в Москве проживает лишь 3,3% российских «бедняков», во всех мегаполисах - 8,6%. 62,5% «бедняков» - люди в возрасте свыше 40 лет, тогда как среди «богатых» лишь около 10% тех, кому больше 50 лет. Само социальное расслоение общества имеет подоплеку, связанную не только с материальными возможностями как таковыми. На эти различия накладываются колоссальные региональные различия, в условиях которых та же Москва и по уровню жизни, и по структуре занятости, и по ментальности ближе к западным столицам, чем к какому-нибудь райцентру на расстоянии сотни километров от нее. Велики поколенческие расколы, связанные с тем, что существенное изменение алгоритмов выживания и успеха, произошедшее в 90-е, провело огромный рубеж между старшими поколениями - «старыми русскими», и молодежью, в целом достаточно успешно освоившей «новые правила игры».

В то же время эти слои «богатых» и «бедных», определяющие социальные разрывы, вместе составляли в 2003 году 15-18% всего населения, а за прошедшие четыре года их доля не увеличилась. При этом, как мы уже отмечали, собственно «богатые» по самым скромным оценкам составляют не более 2-3% общества (а по-настоящему богатые - не более 1%), а масштабы бедности в стране составляют не более 12-14% (это те, кто живет ниже потребительского минимума; возможно здесь адекватнее говорить даже не о бедности, а о нищете). Следует учитывать и то обстоятельство, что в условиях, когда более половины экономики страны находится в «тени», судить о благосостоянии граждан по их официальным доходам попросту невозможно. В особенности о благосостоянии т. н. «среднего класса», поскольку именно данная группа обладает наибольшими возможностями для вторичной и третичной занятости, как правило, не учитываемой официальной статистикой.

Если в 1992 году, когда резко упал жизненный уровень практически всех слоев российских граждан, лишь 1% опрошенных по своему материальному положению определил себе место в «верхней» части социальной лестницы (выше 5 баллов по условной 10-балльной шкале), то сегодня они составляют уже 14%. Средний балл по этой шкале самооценки в 1992 году составлял 3,2, то сегодня – уже чуть менее 4 баллов. Выросла за эти годы, хотя и в меньшей степени, самооценка своего положения на лестнице «социального успеха». В 1992 году 5% россиян отвели себе место в ее верхней половине (свыше 5 баллов по той же 10-балльной условной шкале). В 2007 году таких уже стало 24%. Средний балл «успеха» и в 1992 году составил 3,4 балла, а сейчас составляет уже 4,5 баллов. Не подтверждает полученная «картинка» социального расслоения и обычные суждения об огромных социальных разрывах в сегодняшнем обществе. 69% опрошенных, согласно самооценке, расположились в достаточно узком интервале от 3 до 6 баллов по 10-балльной шкале. Только 14% не дотягивают до рубежа в 3 балла, и те же 14%, напротив, занимают место в верхней части шкалы (7 и выше баллов). Хотя в нашей стране по-прежнему немало бедняков и неудачников, большая часть общества постепенно подтягивается к середке, и если еще не отвечает потребительским стандартам «среднего класса», то, по крайней мере, в мечтах видит себя именно на этом среднем потребительском уровне.

Вот как распределялись ответы на вопрос по самооценке россиянами своего материального положения (всего выделено 10 ступеней - от верхних до нижних социальных этажей) в 2003 году (ИКСИ РАН) и в 2007 году (ВЦИОМ). Если верхние три группы составляли узкую «прослойку» богатых, до последующие две (7 и 6 сегменты) достаточно точно отражали то, что описывается понятием «средний класс». Это примерно 25,3% от всей совокупности опрошенных в 2003 году и 34,5% - в 2007 г. За эти годы распределение стало еще ближе к

нормальному, “гауссовому”, исчез незначительный “второй горб” среди “бедных” – на уровне третьей снизу позиции

	2003 г.	2007 г.
10	0,3	0,6
9	0,7	0,9
8	2,0	2,5
7	5,7	6,3
6	19,6	28,2
5	14,3	15,8
4	17,3	15,1
3	21,5	14,0
2	10,1	9,3
1	8,1	7,3

Рисуя “социальный портрет” среднего класса, Н. Тихонова пишет: “Средний класс достаточно высокообразован. И хотя доля лиц с ученой степенью здесь в три раза меньше, но около 60% в нем имеют высшее образование. В нижнем среднем и низшем классах число лиц со средним и специальным средним образованием составляет уже более 50%. Анализ должностных и профессиональных статусов показывает, что костяк верхнего среднего класса - это руководители и бизнесмены, имеющие собственные фирмы с наемными работниками. Отчетливо ощущается в нем также присутствие высококвалифицированных специалистов, достаточно равномерно представляющих гуманитарную интеллигенцию и военных, в меньшей степени - инженерно-технических работников. Костяк собственно среднего класса составляют прежде всего квалифицированные специалисты и, в несколько меньшей степени, квалифицированные рабочие. Заметное место в составе среднего класса занимают также руководители и предприниматели, включая представителей семейного бизнеса и индивидуальной трудовой деятельности, но они все же не доминируют в среднем классе из-за относительно небольшого их удельного веса в составе трудоспособного населения в целом³⁰”.

По оценкам ВЦИОМ, объем среднего класса (конечно, критерии несопоставимо ниже, чем принято на Западе, но по нашим российским меркам), если внести ряд уточняющих параметров (наличие собственности, качество жилья и т. д.), то искомая цифра составляет примерно 15-20% от всего взрослого населения страны (а в крупных городах составляет цифру от 30 до 40% и более в Москве). Причем, исключая бизнесменов, самая высокая доля “среднего класса” среди внепроизводственных специалистов с высшим образованием (именно эта группа, согласно всем социологическим канонам и образует костяк среднего класса в развитых странах). Современный российский средний класс - явление молодое и потому недостаточно изученное. Но именно данная группа определяет сегодня в России политическую погоду, формирует правила игры, от нее и ее настроений зависит трансформация российского общества и его политической системы. Эта группа имеет доминирующие позиции в современной экономике, в государственных структурах управления. Роль этой группы в жизни страны несопоставимо больше, чем ее численное представительство. Это своего рода барометр, указывающий “куда дует ветер”. Как отмечает З. Голенкова и ее соавторы, “социальный состав СК за исследуемый период определенным образом изменился, прежде всего за счет увеличения доли представителей массовой интеллигенции и служащих, хотя темпы их роста значительно отстают от темпов роста представителей административного корпуса – руководителей высокого уровня.

³⁰ Н. Е. Тихонова. Социальная структура российского общества: итоги восьми лет реформ. Социс, № 5, 2003.

Различия темпов роста отдельных социально-профессиональных и должностных групп еще достаточно существенны - и это один из принципиальных выводов, характеризующих динамику изменения социально-профессионального состава среднего класса. Что касается такой категории, как предприниматели, то их доля и в 2001 г. и в 2006г. продолжает оставаться весьма незначительной, что соответствует общему положению этой группы в социальном развитии страны³¹.

Несмотря на существование огромного разрыва между богатыми и бедными, на который постоянно обращают внимание и аналитики, и журналисты, и общественное мнение, численность как тех, так и других, все же достаточно невелика, даже с учетом поправки на специфику массовых исследований, для которых самые высшие этажи общества являются практически недоступными. Так в ходе исследования ВЦИОМ в марте 2007³² года к высоко материально обеспеченным себя отнесли только 0,7% опрошенных, а к числу живущих за чертой бедности – 6,1%. Согласно другим данным, по их собственному признанию, к хорошо и скорее хорошо материально обеспеченным гражданам относят себя около 7% населения, а к плохо или скорее плохо – 28%. При этом среднедушевой доход «номинаровавших» себя как представителей высокообеспеченной группы составляет около 15 тысяч рублей, среднеобеспеченной – 6 тысяч рублей, низкообеспеченной – 3,5 тысячи рублей, а тех, кто живет за чертой бедности – 2-2,5 тысячи рублей. За несколько последних лет самыми быстрыми темпами роли доходы военнослужащих и работников правоохранительных органов, государственных служащих, а также менеджеров преуспевающих фирм. За ними «подтягивались» представители таких массовых специальностей как врачи, учителя, преподаватели вузов, зато явно стали отставать пенсионеры, сегодня уровень средней пенсии составляет менее трети от средней зарплаты при 40% еще пять лет назад. Все эти тенденции и предопределили наблюдаемое сегодня «сбивание общества в кучу», когда доходы более половины россиян различаются несущественно и не являются уже столь нищенскими как еще несколько лет назад. Если в конце 90-х «жили нормально» в материальном смысле лишь около 35% россиян, то сегодня таковых уже немногим более 50%, а уровень настоящей бедности и материальной нужды не превышает 25-30%. В то же время, как показали исследования, этот рост доходов значительно отстает от меняющейся структуры рынка услуг. Так до сих пор лишь 17% россиян, по их собственной оценке, имеют реальную возможность пользоваться платными медицинскими услугами и 16% - образовательными. Менее трети населения (28%) имеют сбережения, превышающие символический уровень в 1 тысячу рублей. На вопрос, изменились ли Ваши денежные доходы за последний год, положительно отвечают 29% опрошенных, а отрицательно – 20%. А это означает, что возникла некоторая новая тенденция расширения группы аутсайдеров – в основном пенсионеров и бюджетников, рост доходов которой не поспевает за ростом платных услуг и происходит их фактическое снижение уровня жизни. Официальные цифры инфляции – 12-15% вызывают недоверие у большинства россиян, по их собственной субъективной оценке, уровень роста цен на услуги и продукты питания в целом не ниже 20-25% в год.

Некоторые российские социологи в 90-е годы были склонны выводить различия политических ориентаций, главным образом, из социальной стратификации общества. Так, согласно исследованиям Т. Заславской, "верхний" слой "достаточно оптимистически смотрит на свою жизнь и будущее России"; "средний слой менее позитивно относится к осуществляемым реформам"; "представители нижнего слоя предпочли бы, чтобы

³¹ З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян, Ю.В.Голиусова, И.М.Орехова. Социально-профессиональный портрет российского среднего класса. Мониторинг общественного мнения, № 3, 2007

³² Леонтий Бызов Глубока ли пропасть? Литературная газета, 17 мая 2007

реформы не начинались, а значительная часть их считает, что России нужна диктатура"³³ Отмечалось, что "динамика материального положения россиян по итогам первых лет реформ достаточно жестко коррелирует с их распределением по типам ментальности, т.е. представившиеся за последние годы жизненные шансы каждый использовал по-разному в соответствии со своими личностными особенностями"³⁴. Однако спустя почти десять лет после "дефолта" 1998 года, мы видим, что "новый средний класс" становится все более консервативным по своим взглядам и ориентациям, именно он является основой для "неоконсервативной" идеологии, доминирующей в "путинской" России, и которая, скорее всего, останется таковой и в предстоящие 6-8 лет³⁵.

Очень важным для понимания социально-политических процессов является то обстоятельство, что «новый средний класс», является не столько носителем высоких материальных и потребительских стандартов, сколько носителем соответствующих социально-политических установок. В сегодняшнем обществе он становится ядром «партии порядка», ориентированным на поддержку властей, стабильность, установление устойчивых «правил игры». Новый средний класс не слишком интересуется политикой, а в качестве «квазиидеологии» разделяет синтетические ценности, в которых есть что-то от «правых», что-то от «левых», что-то от патриотов и националистов. Одной из важных черт среднего класса является социальный оптимизм, отсутствие ярко выраженных протестных настроений и ориентаций. По данным наших исследований, уже 44,8% россиян оценивает ситуацию в обществе как нормальную, 38,9% как кризисную и только 6,5% как катастрофическую. В 1999 году как нормальную оценивали ситуацию всего 5,3%, как кризисную – 61,4%, и как катастрофическую – 28,5%. Подобный рост оптимистических оценок можно объяснить и объективными факторами – ростом денежных доходов, увеличением числа рабочих мест, решением социальных проблем. Однако, на наш взгляд, в еще большей степени источником оптимизма является благоприятный психологический фон – ощущение стабильности, постоянного, пусть и не слишком значительного улучшения условий жизни, уверенность в завтрашнем дне, а самое главное – повышение осмысленности своего существования, связанное с постепенным преодолением кризиса идентичности. Если в 90-е годы население страны столкнулось со стремительным распадом общества и государства, крайней атомизацией социума, необходимостью «выживать по одиночке», то сегодня у россиян появилось чувство «большой общности» - страны, интересы которой объединяют граждан самого разного социального положения, которой есть чем гордиться и за кого переживать. Как показывают результаты других исследований, именно преодоление кризиса идентичности, восстановление национальной общности, национального консенсуса, пусть осуществленное не до конца и не слишком последовательно, стало главной причиной позитивных оценок президентства В. Путина, несмотря на спорный и не всегда успешный социально-экономический курс.

Если общее число тех, кто оценивает ситуацию в стране как нормальную, составляет, как мы отмечали, около 45%, то в большинстве социально активных групп эта цифра превышает 50%. Так у квалифицированных рабочих этот показатель составляет 54%, у гуманитарной интеллигенции – 52%, у государственных служащих – 53%, у предпринимателей – 55%, у военнослужащих – 69%. Эти группы в целом и составляют сегодня «ядро» городского среднего класса. Выпадают из оптимистического консенсуса, главным образом, те же пенсионеры (33,1%), жители села (43,1%) и некоторые другие менее крупные по объему группы населения. Эти группы современных аутсайдеров

³³ Т.И.Заславская. Стратификация современного российского общества. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения; 1996, N 1, с.12.

³⁴ Н.Е.Тихонова. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике, Москва, РОССПЭН, 1999, с.115

³⁵ Л. Бызов. Неоконсервативный синтез. Восточноевропейские исследования, № 2, 2005

противостоят «мейнстриму» общественного оптимизма не только из-за более низких доходов, но и вследствие того, что составляют (пусть не целиком, но хотя бы частично) «островки» традиционного общества, в значительной степени сохранившего традиционалистские и советские жизненные установки – неприятие образа жизни современного буржуазно-потребительского общества. Таким образом, можно сделать вывод, что путинский режим в целом до сих пор находил общий язык с большей частью активных групп общества, недовольство которых не до сих пор не выплескивалось в радикальный внесистемный протест. Что же касается групп радикально недовольных режимом, то они были не способны на радикальный протест в силу своего возраста, удаленности от больших городов, общей социальной пассивности. Казалось, что пока режим не поссорится всерьез с созданным им же «новым средним классом», никакая протестная активность ему не будет грозить.

Что же касается социального самочувствия не самой благополучной части россиян на рубеже “смены исторических эпох”, то его сложно описать однозначно – происходит то, что обычно характерно для стран, преодолевших самую острую фазу кризиса – экономика растет, а социальные показатели, особенно субъективные, скорее ухудшаются, особенно последние полгода-год. И это понятно – большинство россиян сумели ценой огромных жертв и усилий приспособиться к новым реалиям, решили для себя проблему выживания, и сегодня им начинает хотеться уже чего-то большего. Небольшие (а иногда не такие уж и небольшие) добавки к заработным платам и пенсиям начинают восприниматься как само собой разумеющееся, явно недостаточное на фоне постоянных разговоров о бюджетном профиците и стабилизационном фонде, «картинок» о времяпрепровождении нашей бизнес-элиты, растущих как грибы коттеджах и виллах.. И хотя прослойка богатых в стране численно не столь уж велика, перед глазами у всех ряды новых коттеджей, «навороченные» иномарки, яхты, отдых «избранных» на Канарах и в Куршавеле, что, безусловно, не может не порождать зависть и недовольство граждан, в том числе входящих по своему достатку и социальному в «новый средний класс». «Страна купается в деньгах», - думает простой обыватель, «а мне добавили двести рублей к пенсии, которые не могут компенсировать постоянный рост тарифов на ЖКХ». И эти размышления не прибавляют ему социального оптимизма. Стабильность, которая была последние 8-9 лет после пресловутого «дефолта» некоей сверхценностью, уже перестала такой казаться. Хочется чего-то большего, к чему сегодняшнее государство пока совсем не готово. И чем бодрее рапорты о беспрецедентном росте денежных доходов (например, по данным Росгосстата только в феврале 2007 года денежные доходы россиян выросли в реальном выражении более, чем на 20%), тем меньше в обществе желания сказать «большое и крепкое спасибо» своему правительству. Напряжение в обществе начало расти, хотя это пока и проявляется в не слишком заметных формах.

Как показывают данные исследований, наиболее болезненно переживается россиянами проблема социального неравенства. Опрошенные однозначно ставят противоречия между богатыми и бедными на первое место по своей значимости. В феврале нынешнего года 79% россиян назвали подобное противоречие весьма значимым, и еще 15% - скорее значимым. Немного отстало по значимости противоречие между обществом и властью («простыми» людьми и чиновниками), которое отметили 71% опрошенных. Это намного выше, чем значимость других противоречий в нашем обществе, в частности таких как противоречия между поколениями (48% считают значимыми), социально-классовые различия – между бизнесменами, собственниками и работниками наемного труда (46%), между образом жизни в крупных городах и в небольших (38%), региональные (28%), национальные (28%), религиозно-конфессиональные (22%), идейные и партийные (17%).

Об отсутствии в современной России принимаемой большинством общества «культуры богатства» говорит то, что в массовом восприятии «богатые» являются носителями скорее

общественно порицаемых качеств и черт. Например, для них характерна «жадность» (32%), «неуважение к законам» (26%), «непорядочность» (21%), что говорит само за себя. Но когда респондентам приходится выбирать качества, свойственные беднякам, они называют обычные человеческие свойства, вполне уместные в рамках традиционной российской морали. Это прежде всего доброта (31%), законопослушность (28%), совестливость (19%). Беднякам, конечно, свойственны и негативные черты – лень (22%), пассивность, инертность (21%), низкий уровень образования (16%) – но вряд ли кто из исследователей осмелится назвать их социально осуждаемыми³⁶.

Путинскую эпоху во многом справедливо называют «эпохой чиновничества». Действительно, именно на российскую бюрократию была сделана основная ставка в расчете на ее потенциальную «государственническую ментальность». Бюрократия сегодня являет собой важную составную часть среднего класса, причем наиболее обеспеченную и состоятельную его часть. О масштабах коррупции в стране сегодня говорят все, признавая это зло практически неистребимым, «имманентным» сущности сформировавшейся в России социально-экономической системы. Неприязнь к чиновничеству, как показывают результаты этого и других исследований, переносится обществом на неприязнь к «власти» как таковой. Власть всегда подозревают в злом умысле против граждан, она пользуется своего рода «презумпцией виновности». Исключение составляет только сам Президент, в восприятии общества, как бы стоящий над властью, над чиновничеством и не отвечающий за его деятельность.

Несколько отходит на второй план и противоречие, связанное с проблемами собственности (между собственниками и наемными рабочими). Россияне постепенно привыкают к отношениям, связанным с частной собственностью, работой на частных предприятиях, для нового поколения подобная ситуация воспринимается как все более естественная.

Значимым для российского общества остается противоречие между людьми различной национальности. В то же время нельзя не отметить некоторого снижения межнациональной напряженности, которая произошла за последние три года, а также то, что происходит явное снижение актуальности противоречий между людьми различных политических взглядов и убеждений и между людьми с различными религиозными убеждениями, причем последнее происходит в условиях актуализации так называемой «мусульманской угрозы» и «войны цивилизаций». Что же касается противоречий, связанных с различными политическими убеждениями, то они носят явно угасающий характер. Россия пережила период раскола по идейно-политическим основаниям на рубеже 80-х и 90-х годов, причем пережила болезненно, едва не была развязана полномасштабная гражданская война. В 90-е годы, даже в их второй, более спокойной половине, страх перед угрозой гражданской войны занимал одно из ведущих мест в списке фобий общественного сознания. Сегодня общество в гораздо большей степени ценностно объединено, консолидировано, и страх гражданской войны ушел из числа наиболее значимых страхов и опасений. В стране сформировался идейно-политический синтез, в рамках которой идейно-политические различия между группами и отдельными гражданами отошли на второй план.

Между тем, на исходе путинского президентского срока все чаще стали раздаваться «тревожные звонки». В обществе, в том числе и среди представителей среднего класса, стали усиливаться сомнения относительно того, «туда ли идет страна». Так на вопрос, согласны ли Вы с тем, что дела в стране идут в правильном направлении, в марте 2007 года общественное мнение раскололось практически поровну (26% полностью или скорее согласны; 23% полностью или скорее не согласны). А ведь еще два-три года назад численность оптимистов превышала 50%. Россияне фиксируют полный провал пенсионной реформы (более 55%), реформы ЖКХ (свыше 70%), скептически относятся к попыткам реформирования медицины и образовательной сферы, зачастую просто не понимая смысла

³⁶ С. Львов. Мониторинг общественного мнения, № 2, 2007

и направленности подобных реформ. Все это и создает «зону отчуждения» между обществом и властью, которую все больше россиян начинает подозревать не просто в нерадивости, но и в «злом умысле». «Когда набьют карманы, смоятся, а мы будем расхлебывать» - все чаще приходится слышать такие мнения и на фокус-группах, и просто в быту. Конечно, эти настроения вряд ли приведут сами по себе к социальной дестабилизации, по крайней мере, в самые ближайшие годы. Однако «системный кризис», в который страна вползает в далеко не самые плохие для себя времена, по мнению многих аналитиков, «не за горами». А кризисы в России имеют обычно непредсказуемый и разрушительный характер. Как предвидит Т. Заславская, «вряд ли есть основания ожидать, что в ближайшие годы в России могут возникнуть новые социальные силы, способные вытянуть ее из сложившейся колеи. Более вероятно сохранение тех же тенденций развития, которые имеют место сейчас: раскол между властью и обществом будет лишь углубляться, элита — богатеть за счет ренты от эксплуатации общенародных ресурсов, а трудовой народ страны — расходовать энергию, знания и инициативу на выживание и некоторое улучшение собственной жизни, не задумываясь о более широких вопросах. Страна же и дальше будет двигаться в направлении, противоположном мировому развитию»³⁷.

Каковы же мечты и социальные установки нового среднего класса, его эстетические ценности, ментальность? Чего они боятся, к чему стремятся, на что предпочитают тратить заработанные деньги? За годы, прошедшие со времен «дефолта» и других катастроф, с которыми связано последнее десятилетие прошлого века, произошли существенные перемены и в системе ценностей и жизненных ориентиров значительной части россиян, а также в их материальных и потребительских стандартах. Если для «советского человека» эпохи начала 90-х, верхом счастья был садовый участок с шестью сотками, собственная машина, пусть и «Жигули» первых моделей, дача, не говоря уже о цветном телевизоре и хорошей, красивой одежде, то сегодня налицо значительное повышение жизненных стандартов. Цветной телевизор, хорошая одежда из предметов мечты превратились в доступную обыденность, которая совсем перестала «греть душу». Мечты о садовом участке трансформировались в мечту о «собственном доме», о котором в 1991 году больше половины россиян и мечтать не могли. Вполне осуществимыми даже для граждан с рядовым достатком стали поездки за границу, пусть и на дешевые курорты Турции и Кипра. Конечно, собственный дом и ныне доступен далеко не всем, но все имеют знакомых и друзей, дом приобретших или построивших. А это означает, что «стандарты счастья», которые обычно определяются верхней планкой потребления людей своего или ближнего круга, выросли на порядок. Однако дело не только в росте благосостояния наших граждан, формировании нового «среднего класса» относительно преуспевших россиян. Изменились во многом и сами люди. «Собственный дом», являющийся предметом мечты и синонимом счастья для 69% сегодняшних россиян, и конкурирующий в этом отношении со «счастливым браком» – 65% - стал и ментальным символом успеха начала XXI века, воплощением желания российского гражданина, независимо от своего достатка и материальных возможностей, «обособиться» от жестокой и не всегда привлекательной социальной реальности, где «человек человеку волк», окружить себя узким кругом самых близких людей, в основном ближайших членов семьи, и быть счастливыми за глухим забором дома или железной дверью городской квартиры. Не случайно ценность «счастливого брака» выросла за прошедшие годы с 45% до 65%, как и ценность относительно многодетной семьи (двухдетной с 19% до 27%, трехдетной – с 6 до 11%). Ценность «тихих семейных радостей» во многом стала компенсацией за разорванные социальные связи, атомизацию общества, потерю дружеского и профессионального круга

³⁷ Т. И. Заславская. О смысле и предварительных итогах российской трансформации. В сборнике «Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

общения. В “собственном доме” в окружении любящего супруга и детей современный россиянин отдыхает от изнурительной гонки за материальный достаток, в которую для него превратилась работа. Так если в 1991 году ценность интересной работы присутствовала в качестве ведущей у 43% россиян, то за минувшие годы этот показатель снизился до 30%. Еще сильнее упала ценность работы, “приносящей пользу обществу” – с 31% до 8%. Напротив, значение высокооплачиваемой работы возросло с 49% до 57%.

Мужчинам важнее чем женщинам, наличие своей машины, старикам в большей степени, чем молодым, - садового участка, дачи и множества детей и внуков, молодым в большей степени, чем пожилым – машина, высокооплачиваемая работа, высшее образование, богатым больше чем бедным – машина, счастливый брак, высокооплачиваемая работа и высшее образование, бедным в большей степени чем богатым – дача, садовый участок, работа, приносящая пользу обществу, путешествия за границу и красивая одежда.

	1991	2007
<i>Собственный дом</i>	46	69
<i>Садовый участок, свой сад</i>	27	9
<i>Машина</i>	38	34
<i>Дача</i>	18	6
<i>Счастливый брак</i>	45	65
<i>Один ребенок в семье</i>	5	6
<i>Двое детей в семье</i>	19	27
<i>Трое детей в семье</i>	6	11
<i>Четверо и более детей в семье</i>	3	5
<i>Семья без детей</i>	0	1
<i>Высокооплачиваемая работа</i>	49	57
<i>Интересная работа</i>	43	30
<i>Работа, приносящая пользу обществу</i>	21	8
<i>Высшее образование для меня самого</i>	11	6
<i>Высшее образование для моих детей</i>	31	27
<i>Путешествия за границу</i>	29	13
<i>Цветной телевизор</i>	19	1
<i>Красивая одежда</i>	27	3
<i>Много денег</i>	41	29
<i>Другое, затруднились ответить</i>	2	6

Насколько реально для нынешних россиян осуществить свою мечту, добиться “счастья в жизни”?

Как показали результаты сравнительного исследования, “счастье” для нынешних поколений россиян стало доступнее, чем пятнадцать лет назад, хотя и не слишком много. Если в 1991 году счастье считали достижимым около 17% опрошенных, из которых 5% полагали, что шансы добиться своей мечты весьма велики и еще 12% видели свои шансы “довольно большими”, то сегодня эта цифра выросла до 29% (те же 5% полагают свои шансы весьма большими, зато вдвое – с 12% до 24% выросло число тех, кто считает свои шансы довольно большими). Естественно, что молодое поколение не в пример оптимистичнее своих родителей и дедов. Так в самой младшей из опрошенных возрастных групп (от 18 до 25 лет) число тех, кто уверен, что добьется успеха, составляет 54%, а у пожилых, тех, кому свыше 60 лет, таких оптимистов, рассчитывающих пусть и под занавес жизни, у “самых врат Ада”, но схватить “за хвост” Птицу Удачи – всего 18%. В группе с относительно высоким уровнем материального достатка оптимисты составляют 59%, а в группе с наиболее низким – всего 13%.

О росте благосостояния наших сограждан свидетельствует и сокращение доли расходов, отводимой семьей на питание, приобретение продуктов. Пятнадцать лет назад, в разгар

“гайдаровских реформ” на питание уходили практически все доходы. 42% опрошенных тратили на питание три четверти своих доходов и более, 21% - примерно две трети, и еще 21% - примерно половину. Менее половины доходов тратили всего 8% опрошенных. Сегодня картина существенно изменилась. Уже 28% россиян тратят на питание существенно меньше половины своих доходов, 36% - примерно половину, и около 30% значительно больше половины, для них питание составляет главную статью семейных расходов.

В 1992 году в настроениях россиян доминировали такие эмоции как усталость, безразличие (36%), жестокость, агрессивность (33%), растерянность (29%), отчаяние (28%), страх (25%), и лишь на шестом месте маячила надежда (20%), а в нынешнем 2007 году именно надежда стала главным, доминирующим чувством (40%). И хотя следом за ней идут опять усталость и безразличие (34%), жестокость, агрессивность (22%), обида, растерянность и отчаяние (все по 19%), нельзя не признать существенной перемены в настроениях и эмоциях россиян за минувшие пятнадцать лет. Стало интересней жить (59% против 30% сегодня считают, что “жить интересно”). В 1992 году это соотношение составляло 39% против 37%. И это несмотря на то, что начало 90-х годов было эпохой перемен, важных, судьбоносных событий в жизни страны, а нынешние времена любят называть “новым застоём”, для них характерна политическая и социальная стабильность. Особенно интересно жить современной молодежи (76% против 15%), чего не скажешь о пожилых согражданах (35% против 52% считают, что “жить интересно”).

За минувшие годы россияне укрепились в мнении, что современным миром правят деньги (так считали 39% в 1992 году и 54% считают сегодня). Зато упал “рейтинг” высших сил (с 17% до 10%) и разума (с 17% до 12%). Второе по значимости место россияне отводят любви (выросла с 4% до 11%).

Если в 1992 году россияне боялись войны, массовой резни (24%), голода (11%), физического насилия (6%), то сегодня эти страхи несколько отодвинулись (соответственно их боятся 18%, 5%, 2%). Зато на первое место вышли страхи личные – боязнь потерять близких (выросла с 21% до 28%), старости, болезни, беспомощности (сохраняется на уровне 10-11%), нищеты (на уровне 8-9%), произвола властей (и сейчас, и пятнадцать лет назад – по 8%). Общественно-политическая стабильность все в большей степени переносит акценты и страхов, и ожиданий, с общественной жизни, со сферы политики, - в жизнь частную.

В то же время как не без оснований утверждают некоторые аналитики, этот “новый средний класс” вряд ли оправдает ожидания демократов. Сегодня он скорее является оплотом пассивности, консерватизма и сервилитета в отношении властей. Как отмечает В. Шейнис, “авторы одного из капитальных исследований среднего класса, сочувственно процитировав слова А.Токвиля («дух среднего класса в соединении с духом народа или аристократии может творить чудеса, но сам по себе он никогда не даст ничего, кроме правления без доблести и размаха»), приходят к заключению: средние классы выглядят «чуть ли не пассивным образованием» только «на фоне тотального равнодушия». И приводят сокрушительные данные: активистами общественных движений числят себя 2% граждан России и 4,4% ядра средних классов. «Нет никаких оснований, - заключают они свою работу, - для идеализации средних классов... Средние классы активны, когда другие нарушают закон, ущемляя их права, но они не считают для себя обязательным подчиняться силе закона». Динамику процессов, совершающихся в среднем классе, несомненно, важно исследовать и обобщать, но пока что он явно не готов стать системообразующей силой демократической оппозиции”³⁸. Действительно, политическая пассивность нового среднего класса, вряд ли дает повод для оптимизма в отношении быстрого развития демократии, особенно в ее политической ипостаси.

³⁸ Виктор Шейнис. Когда же придет настоящий день? Сайт ФОМ-клуба, М., 2007

Можно сделать вывод, что главным достижением “путинской эпохи” стало формирование в современной России среднего класса. Именно он обеспечивает стабильность и предсказуемость политических и экономических процессов в стране. В самые последние год-полтора к нижней части среднего класса подтянулись представители массовых специальностей – учителя, врачи, научные работники и т.д. И это очень важно, так как способствует “легитимации” среднего класса в глазах большей части российского общества. Именно от настроений и запроса со стороны среднего класса во многом зависит то, каким окажется “фундамент Новой России”.

3. Ценностный фундамент “Новой России”

На место расколу общества по идейно-политическим основаниям, определявшему вектор политических трансформаций в первой половине 90-х годов, в конце того же десятилетия начал приходить идейно-политический синтез. В последовавшие годы этот феномен стал метаидеологией так называемого «путинского большинства», и стал идейным обоснованием путинского режима. Постепенно он стал обретать социальный фундамент в виде нового среднего класса, отражающего стабилизацию социальной структуры общества при В. Путине, получать определенное теоретическое развитие (концепция «суверенной демократии»), обретать черты официальной идеологии. Внешне оставаясь эклектичным набором зачастую противоречащих друг другу идеологем, идейно-политический синтез стал обретать и внутреннюю целостность. Движение российского общества в направлении политического центра привело к формированию в нем на рубеже веков «национал-державнического большинства». Оно придерживалось умеренно левой, государственнической ориентации, дистанцируясь одновременно как от «коммунистов», так и от «либералов». Главной отличительной чертой нового запроса этого большинства является ориентация на власть, объединяющая общество, реализующая общенациональную субъектность, в противовес многочисленным кланам и группировкам, растаскивающим власть, реализующим частные или групповые интересы. Является ли тяга к единению характерной чертой именно нынешнего этапа, переживаемого Россией, или же она является имманентно присущей глубинным национальным архетипам, и, в соответствии с этим, «особой чертой», отличающей российскую политическую модель от европейской, остается предметом дискуссий среди политологов и историков. В сегодняшней России нет и не предвидится серьезных «партий интересов», которые бы в соответствии с требованиями классической политологии, отражали бы и защищали интересы каких-то отдельных групп общества. А когда такие партии появляются, они скорее имитируют свои «социальные» корни и соответствующие им социально-экономические парадигмы. Для объяснения подобного феномена, политологи ссылаются на феномен **синкретизма**, изначальной нерасчлененности массового сознания. Множественность парадигм воспринимается на уровне глубинных архетипов как болезненное состояние, раскол, предчувствие гражданской войны. Нынешний, путинский период – тому казалось бы яркое подтверждение. «Синкретизм», нерасчлененность массового сознания, когда на уровне подсознания каждый гражданин воспринимает себя скорее как часть целого, чем как самостоятельного субъекта вступает в противоречие с другими данными, свидетельствующими о глубокой индивидуализации общественного бытия современных россиян, их нежелания и неспособности выстраивать социальные связи и проявлять солидаризм. Обе названные крайности – синкретизм и индивидуализм – сосуществуют в современной России и определяют тот феномен, который можно условно назвать «**путинской метаидеологией**».

Для современной России вообще характерно значительное ослабление идейно-политического противостояния в обществе и формирование своего рода “метаидеологии”, внешне эклектичной, сочетающей в себе “что-то справа, а что-то слева”, но воспринимающейся большинством общества как что-то вполне органичное. По данным опросов ВЦИОМа, противостояние идеологических полюсов по своей силе уступает противостоянию «богатых» и «бедных», «чиновников» и «обычных граждан», «жителей мегаполисов» и «жителей провинциальных городов», населения различных регионов страны. Основной ценностный вектор, связываемый с понятиями «порядок» и «справедливость», разделяется практически всеми группами нашего общества. Программы и лозунги большинства партий становятся очень похожими, не случайно даже недавняя кампания СПС в ряде регионов прошла под знаком восстановления социальной справедливости. Поэтому, говоря об идейной сегментации, следует учитывать, что речь зачастую идет о нюансах, отдельных приоритетах носителей различных идей, а не о глубинных различиях в видении настоящего и будущего России. Действующая власть и ее партийные представители в лице «Единой России» во многом «впитали» как левые, так и правые идеи, что позволило им как бы «выпасть» из идейно-политического спектра, привлечь на свою сторону даже те группы, которые в логике идейно-политического пространства ранее противостояли друг другу. Идеи сильного суверенного государства, социальной справедливости, эффективной рыночной экономики, национального достоинства – определяют **«лево-правый» синтез**, характерный для государственной «квазиидеологии», сформировавшейся при В. Путине. Этот синтез обеспечивает в настоящее время «партии власти» поддержку не менее половины населения страны.

Несмотря на возросшую идейно-политическую однородность современного российского общества, основные «ниши» сторонников тех или иных идей и взглядов сохраняются, пусть они и окрашены в гораздо менее яркие цвета, чем раньше, пусть они и не столь рьяно отрицают своих идейных и политических оппонентов. Как это следует из исследований ВЦИОМ, проведенных в 2006-2007 годах, симпатии россиян все же в большей степени склоняются в «левую» сторону, чем в «правую», хотя эта левизна и не носит чересчур радикального характера. Так на просьбу определить свои симпатии к одному из трех основных идейно-политических течений («левые» - «правые» - «националисты»), 42,4% опрошенных охарактеризовали себя как сторонников приоритета социальной справедливости, то есть «левых», 18,0% - как сторонников приоритета развития рынка и политической демократии, то есть согласно российской политической традиции, скорее «правых», и еще 10,9% заявили, что им ближе и не левые, и не правые идеи, а русские национальные ценности и политические традиции. Оставшиеся чуть менее 30% опрошенных вообще отказались идентифицировать себя с той или иной идеологией. Подобное соотношение является довольно устойчивым, хотя за последний год продолжился дальнейший крен общества «влево». Доля сторонников приоритета социальной справедливости возросла за это время почти на 7%, а другие «ниши» несколько сократились. Так «правые» потеряли совсем немного – около 1% сторонников, зато «русские националисты» снизили свой потенциал сразу на 5,8% - с 16,7% в мае 2006 года до 10,9% в марте 2007 года. Заметим, что и в избирательном «меню», которое, скорее всего, будет предъявлено российским избирателям в декабре 2007 года, не ожидается появления ни одной партии «русских националистов», в отличие от «Родины»-2003. Именно крах «Родины», активная общественная кампания, направленная против радикального национализма, вероятнее всего повлияла на некоторое снижение интереса россиян к националистической проблематике. Исследования ВЦИОМ позволяют утверждать, что основной идейный «мейнстрим» по-прежнему направлен в лево-государственническое русло. Так на вопрос об ориентациях нового президента России, который придет на смену

В. Путину, почти 50% опрошенных заявили о том, что он должен еще большее внимание уделять именно восстановлению социальной справедливости и укреплению государства. Среди электоратов ведущих политических партий особой левизной отличаются сторонники КПРФ (68% идентифицируют себя как левых) и «Справедливой России» (59%). Однако левые составляют относительное большинство и среди сторонников всех остальных партий, включая традиционные «правые», среди которых 42% отдают приоритет именно идеям социальной справедливости и только 25% - идеям рынка и политической демократии. Что же касается «русских националистов», то пока по их доле лидируют сторонники ЛДПР (19%). Таким образом, налицо все более слабая зависимость между декларируемыми идейно-политическими ориентациями россиян и их конкретным электоральным выбором. По сути, лишь сторонники КПРФ являются в своем большинстве – около 60% - сторонниками «титულიной» для этой партии коммунистической идеологии. Все остальное проявляется лишь в нюансах. Как показывает более детальный анализ, у сторонников «Единой России» лишь легкий рыночный «уклон», у ЛДПР – социал-демократический и националистический, у бывшей «Родины» - националистический, у СПС – рыночный и социал-демократический, у «Яблока» – социал-демократический, социалистический и социал-демократической у «Справедливой России».

Если выделить три основных идейно-политических течения в российском обществе, то какое из них Вам наиболее близко?	Май 2006	Март 2007
<i>сторонники приоритета социальной справедливости</i>	35,6	42,4
<i>сторонники приоритета развития рынка и политической демократии</i>	19,1	18,0
<i>сторонники русских национальных ценностей</i>	16,7	10,9
<i>ни одна из них не привлекает</i>	28,6	28,7

Во многом данное противоречие связано с тем, что реальный спектр общественных симпатий носит более сложный характер. Те же «**левые**» делятся на несколько групп в соответствии со своими убеждениями и приоритетами. Среди них есть убежденные сторонники коммунистической идеологии, в основном с ностальгией вспоминающие «эпоху развитого социализма» 70-х и 80-х годов. Зато в 2,5 раза больше совсем других левых – так называемых левых государственников, социал-патриотов, которые считают необходимым воссоздание сильного и социально ориентированного государства, но отнюдь не под руководством коммунистов. Небольшой «довесок» к этим двум крупным группам «левых» составляют «левые демократы», сторонники социальной демократии, самоуправления трудящихся.

На две группы раскололись и недавние «**правые**». Часть из них осталась на позициях рыночного фундаментализма, невмешательства государства в экономику и свободное развитие бизнеса. Несколько шире представлена другая часть правых, отдающих приоритет правозащитной деятельности и политической демократии, выступающих против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства

Зато на смычке «правых» и «левых» образовалась внушительная группа **правоцентристов**, выступающих за сочетание сильного государства и рыночной экономики. Она наиболее идеологически близка нынешней «партии власти», и вероятно, в нее вошли и некоторые бывшие «левые государственники» и некоторые бывшие «правые рыночники».

За общим «брендом» русских **национал-патриотов** также, по сути, скрыты несколько групп с сильно различающейся идеологией, наиболее крупные из которых это собственно русские националисты, выступающие за реализацию лозунга «Россия для русских», против наплыва в Россию мигрантов, в основном из южных и юго-восточных регионов, и примерно такова же по численности и совсем иная группа патриотов – православных монархистов, сторонников возрождения страны на основе православия и дореволюционных политических традиций. Понятно, что многие сторонники патриотических приоритетов также переметнулись сегодня в стан «партии власти».

За неполный год, прошедший с аналогичного исследования в мае 2006 года, на 1,7% выросло число сторонников коммунистов (с 9,8 до 11,5%), одновременно – на 3,2% число сторонников сочетания сильного государства и рыночной экономики («либерал-государственников»). На 2% сократилась численность сторонников традиционал-государственников («монархистов») – с 4,1% до 2,1%, а также либералов – правозащитной ориентации («левых либералов») на 1% (с 5,1% до 4,1%) и либералов – сторонников приоритета свободного рынка - на 2% (с 3,4% до 1,4%). Практически не изменились численности сторонников «левых сил» некоммунистической ориентации (4,0%), сторонников сильного и социально ориентированного государства («левых государственников») – 26,3%, русских националистов, выступающих против наплыва в Россию приезжих (3,9%). Таким образом, как можно судить по следующей таблице, россияне скорее левой ориентации составляют общей сложностью 41,8%, русские национал-патриоты – 6,0%, россияне скорее правой ориентации – 24,3%.

Если коммунистическая идеология уже все последние годы в основном привлекает граждан самого старшего поколения, а идеология сильного и социально ориентированного государства – людей среднего и старшего, то молодежные группы в большей степени ориентированы на ценности рынка, демократии, не чужды им и националистические ценности.

Кому Вы скорее симпатизируете? (ВЦИОМ, 2007)	Наиболее близкие политические партии	Число сторонников	Общая характеристика
Коммунистам («коммунисты»)	КПРФ	11,5	Левые – 41,8%
другим "левым силам", в том числе социалистической и социал-демократической ориентации («социалисты»)	«Справедливая Россия»	4,0	
сторонникам сильного и социально ориентированного государства («левые государственники»)	«Единая Россия», «Справедливая Россия»	26,3	
русским националистам, выступающим против наплыва в Россию приезжих из южных и юго-восточных	ЛДПР	3,9	Русские национал-патриоты – 6,0%

<i>регионов («русские националисты»)</i>			Правые – 24,3%
<i>сторонникам возрождения страны на основе православия и дореволюционных традиций («монархисты»)</i>	Нет крупных партий	2,1	
<i>правозащитникам и демократам, выступающим против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства («левые либералы»)</i>	Яблоко, СПС	4,1	
<i>сторонникам сокращения вмешательства государства в экономику и свободное развитие бизнеса («правые либералы»)</i>	СПС, «Единая Россия»	1,4	
<i>Сторонники сильного государства и рыночной экономики («либерал-консерваторы»)</i>	«Единая Россия»	18,8	
<i>Иное</i>		0,8	
<i>не интересуются политикой</i>		18,8	

Итак, в реальной политической жизни избирателю сегодня предлагаются не дистиллированные идейные блюда, а сложные «коктейли», зачастую различающиеся лишь приоритетами. Скажем, даже наиболее «оголтелые» рыночники, либералы не отрицают сегодня идей социальной справедливости, просто отводят им место в своей иерархии несколько ниже, чем остальные группы. Аналогичное можно сказать и о таких универсальных ценностях как рыночная экономика, сильное государство, патриотизм. О том, какие из общественных идей все в наибольшей степени способны объединить нынешней российское общество, можно судить и по ответам на еще один вопрос, относительно возможной поддержки той или иной гипотетической партии, сформированной вокруг какой-то определенной идеи. Опрошенным предлагалось выбрать до двух наиболее привлекательных партий, поэтому сумма ответов превышает 100%. Наиболее привлекательными для граждан оказались те партии, которые выступают за социальную справедливость, социальную защиту населения (57,1%), воссоздание мощного и крепкого государства (34,5%), демократические ценности (15,4%), интересы русского населения (18,6%). Именно эти идеи и являются сегодня «нациообразующими», обладающими способностью, пусть пока и лишь потенциальной, объединить наше разношерстное, разорванное социальным неравенством и территориальной удаленностью общество в одно

целое, дееспособную политическую нацию, способную формулировать и отстаивать свои национальные интересы.

Относительно меньше сторонников у таких гипотетических партий как партия, выражающая интересы наиболее активных, дееспособных слоев общества, способных добиваться успеха (8,3%), партия, выражающая интересы государственных служащих (5,9%), партия, выступающая за общественное самоуправление, повышение роли трудовых коллективов (9,6%), партия, выступающая за повышение самостоятельности регионов (6,0%), партия, выступающая за развитие свободного предпринимательства (7,2%).

По мнению опрошенных, именно идеология патриотизма вкупе с идеями демократии в наибольшей степени подходит для российского народа на нынешнем этапе его развития. За такой синтез высказываются 39,4% опрошенных россиян. При этом 21,1% на первое место в этом синтезе ставят идею демократии, а 18,3% - идею патриотизма. Что касается характеристики того строя, который мог бы в наилучшем виде выразить идеологию современного российского народа, то это в первую очередь - социализм (17,1%), и гораздо в меньшей степени коммунизм (8,3%) и тем более капитализм (1,7%). 8,2% в качестве главной назвали идеологию державности, что совсем недалеко ушло от идеи патриотизма, 7,6% - идею национальной самобытности, 3,2% - идею либерализма. При этом сторонники «Единой России» в большей степени ориентированы на идеологию демократии (31%) и патриотизма (20%), сторонники КПРФ – коммунизма (41%) и социализма (27%), ЛДПР – либерализма (24%) и демократии (15%), «Справедливая Россия» - социализма (26%) и патриотизма (21%).

На съезде «Справедливой России», состоявшемся в начале 2007 года, лидер этой партии С. Миронов провозгласил необходимость и даже неизбежность построения в стране социалистического государства, установление социалистического строя, более современного, по его мнению, чем капиталистический. Как показали исследования ВЦИОМ, эта идея во многом созвучна настроениям россиян, «замученных» неприглядной капиталистической действительностью, другое дело, что они ее считают скорее неосуществимой в современных условиях. Так 46% опрошенных выразили свое в целом позитивное отношение к строительству социализма в России, и несколько меньше – 37% - эту идею не готовы поддержать. Однако из тех, кто позитивно относится к самой идее социализма, только 10% считает ее реально осуществимой, а 36% полагают ее привлекательной, но недостижимой. Из числа всех опрошенных значительно выделяются сторонники КПРФ, 78% которых считает идею социализма привлекательной и 28% - вполне осуществимой, а также сторонники «Справедливой России», где аналогичные цифры составляют 69% и 21%, соответственно. Идея социализма в наибольшей степени «греет сердца» самой пожилой части россиян, так среди опрошенных старше 60 лет идея социализма привлекает 58%, а кажется вполне осуществимой 21%.

Подобное двойственное отношение к перспективам строительства социализма связано во многом с тем, что капиталистические, частнособственнические отношения в современной России зашли столь далеко, что переход к социализму, в какой бы форме он не состоялся, может потребовать слишком больших жертв, без которых не обходится ни одна революция. Только 15% опрошенных полагают, что в условиях нынешней России возможен мирный переход к социализму, который не потребует революции, а 56%, напротив, полагают, что для перехода к социализму обязательно потребуется революция, «просто так» собственность, оказавшуюся в частных руках, уже не отдадут. А перспективы новой революции, даже под привлекательными для большинства россиян лозунгами и идеями, пугают – уж слишком тяжело достались нынешнему поколению граждан выпавшие на их долю радикальные перемены в социально-экономической сфере, пришедшиеся на 90-е годы.

Между тем, среди стран, в которых сегодня строится или уже построен социализм, есть самые разные, с принципиально различными моделями социально-экономического устройства. Для нынешних россиян наиболее привлекательным, хотя и скорее неосуществимым в условиях современной России, представляется опыт социал-демократической Швеции («шведская модель социализма»), других европейских стран социалистического и социал-демократического выбора, в которых экономика скорее построена по капиталистическому принципу, а социальная сфера – по социалистическому (20%), менее привлекательной в качестве примера для подражания представляются модель китайского социализма, где развивается рыночная экономика при сильной и политически доминирующей коммунистической партии (6%), и уж совсем не вызывает желания «перенять опыт» социалистическая модель Северной Кореи, где реализованы принципы всеобщего равенства у условиях тоталитарного коммунистического режима (1%). 12% россиян в качестве образца для подражания назвали социалистический строй, который существовал в СССР, а 18% - полагают, что в современной России наиболее перспективным является путь строительства нового социалистического строя, по своей, российской модели, непохожей ни на одну из тех, которые сегодня реализуются или уже реализованы. При этом, если для старших поколений россиян наиболее привлекательным остается социализм «с советским лицом», то молодые поколения предпочли бы строить социализм без оглядки на советский опыт.

Таким образом, само понятие «социализм» объединяет разные варианты развития, разные формы социально-экономического устройства общества – от полного «огосударствления» экономики до социал-демократической модели, предполагающей свободу частной собственности и рынка. Как показали результаты уже цитировавшегося опроса, «социалистический выбор» нынешних россиян скорее направлен в сторону государственного социализма, чем социал-демократии, однако при этом наиболее привлекательной представляется не «жесткая» модель, которая предполагает полную государственную собственность на средства производства, планирование всей экономической сферы (28% сторонников), а скорее «нэповская» модель, при которой государство остается собственником наиболее крупных и стратегически значимых предприятий, а отношения частной собственности и рынка развиваются в торговле, сфере услуг, производстве продуктов питания и товаров широкого потребления (45% сторонников). Что же касается социал-демократической модели, при которой социальная сфера развивается за счет высоких налогов при полной свободе рынка, то при всей привлекательности Швеции и других европейских стран, только 8% опрошенных полагают, что такая модель может быть успешно применена в современной России («все-таки мы не Швеция»). И лишь 3% опрошенных охарактеризовали себя как сторонников наиболее жесткой модели рыночного капитализма, для которой характерны низкие налоги и максимум свободы для частного предпринимательства. Предпочтение «нэповской» модели социализма отдают представители практически всех групп российского общества – люди разных возрастов, профессий, политических убеждений. По их мнению, именно такая «нэповская» модель позволила бы совместить наиболее успешные черты как социализма, так и рыночного капитализма. Ведь большая часть россиян смогла на собственном опыте познать преимущества и недостатки и социалистического, и капиталистического строя.

По мнению опрошенных, социалистический строй имеет неоспоримые преимущества над капиталистическим (рыночным) строем в социальной защите и социальном обеспечении (71% против 13%), в возможности получить достойное образование (63% против 21%), в доступности и качестве медицинского обслуживания (60% против 22%), равенстве возможностей всех членов общества (62% против 17%), гармонии межнациональных отношений (62% против 17%), гарантиях безопасности личности, твердом правопорядке (54% против 18%). Менее очевидны преимущества социализма в сфере свободы

информации, доступа к культурным ценностям, в богатстве духовной жизни (40% за социализм против 38% за капитализм). Что же касается капитализма, то его преимущества над социализмом проявляются в таких сферах как заинтересованность человека в результатах своего труда (45% против 38%), доступность и качество товаров широкого потребления и продуктов питания (51% против 32%), политическая свобода, права человека (39% против 33%).

Тенденции «влево», характерные для современной России, лишь в малой степени являются формой «реванша» за поражение социализма в начале 90-х годов. Ведь как показал опрос, сегодня к идеям социальной справедливости как главным для России пришли практически все группы общества, а не только те, которые живут воспоминаниями о минувшем. «Порядок» и «справедливость» стали требованием и нового среднего класса, который сформировался уже при В. Путине и, казалось бы, вполне неплохо устроился в нынешней России. А это означает, что какая бы власть не пришла к рулю большой политики в обозримом будущем, она должна будет в той или иной форме ответить на «левый» запрос общества.

Таким образом, вектор поиска общенациональной идеологии на сегодняшний день направлен в сторону идей сильного, демократического, социально ориентированного государства (государственного социализма) и патриотического внешнеполитического курса страны. Именно эти требования предъявляет общество как нынешней власти, так и той, которая придет ей на смену в 2007-08 годах.

Для современного российского общества кроме сдвига влево, характерно и усиление консервативных тенденций как в менталитете и настроениях ведущих групп общества, так и в трансформации политической системы³⁹. Еще в период 1998 – 2000 гг. в России стали складываться социокультурные предпосылки для коренной трансформации общественных отношений, сформировавшихся в 90-е годы. После периода «революционной смуты» в умах, массовое сознание в значительной степени вернулось в свое «спокойное» традиционное состояние. Сформировался своего рода «ценностный консенсус», социокультурный феномен, когда по целому ряду ключевых вопросов общественного бытия достигается согласие большей части общества. Этот феномен мы отмечали еще на рубеже 2000-2001 гг.⁴⁰, когда перспективы и рамки данного явления еще не были отчетливо ясны. Между тем за прошедшие годы выявились и «узкие» места нового идеологического синтеза, заставляющие видеть в нем временное явление. Не случайно в нынешнем году в повестку дня поставлена угроза революции, о которой говорят и элиты, и власти (не важно, что одни – пугают, другие – ее хотят). Конечно, дело не в революции, речь идет о завершении большого трансформационного цикла, начавшегося даже не в конце 80-х годов прошлого века, а значительно раньше, в период существенных изменений ценностных установок советского общества еще в 60-е и особенно в 70-е годы. Именно тогда сформировался запрос со стороны средних слоев советского общества и советской элиты на формирование в России массового потребительского общества на основе индивидуалистической системы ценностей. Этот запрос разрушил советский традиционализм, привел в действие механизмы политической трансформации⁴¹, однако результат данного процесса пока не воспринимается обществом как конечный. Сегодня важно понять, каковы перспективы этой ценностной и социокультурной эволюции, какой тип общества может возникнуть в качестве итога цикла, и, соответственно, каковы качественные составляющие «нового консерватизма», какие социокультурные и политические реалии несет нам этот магистральный на сегодняшний день общественный запрос. Тем более, что как мы постараемся показать ниже, сегодня

³⁹ Л. Бызов. Российское общество в поисках неоконсервативного синтеза. Восточноевропейские исследования, № 2, 2005.

⁴⁰ Л. Бызов. Первые контуры постпереходной эпохи. Социс, 2001, № 3

⁴¹ Н. Бирюков, В. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России, М., 2004

наблюдается некоторая бифуркационная точка трансформации, когда установки на «стабильность любой ценой» постепенно сменяются установками на перемены. Общество отдохнуло, накопило силы для завершающего трансформационного витка. Одновременно остается велика и сила инерции стабильности.

В отличие от социокультурной ситуации середины 90-х, когда носителями консервативной идеологии и системы ценностей выступали традиционалистские слои общества, в основе нынешних неоконсервативных тенденций лежат совершенно иные общественные слои, в первую очередь, новый средний класс, сформировавшийся в России уже после 1998 года. Его основные характеристики мы опишем ниже. По своим качественным характеристикам, неоконсервативный консенсус выражается в стремлении всех ведущих социальных групп к идейно-культурному синтезу. Его основу составляет большинство, имеющее определенные «левые» черты, в основном связанные с патерналистским представлением о государстве как главным организующим общество субъектом, с другой, - национал-центристские черты, связанные с актуализацией национал-государственной проблематики и возвращением во многом представлений о враждебном к России внешнему окружению. Сдвиг общества влево сочетается с ростом интереса к российской почве, социальной и исторической «органике», одновременно растет и этническая составляющая российского национального сознания. В то же время взгляды большинства россиян носят в целом достаточно умеренный характер, преодолевается идеологическая конфронтация, характерная некогда как для «коммунистической», так и «либеральной» частей общества.

Отказ большей части общества идентифицировать себя как «левых» или «правых» сам по себе не означает потерю актуальности левых или правых идей. Так «правые» идеи в той или иной их форме («мягкий» рейтинг, не требующий однозначного выбора) находят поддержку примерно 67% опрошенных, «левые» - 61%; «национал-патриотические» - 60%. Это не означает, конечно, что такое число избирателей готовы голосовать за соответствующие партии. Скорее, напротив, именно симпатии одновременно к лозунгам из разных сегментов спектра вызывают отторжение от конкретных партий. Причем особый акцент делается, как правило, на наиболее «правой» форме каждой из названных идеологических позиций. Так среди течений, обычно интерпретируемых как «правые», наибольшую поддержку в обществе находит «право-традиционалистское» направление (33,3%), то есть идея возвращения к традициям и моральным ценностям. Только 22,3% опрошенных отдают предпочтение «лево-либеральной» идеологии, связанной с идеями прав человека, демократии, свободы самовыражения личности. И, наконец, наименее популярной интерпретацией «правой» идеологии является сегодня «либеральный фундаментализм», ранее монополизировавший в постсоветской России «правую» идеологию. Им симпатизируют только 11,5% опрошенных россиян, а голосовать готовы не более 2,5%.

Аналогичная или очень похожая картина наблюдается и среди «левых» лозунгов. Там также с большим преимуществом (46,8%) доминирует «правая» интерпретация «левой» идеи – это сильное государство, заботящееся обо всех своих согражданах. Запрос на социальную справедливость в этом случае обращен не к обществу, а к сильному государству, к власти. И поэтому, если исходить из наиболее распространенной европейской традиции, это направление не может быть названо однозначно левым. Собственно же «левая» идеология (соответствующая понятию «левизны» в Европе), характеризующаяся такими лозунгами как социальная справедливость, равные права и возможности, самоуправление, имеет значительно меньше сторонников (16,3%).

Еще более сильный акцент вправо наблюдается среди тех, кто симпатизирует «русским патриотам». И здесь с огромным преимуществом лидирует «правая» интерпретация русского патриотизма, связанная с идеей воссоздания великой державы (47,2%), а «левые патриоты», выдвигающие на первый план идею этничности «Россия для русских» вызывают симпатии лишь 13,6% россиян. Другое дело, что это меньшинство этнически озабоченных

россиян в основном состоит из молодежи, и поэтому является носителем совершенно новой для России социокультурной тенденции этнического русского национализма. Следует пояснить, почему идея этничности в современном российском политическом контексте является скорее левой. Как это показало специальное исследование⁴², проведенное нами в 2004 году, в случае русского национализма как массового явления, «речь идет не о государственнической идеологии, связанной с формированием национального государства на этнической основе, а скорее о социокультурном феномене, связанным всего лишь с формированием локальных субкультур, активно самоорганизующихся в условиях неспособности государства и вообще "большого социума" обеспечить необходимый коммуникативный минимум и связанную с ним социальную мобильность». Вообще на так называемом "левом политическом фланге" наблюдается явный дефицит собственно левых политических сил. Проблема в том, что "левый" по содержания социально-политический запрос, связанный со стремлением к социальной справедливости, в российском обществе неизменно принимает "правую" форму - он апеллирует к власти, общество раболепно просит о даровании ему искомой справедливости, но само не готово к самоорганизации.

Лозунги, обычно выдвигаемые "правыми". Справа человека, демократия, свобода каким из них вы в наибольшей степени самовыражения личности согласны? (ВЦИОМ, май 2005)	<i>возвращение к традициям, моральным ценностям</i>	22,3
	<i>свободный рынок, частная собственность</i>	33,2
	<i>ни с чем не согласен</i>	11,5
	<i>Затруднились ответить</i>	19,7
Лозунги, обычно выдвигаемые "левыми". С социальная справедливость, равные права и каким из них Вы в наибольшей степени возможности согласны?	<i>сильное государство, заботящееся о всех своих гражданах</i>	13,0
	<i>не согласен ни с тем, ни с другим</i>	16,2
	<i>Затруднились ответить</i>	46,8
	<i>Россия должна снова стать великой державой</i>	23,3
Лозунги, обычно выдвигаемые "русскими патриотами". С каким из них вы в наибольшей степени согласны?	<i>русские должны объединиться для защиты национальных интересов</i>	13,5
	<i>Россия должна снова стать великой державой</i>	47,2
	<i>не согласен ни с тем, ни с другим</i>	23,1
	<i>Затруднились ответить</i>	16,0

На вопрос, какие из перечисленных идей и лозунгов различной ориентации станут актуальными в стране через 5-10 лет, за какими из них будущее, также наибольшее преимущество получили право-либеральные, право-социалистические и право-патриотические лозунги. 46,5% видят будущее России как великой державы, сильного социального государства, основанного на возвращении к традициям и моральным ценностям. То есть некий синтез советской и досоветской традиций, как некоторые говорят «советская власть без коммунистов». Все остальные варианты «будущего России» носят скорее периферийный характер.

Какой из лозунгов станет наиболее актуальным через 5-10 лет? (ЦВИМО, май 2005)	<i>права человека, демократия, свобода</i>	10,1
	<i>возвращение к традициям, моральным ценностям</i>	14,0
	<i>свободный рынок, частная собственность</i>	10,1
	<i>социальная справедливость, самоуправление, равные права и возможности для всех</i>	8,5

⁴² Л. Бызов, «Ждет ли Россию всплеск русского национализма?», «Мониторинг общественного мнения», № 5, 2004.

<i>сильное государство, заботящееся о всех своих гражданах</i>	17,2
<i>русские должны объединиться для защиты национальных интересов</i>	5,7
<i>Россия должна снова стать великой державой</i>	15,1
<i>Другое</i>	3,8
<i>Затруднились ответить</i>	15,1

Эта «идеальная» цель не описывается, по мнению большинства россиян, в терминах «капитализм» или «социализм». Только 12,5% опрошенных считают, что для России подходит строй, основанный на рыночных отношениях, немногим больше – 18,1% - хотели бы вернуться вспять, к социалистическому строю, какой был в СССР. Еще меньше – 11,1% - хотели бы жить в национальном государстве русских и создавать строй, основанный на национальных русских ценностях. По мнению же 43,8% опрошенных, будущий строй должен сочетать в себе как рыночные идеи, так и социалистические и национальные. То есть тоже своего рода социальный синтез.

Нарисованный в этом виде «образ будущего» является сегодня скорее социальной утопией. Это «мечта о порядке», когда под словом «порядок» понимается отнюдь не установление репрессивного режима и «закручивание гаек», а формирование общественного порядка, который признается большинством общества справедливым и эффективным. То есть завершение революционного периода в жизни страны, длящегося уже не одно десятилетие. Несмотря на общую социально-политическую стабильность в стране, которую не смогли поколебать даже акции протестов, прокатившиеся по стране в начале 2005 года, только 17,1%, то есть глубокое меньшинство признает справедливость и эффективность нынешнего социально-политического строя. Однако в обществе доминирует установка на постепенную эволюция нынешнего строя в направлении большей эффективности и справедливости, так 40,4% опрошенных, хотя и видят множество недостатков в существующем положении вещей, не хотели бы менять строй путем новой революции и новых социальных потрясений. Иной точки зрения придерживаются 32,5% россиян, настолько не принимающих нынешний строй, что выражают готовность к более решительным формам его замены на лучший.

«Революционаристские» настроения сосредоточены преимущественно в «лево-традиционалистской» части политического спектра. Так среди сторонников коммунистов 45,9% полагают нынешний строй несправедливым и опасным для будущего страны, среди сторонников «иных левых сил» - ровно столько же, 45,9%. Несколько менее сильны радикальные настроения среди национал-патриотов – 37,3%. Можно предположить, что это недовольство в основном носит культурологический характер, в большей степени, чем политический. Феномен неприятия традиционным обществом современной городской цивилизации со всеми ее особенностями. Что же касается современных социальных групп, адаптировавшихся к жизни, в них доминирует пассивное недовольство социально-политическим строем, причем те, кого нынешний строй устраивает, оказываются в более или менее значительном меньшинстве во всех идейно-политических группах, даже среди сторонников нынешних властей. Но не случайно и «идея стабильности» продолжает занимать ведущее место среди идей и лозунгов, способных, по мнению россиян, объединить наше общество.

Следующая таблица более подробно описывает те ценности, которые способны объединить страну в общество «нового порядка». Это стабильность (44,3%), законность и порядок (37,4%), сильная держава (35,1%), равенство и справедливость (24,5%), социальная защита населения (27,1%). Практически не находят своего места в новом гипотетическом обществе никакие идеологии, такие как коммунизм (3,1%), православие (3,7%) и т.д.

Под каким лозунгом может объединиться российское общество?	богатство, процветание	25,0
	<i>продолжение реформ</i>	8,1
	Стабильность	44,3
	<i>упорный труд</i>	17,6
	<i>вся власть – трудящимся</i>	10,0
	<i>развитие демократии</i>	11,3
	сильная держава	35,0
	избежать катастрофы и гражданской войны	22,1
	<i>вхождение в мировое сообщество</i>	9,2
	равенство и справедливость	24,5
	восстановление достоинства России	22,7
	законность и порядок	37,3
	<i>прогресс, развитие</i>	14,8
	<i>правительство - к ответу</i>	8,3
	<i>крепкая семья</i>	15,1
	социальная защита населения	27,1
	<i>Православие</i>	3,6
	<i>Коммунизм</i>	3,0
	<i>спасение отечества</i>	5,5
	<i>возрождение СССР</i>	6,5
	<i>Россия - для русских</i>	6,3
	<i>Другое</i>	0,8
	<i>затруднились ответить</i>	2,7

«Социально-консервативная» картина «общества идеала» не носит мобилизационного характера, выделенные «цели» не требуют жертв и напряжения, скорее, наоборот, это общество покоя и достатка, причем «покой» в широком смысле слова оценивается даже выше, чем созидательные цели, такие как упорный труд, богатство и процветание, прогресс и развитие. Россияне устали от перемен, устали от необходимости постоянно «крутиться» и рисковать, хочется покоя и «расслабухи». Но ради создания общества покоя и достатка, действительно, делать революцию смысла не имеет. Как отмечает исследователь современных мифов Т. Соловей, «если справедливо предположение о постепенном дрейфе главного советского исторического мифа от эпохи Сталина к эпохе Брежнева, то с большой долей вероятности можно утверждать, что современная русская интерпретация мифа о «золотом веке» не обладает мобилизационным свойством. В массовом сознании брежневское время воплощает представление о социальном комфорте, относительной обеспеченности и всеобщей «расслабухе», в то время как сталинская эпоха ассоциируется, прежде всего, с максимальным экзистенциальным напряжением»⁴³.

Во ВЦИОМовском исследовании в марте 2005 г.⁴⁴ была использована методика «балкон», где из примерно сорока понятий, за которыми стоят определенные ценности, нужно было выбрать самые значимые. Практически во всех социальных группах доминируют требования «порядок», «стабильность», «справедливость». Вот рейтинг 13 наиболее позитивно воспринимаемых и значимых компонент "балкона", как по всей совокупности опрошенных, так и в разрезе электоратов ведущих политических партий. С большим отрывом лидируют такие понятия как "порядок" и "справедливость". И это представляется симптоматичным, характерным для "путинской" эпохи. Рейтинг "порядка" чрезвычайно высок и почти во всех группах общества превышает 60%. Столь же единодушно и

⁴³ Т. Д. Соловей. Русские мифы в современном контексте. Глава в монографии «Базовые ценности россиян», М., 2003

⁴⁴ Л. Бызов. Российский политический спектр: перспективы переконфигурации», Мониторинг общественного мнения, № 2, 2004

требование "справедливости" - пожалуй, только лишь среди сильно поредевшего электората "правых" справедливость не входит в первую тройку. Зато среди сторонников "Яблока" занимает первое место, немного опережая даже "порядок". И эта картина достаточно характерна. Так "патриотизм" всюду составляет около 40%, несколько выше у "Родины", несколько ниже у "Яблока". А среди сторонников СПС, некогда эталонной партии российского либерализма, выше, чем у других групп, позитивный рейтинг "нации" и отрицательный рейтинг "нерусских". Вообще и отрицательный набор идеологием также достаточно характерен. Кроме лидирующих со знаком "минус" "нерусских" в лидерах отрицательного рейтинга, причем также у практически всех основных электоральных групп все то, что составляло парадные ценности эпохи 90-х - "капитализм", "Запад", "бизнес", "реформа", "оппозиция", "либерализм" и так далее.

СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, КАКИЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ НИЖЕ ПОНЯТИЙ ВЫЗЫВАЮТ У ВАС СКОРЕЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЧУВСТВА?	Всего	СПС	Яблоко	Родина	ЛДПР
Порядок	60,6	64,2	70,9	74,2	62,2
Справедливость	52,6	39,2	74,1	57,4	63,3
Свобода	43,0	44,6	58,0	33,6	52,2
Патриотизм	40,2	41,0	35,4	50,5	42,2
Стабильность	39,8	32,1	41,9	50,5	31,1
Русские	34,0	26,7	38,7	32,6	35,5
Труд	32,4	19,6	35,4	39,6	35,5
Нация	31,1	30,3	25,8	26,7	27,7
Достаток	30,2	30,3	29,0	28,7	32,2
Права человека	28,9	26,7	38,7	28,7	31,1
Успех	27,9	30,3	35,4	24,7	33,3
Государство	27,0	30,3	32,2	26,7	25,5
А КАКИЕ СКОРЕЕ ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЧУВСТВА?					
Нерусские	33,0	41,0	35,4	36,6	38,8
Капитализм	31,2	21,4	29,0	37,6	34,4
Революция	30,0	37,5	54,8	31,6	33,3
Коммунизм	26,1	37,5	48,3	23,7	26,6
Запад	24,7	19,6	22,5	22,7	27,7
Бизнес	18,7	10,7	9,6	19,8	10,0
Оппозиция	18,2	12,5	3,2	18,8	22,2
Реформа	16,4	8,9	6,4	10,8	22,2
Рынок	16,4	5,3	3,2	16,8	11,1
Власть	15,4	10,7	22,5	8,9	22,2
Либерализм	15,0	10,7	16,1	23,7	13,3

Близкие результаты получены и в ходе аналогичного исследования, проведенного в мае 2007 года. Так среди понятий, вызывающих наиболее сильные положительные чувства, лидируют такие как порядок (58%), справедливость (49%), стабильность (38%), свобода (37%), достаток (37%), патриотизм (35%), русские (34%), права человека (33%), успех (31%), труд (31%), традиция (29%), государство (26%). При этом такие понятия как порядок, справедливость, стабильность и свобода занимают лидирующее положение в списке наиболее значимых понятий все последние три года. Наведение порядка символизирует для россиян очень многое – и создание правового общества, и сильное государство, способное применять необходимое насилие, и социальный строй, который бы воспринимался большей частью общества в качестве нормального и справедливого. Среди

понятий, вызывающих наиболее сильные отрицательные чувства, выделяются такие как элита (41%), нерусские (29%), капитализм (26%), Запад (23%), революция (22%).

Все это позволяет сделать вывод о том, что в современной России существует по большому счету один магистральный социально-культурный запрос, носящий в целом универсальный характер. Универсальный в том смысле, что он в большей или меньшей степени затрагивает практически все слои общества. Этот запрос описывается такими понятиями как "порядок", "справедливость", "стабильность", "нация", "патриотизм". С другой стороны - это "свобода", "достаток", "права человека" и иное из скорее либерального арсенала. Либерально-консервативный набор. Таким образом, сегодняшнее массовое сознание - это с трудом расчленимое состояние общества, как бы символизирующее национальный синтез вокруг базовых идеологем, в основном связываемых с нынешней политикой, так называемым "путинским консенсусом". Этот консенсус не привязан к какой-то доктринальной схеме, и массовое сознание весьма неохотно оперирует такими понятиями как капитализм, социализм, либерализм, и пр.

Является ли сам феномен подобного консенсуса свидетельством краха российского либерализма, как это принято сегодня утверждать? Доктринального либерализма, вероятно. Но либерализм в российском варианте - носит не доктринальный характер, также, впрочем, как и коммунизм в 20-е и 30-е годы строился отнюдь не по марксистским схемам. И сегодня российский либерализм - это, в первую очередь, не теория, а образ жизни современного горожанина, жителя мегаполиса, с разорванными социальными связями, предельно индивидуализированного, выстраивающего индивидуалистические алгоритмы успеха и исповедывающего "по жизни" принцип "человек человеку волк". Крутясь в рамках достаточно примитивного рыночного социума, этот квази-либеральный обыватель ведет себя вполне по-рыночному, но на уровне парадных ценностей совсем не либерален. При этом некоторые российские исследователи (Н. Лапин, Н. Лебедева, И. Клямкин) настаивают на том, что несмотря на наличие консервативных тенденций, за период после 1990 г. баланс «либеральных» ценностей постоянно возрастал. «В 1990 г. в нем было три ценности, из которых только одна либеральная - свобода. В 2002 г. их уже было три – свобода, независимость, инициативность». Остальные – благополучие, нравственность, жизнь – Н. Лапин считает нейтральными. «Налицо изменение ценностей в либеральную сторону, но я не стал бы пока говорить об их победе, об укоренении в сознании людей. Скорее о противоречивости, переходном характере современной российской системы ценностей, сдвигающейся в сторону продуктивности». Н. Лапин также отмечает неоднородность российской культуры, противоречивое сочетание в ней и либеральных и традиционных ценностей, противостояние вольности и свободы⁴⁵. С «ростками либерализации» он связывает и перспективы развития горизонтальных связей в обществе, усиление его способности к самоорганизации. Существенным аспектом либерализации характера ценностей служит рационализация смыслов жизнедеятельности россиян. Еще пять лет назад большинство связывало решение своих жизненных проблем прежде всего с деятельностью властей - правительства, директора предприятия и т. д. Свою же роль в решении собственных проблем видели примерно на четвертом-пятом месте. В 1994 г. Уже около 55 %, а в 1998 г. - около 66 % респондентов надеялись прежде всего на самих себя и во вторую очередь - на общероссийскую и иные власти. Есть основания заключить: ныне ценностное сознание россиян находится отнюдь не в начале, а примерно в середине движения к либеральной системе ценностей или уже во второй половине этого пути. Такова главная тенденция-аттрактор, втягивающая российское общество в завершение его ранней либерализации. Как Э. Дюркгейм в конце XIX в. предвидел распространение органической солидарности во французском обществе, так и мы можем надеяться на завершение ранней либерализации российского общества и продвижение его к зрелой либерализации.

⁴⁵ Лапин Н., О ценностных ориентациях россиян. М., 2002, сс. 41, 43

Существенным аспектом либерализации характера ценностей служит *рационализация смыслов* жизнедеятельности россиян. Еще пять лет назад большинство связывало решение своих жизненных проблем прежде всего с деятельностью властей - правительства, директора предприятия и т. д. Свою же роль в решении собственных проблем видели примерно на четвертом-пятом месте. В 1994 г. Уже около 55 %, а в 1998 г. - около 66 % респондентов надеялись прежде всего на самих себя и во вторую очередь - на общероссийскую и иные власти. Надежда на продолжение трансформации в этом направлении опирается не только на факторы внутреннего развития России, но и на тенденции эволюции западных стран и на общемировые процессы. В самом деле, почему Россия в начале XXI в. должна пойти куда-то в сторону от второй стадии социокультурной трансформации - *зрелой либерализации?*⁴⁶.

Что светит либералам в “Новой России” – во время и за пределами избирательного цикла 2007-08 гг.? Как показывают исследования, «правые» партии, не преодолевшие в 2003 году 5-% барьера и оставшиеся за чертой, отделяющей победителей от побежденных, так и не смогли преодолеть системного кризиса. По данным последних экспресс-исследований ВЦИОМ, за «Яблоко» в мае 2007 года готовы проголосовать 0,9% избирателей, а за СПС – 0,8% (по данным других социологических служб, эти цифры также не превосходят величину в 1,5%). . В этом не проявилось какой-либо новой тенденции, на протяжении последних трех лет ни одна из этих партий не демонстрировала рейтинг, превышающий 1,5%. Скорее напротив, можно констатировать, что «правые» партии вновь останутся за пределами Государственной Думы. Как свидетельствуют результаты исследований ВЦИОМ, сама электоральная «ниша», соответствующая либеральным идеям, не столь уж мала, ее объем можно оценить в пределах от 8,5% (электоральное «ядро») до 23-24% (с учетом электоральной «периферии»). При этом электоральное «ядро» настроено оппозиционно в большей или меньшей степени по отношению к правительственному курсу, а «периферия» - скорее компромиссно, она склонна воспринимать нынешние власти как наименьшее из зол.

Как мы отмечали выше, «правый» электорат далеко не однороден. Часть его тяготеет к позициям рыночного фундаментализма, невмешательства государства в экономику и свободного развития бизнеса. Оппозиционное «ядро», готовое с этих позиций противопоставить себя «партии власти», относительно невелико – таких всего 3,2% (по данным за 2006 год). Зато на вопрос о том, в каком направлении следует скорректировать «путинский» курс будущему президенту страны, 26% опрошенных, по их собственным словам, хотели бы, чтобы он «более последовательно, чем В. Путин отстаивал ценности экономической свободы и поддерживал предпринимательство» (февраль 2007). Эту группу населения можно назвать **правыми либералами**.

Несколько шире представлена другая часть либералов, отдающих приоритет правозащитной деятельности и политической демократии, выступающих против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства. Эта группа составляет чуть более 5% россиян в своем наиболее радиальном «ядре». При этом 34% россиян хотели бы, чтобы следующий президент страны в большей степени, чем В. Путин, развивал бы демократию, отстаивал права человека. Данную группу населения можно назвать **левыми либералами**, эти настроения достаточно широко распространены в современном обществе, но у большей части их носителей протестные настроения носят также весьма умеренный характер.

Одновременно на правоцентристском фланге общества образовалась довольно-таки внушительная группа населения, выступающего за сочетание сильного государства и рыночной экономики. Численность этой группы составляет 15,6%. Она наиболее идеологически близка нынешней «партии власти», и вероятно, в нее вошли и некоторые

⁴⁶ Н. И. Лапин. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций. Мир России. 2000. Т. IX. № 3. С. 3-47.

бывшие «левые государственники» и некоторые бывшие «правые рыночники». Очевидно, что для нового системного успеха «либералов» им следует выработать свое, приемлемое для значительной части общества видение национального порядка. Вне этого видения они остаются антисистемной политической силой, неспособной предложить никаких позитивных решений. Основные черты перспективного правого проекта – умеренная (конструктивная) оппозиционность, не выходящая за пределы ценностного «путинского консенсуса», борьба за права граждан, малого и среднего бизнеса против господства бюрократии (антибюрократическая направленность), статусные позиции партии. Членство в подобном проекте, тем более участие в ее руководстве должно приносить успех – быть престижным, способствовать профессиональной и бизнес-карьере. Основу этой партии должны составлять те, кто всего добился сам, а не был «назначен» олигархом по воле высшего начальства. По аналогии с «Единой Россией» и «Справедливой Россией», новый проект должен стать своего рода «Успешной Россией». В этот проект могут быть инкорпорированы и многие нынешние сторонники СПС (кроме радикального крыла, которому ближе оппозиция в лице «Другой России»), значительная часть «правого» крыла «Единой России», а также те, кто сегодня не нашел для себя подходящей партии, за которую стоило бы проголосовать. Наиболее успешную, молодую и независимую от властей часть нашего общества нельзя оставлять без своего представительства в высших органах власти.

Ограничить магистральный социальный запрос одной половинкой национального порядка, встроенного в рамки нынешней социальной системы невозможно. У него два носителя, это лево-правый запрос и левая идея социальной справедливости и правая идея национального порядка, которые в любом случае как-то придется синтезировать, хотим мы этого или не хотим. И на самом деле к этому синтезу общество готово и его жаждет. И нужно говорить всерьез о том, что у нас возникла более-менее дееспособная нация только когда этот синтез произойдет и под него сформируются адекватные политические институты, которых на сегодняшний день нет, потому что этот запрос просто разлит в социуме, но нет ни политических партий, ни институтов, которые в состоянии этот запрос переварить, т.е. общество остается без субъекта. Поэтому второй важнейшей компонентой социал-консервативного запроса является национальная составляющая, отражающая и состояние национальной идентичности, и процессы формирования политической нации. Но об этом пойдет подробный разговор в следующем разделе.

Доминирование в современном массовом сознании «левой» компоненты запроса отражается и в том, что согласно данным ВЦИОМ за ноябрь 2006 г., на вопрос о том, какие цели и задачи должны стать приоритетными в деятельности президента России, который придет на смену В. Путину, 43,0% назвали в качестве таковых «идеи социальной справедливости, поддержки наименее защищенных слоев общества» и только 10,4% выделили идеи «демократии, построения современной рыночной экономики, сближения с развитыми странами Запада». Еще 42,8% опрошенных предпочли бы, чтобы новый президент проводил политику, которая бы объединяла все слои общества, учитывал самые различные идеи и настроения. Это не означает, что идеи демократии и рынка привлекают только десятую часть российского общества, важно то, что эти ценности являются ценностями второго эшелона, которые общество способно «переварить» только в качестве «гарнира» к требованиям социальным. Интересно также и то, что подобная расстановка приоритетов сколько-нибудь серьезно не отличается ни в электоральном секторе, традиционно поддерживающем «левые» партии, ни в «правом» секторе. Процессы «полевления» идут параллельно во всех общественных группах. Однако это полевление носит явно «правый» акцент. И это связано с тем, что сегодня основным носителем запроса на «стабильность, порядок, справедливость» являются вовсе не «старые левые» - выходы из

традиционалистского сегмента общества, а «новые левые», в основном представляющие адаптивные слои общества, новый, уже «путинский» средний класс.

Восстановление основных принципов социальной справедливости становится сегодня главным требованием россиян. Если в паре базовых ценностей “порядок и справедливость”, доминирующих в российском массовом сознании последние годы, “порядок” если и не наведен, то, по крайней мере, налицо заметные успехи в деле укрепления российской государственности, то с социальной справедливостью дело обстоит значительно хуже.

Как показало исследование ВЦИОМ, проведенное в мае 2007 г., лишь менее 10% опрошенных россиян готовы охарактеризовать современное российское общество как справедливое. Подавляющее же большинство россиян – 78% - считают наше общество социально несправедливым.. С этой оценкой в принципе согласны все группы и слои россиян, сторонники всех политических партий, как левой, так и правой ориентации. Нет в этой оценке значительных различий между молодежью (12% готовы признать общество в той или иной степени справедливым) и пожилой частью населения (8% готовы признать общество справедливым). Пожалуй, лишь среди граждан с наиболее высокими доходами, нового российского “среднего класса” число оптимистов несколько больше и достигает цифры в 18%.

Чего же не хватает современному поколению россиян? В чем они видят социальную справедливость, точнее ее отсутствие в нашем обществе? Для 34,8% опрошенных, социальная справедливость – это равенство всех перед законом (принцип наиболее распространенный в современном западном обществе), для 17,9% - примерно одинаковый уровень жизни всех или хотя бы большей части граждан страны, для 15,3% - возможность для каждого достичь того, на что он способен, для 11,2% - гарантии социально незащищенным, социальная ответственность государства перед наиболее уязвимыми слоями общества, для 10,1% - соответствие уровня и качества жизни каждого члена общества его вкладу в “общее благо” и пользе, которую он приносит стране. “Уравнительный принцип” социальной справедливости, пресловутое “отнять и поделить”, выражающееся в том числе в стремлении к “примерному равенству в уровне жизни” наших граждан, присущ лишь меньшинству, причем с возрастом число его сторонников растет не столь уж значительно – от 14-15% в группе молодежи до 20% в группе тех, кто перевалил за отметку в 60 лет. Таким образом в самом основополагающем понимании социальной справедливости современная Россия не столь уж сильно отличается от других стран мира, не прошедших школу “развитого социализма”.

Однако, как показало исследование, важной особенностью российского менталитета остается апелляция в деле “наведения социальной справедливости” к сильному государству, а не к обществу, не к его демократическим и гражданским институтам. Так 54,9% опрошенных россиян связывают идею социальной справедливости с сильным государством, идеей порядка, национальными интересами и приоритетами. И только 22,0% полагают, что социальная справедливость, этот вовсе не сильное государство, а такие ценности как демократия, солидарность, свобода. Идее сильного государства отдают предпочтение 58% пожилых россиян и 52% молодежи, 60% тех, кто живет в самой большой нужде и 45% тех, кто материально относительно обеспечен. Такое соотношение приоритетов позволяет объяснить то обстоятельство, почему в современной России с ее “левым” запросом так плохо приживаются идеи социал-демократии. Наши россияне, действительно, скорее левые, но скорее левые государственники, чем левые демократы. Да и исторический опыт последних десятилетий явственно показал им, что на практике идеи демократии и социальной справедливости, что бы ни говорили политические лидеры, плохо уживаются друг с другом. “Власть, обеспечить нам справедливость”, - вот пожелание россиян, не готовых ни довериться ни слабым институтам гражданского общества, партиям,

профсоюзам, судам, ни самим себе, своим собственным усилиям по наведению элементарной справедливости.

Большинство россиян считают, что различия в уровне жизни в принципе оправдано и не противоречит базовым принципам социальной справедливости. Так 58,8% опрошенных против 36,5% готовы согласиться с тем, одни люди, обладающие необходимыми для этого средствами, могут покупать себе жилье, машину, одежду более высокого качества, чем другие. 51,8% опрошенных против 41,8% готовы согласиться и с тем, что те люди, у которых была выше зарплата, должны и пенсию получать существенно более высокую. Правда, тех, кто не согласен с этим тезисом тоже немало, особенно среди той части общества, которую это напрямую затрагивает – небогатых и просто бедных пенсионеров, пожилых людей вообще.

Зато никак не готовы россияне в своем большинстве принять неравенство в доступе к образованию и медицинским услугам, а также неравенство возможностей для карьерного продвижения их детей. Лишь 34,9% против 60,6% считают справедливым тот порядок, при котором люди со средствами могут дать лучшее образование своим детям, 25,9% против 69,7% тот порядок, при котором обеспеченные люди могут пользоваться медицинскими услугами более высокого качества и чаще, чем бедные. Молодежь, выросшая в условиях фактического социально неравенства и лучше приспособившаяся к современным порядкам, более терпимо, чем старшее поколение относится к неравенству в сфере образования, но и там число принимающих и не принимающих подобное неравенство примерно одинаково – 47% против 46%. Что же касается доступа к медицинскому обслуживанию, то во всех группах общества преобладает представление о нынешнем порядке как о несправедливом и нетерпимом.

Совершенно не воспринимаются россиянами и те установившиеся в стране порядки, когда материальное положение и связи, известность их родителей отражаются на социальных перспективах их детей. Только 17,9% опрошенных назвали такой порядок справедливым, а 77,1% - несправедливым.

Все это позволяет сделать вывод о том, что для современного российского общества «ценностный кризис» перестает быть актуальным, общество становится все более ценностно однородным, несмотря на явное социальное расслоение. Что же касается кризиса политической системы и его симптомов, то они имеют скорее институциональную, а не ценностную природу. Не углубляясь в эту проблему (ей посвящен специальный раздел), отметим лишь то, что в условиях неоконсервативной волны реальная многопартийность никогда не станет магистральным путем развития российской демократии. Политическая система просто обречена на наличие большой и аморфной «партии власти» и нескольких менее влиятельных партий «на периферии», а процесс принятий решений всегда будет происходить за кулисами «партии власти». Обществом такая политическая система воспринимается в качестве политического театра, серьезно не влияющего на повседневную жизнь граждан. В условиях доминирования в обществе социально-консервативного запроса, вопросы, связанные с укреплением демократии, многопартийной системы, гражданского общества и свободы СМИ - сегодня отодвинуты в сторону. И на это есть весомые социальные причины. За минувшие полтора десятилетия у нас не сформировалась национальная модель демократии. Процессы ее естественного формирования, происходившие в 1989-1993 гг., были свернуты и вытоптаны. Объективно сама социальная ткань современной России менее демократична, чем даже в позднесоветские времена. Только сейчас очень медленно начинают возобновляться горизонтальные социальные связи, но они носят зачаточный характер. Вместо этого была насажена фасадная модель демократии, за которой общество угадывало антинациональные силы, заинтересованные в консервации хаоса в стране. Модель демократии 90-х в массовом сознании противостоит идее "порядка". Поэтому "демократические силы" в значительной своей части оказались

выброшены на политическую обочину. Реанимация "демократии" возможна лишь тогда, когда возникнет соответствующий запрос со стороны "автохтонных" сегментов российского среднего класса. По мнению ряда аналитиков, национальная модель демократии ближе к модели «общинной демократии», представляющей интересы не идейно-политических групп, а территориальных общин, профессиональных корпораций, сословий. Частично подобная модель начала реализовываться на закате горбачевской перестройки в 1989-1990 гг., однако этот опыт был перечеркнут и, по сути, не исследован⁴⁷.

Поворот общества в направлении социально-консервативных ценностей меняет соответствующим образом и исторические оценки, и культурные вкусы россиян. Революция, казалось бы, закончилось, население хочет порядка, твердой власти, крепкого государства. Оценивая сегодня свое историческое прошлое, особо, с положительным знаком, выделяют те периоды, когда власть была стабильной, не происходило никаких резких реформ и социальных потрясений. Напротив, эпохи революций не в чести, независимо от знака этих революций – как социалистической начала XX века, так и демократической, конца того же века. И Октябрьская революция вместе с гражданской войной, и эпоха Горбачева-Ельцина воспринимаются как наиболее негативные периоды минувшего века. И главный их урок – в том, что не надо нам больше никаких революций. Вот каковы, на взгляд нынешнего поколения россиян, основные «уроки» событий последних пятнадцати лет, по данным ИСИ РАН (2005)⁴⁸.

6,9 - Не надо «изобретать велосипед»; западная модель развития наиболее эффективна, надо твердо ей следовать

60,2 - России надо идти своим путем, учитывая, но не повторяя опыт других стран

41,1 - Реформы в обществе надо начинать с экономики, а не с политической системы и демократии

40,5 - России нужна твердая и сильная власть

17,9 - В России нельзя допускать чрезмерной концентрации власти в одних руках

12,4 - Нельзя в недемократическом обществе проводить реформы демократическим путем

26,6 - Россия может процветать только тогда, когда во главе ее - сильная личность, хозяин

34,1 - Нельзя менять жизнь методом революций, необходимы постепенные преобразования в обществе

5,6 - В России любые реформы обречены на неудачу

1,3 - Другие уроки

В подобной оценке солидарны практически все общественные группы, своим сохранившимся «революционным задором» выделяются на общем фоне лишь сторонники СПС. Они по-прежнему полагают, что западная модель развития наиболее эффективна, что России следует ориентироваться на опыт Запада, что твердая и сильная власть не только не нужна, но и опасна для современной России. Консерватизм же остальных групп, составляющих в стране твердое большинство, явно окрашен в почвеннические тона. «Надо идти своим собственным, русским путем» - этот тезис вызывает сегодня наибольшее согласие. Впрочем, его интерпретация вызывает значительные разногласия у социологов. Согласно результатам опроса, проведенного "Левада-центром" в июле⁴⁹, россияне

⁴⁷ В этой связи нельзя не отметить лучшую работу, посвященную данной проблеме. Н. Бирюков, В. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России, М., 2004

⁴⁸ Л. Бызов. Перестройка - трансформация идейного содержания и социальной базы (к 20-летию апрельского Пленума ЦК КПСС). На сайте Kreml.org. 2005 г.

⁴⁹ Все больше россиян выступает за "особый путь" страны. 13.08.2007 12:04 | "Новые известия"

пересмотрели свое отношение к Западу. Доля отторжения среди россиян западных ценностей за последние годы значительно увеличилась. А число сторонников "особого пути России" за шесть лет выросло с 53 до 74%. По мнению экспертов, эти данные исследований "свидетельство растущего в России национального изоляционизма".

Еще в марте 2006 года россияне заявили, что к демократии каждая страна идет своей дорогой. Так считали 78% против 10%, уверенных в том, что все страны движутся к народному самоуправлению одним путем. Напомним, что в марте 2001 года на вопрос: "Какого типа государство хотели бы вы видеть в России?" - наибольшее число ответов (34%) получила позиция "такое, как на Западе", то есть с рыночной экономикой, частной собственностью, демократическими институтами и т.п. Согласно полученным в июле данным, большинство граждан (74%) считают, что "Россия - это евразийское государство, у которого собственный путь развития". В "Левада-центре" мнение трех четвертей россиян, настаивающих на самобытном пути России, иллюстрируют высказыванием одного из респондентов. "А стоит ли России так хотеть быть частью Европы? Зачем стремиться в ту семью, где нас всегда сторонились и боялись?" - цитируют социологи. Согласно опросу, теперь россияне не склонны идеализировать Запад. Мир, живущий по "западным принципам", представляется большинству россиян враждебным и коварным. 42% граждан считают западные страны партнерами России, "например, в борьбе с преступностью и терроризмом, экологическими бедствиями". Зато 46% респондентов придерживаются мнения о Западе как "о противнике России, стремящемся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносящим ущерб ее интересам".

Каждый десятый россиянин уверен, что с 90-х годов отношения с миром у России стали хуже. Из них 32% причины ухудшения отношений видят в действиях "властей других стран". Хотя 16% назвали виновными нынешние российские власти, а 18% отметили, что "никто не виноват, так уж получилось". Заметим, что большинство, а именно 34% граждан, вообще не знают, с чем связывать ухудшение отношений. За последнее время изменился среди российских граждан и взгляд на судьбу СНГ. Сторонники интеграции бывших советских республик заметно уступают респондентам, придерживающимся "невмешательства России во внутренние дела государств-соседей" (60%). Из них 32% граждан настаивают на политике противодействия влиянию других стран на постсоветском пространстве. Исключение составляет без малого треть россиян, которые считают необходимым урегулировать вопрос непризнанных республик путем присоединения к России. Как разъяснил "НИ" глава Аналитического центра Юрия Левады Лев Гудков, приверженность россиян к "особому пути" - это, прежде всего, "свидетельство растущего в России национального изоляционизма". "Тут также проявляются страхи перед внешним миром, неудачи с признанием, а также комплекс неполноценности. Люди желают восстановления былого престижа СССР в мире", - считает эксперт. "У россиян, выступающих за "особый путь", часто нет понимания, в чем он заключается, - сказал г-н Гудков. - Исследования показывают, что на самом деле только 10-12% россиян понимают, что такое демократия". Таким образом, аналитики Левада-центра склонны объяснять разочарование и недоверие большинства россиян политикой Запада их косностью, отсталостью, непониманием сути демократических реформ.

Исследование, проведенное ВЦИОМ в феврале 2007 года в связи с "мюнхенской речью" В. Путина, в целом подтверждает количественные оценки Левада-центра. Однако мы склоняемся к несколько иному объяснению феномена "антизападничества" современных россиян. Как показали результаты этого исследования, большинство россиян, слушавших выступление своего президента, не воспринимают «новые акценты» политики В. Путина как угрозу безопасности, более того, они фиксируют определенные позитивные сдвиги, и связывают их как раз с более жестким внешнеполитическим курсом России, наметившимся в последние годы. И это касается не только отношений с Западом, россияне готовы

приветствовать ведущийся властями разговор «с позиции силы» по поводу поставок газа с ближайшими соседями, активно радуются экономическим и политическим мерам, предпринимаемым в отношении Молдовы и Грузии. Согласно данным исследования, сегодня мир является существенно более безопасным, а международная ситуация более спокойной и стабильной, чем в 90-е годы, когда Россия вела значительно более прозападную международную политику, хотя все еще менее безопасным, чем в советские времена, до начала «перестройки». На предложение сравнить эти три периода новейшей российской истории с точки зрения международной безопасности, стабильности международной ситуации, 47% опрошенных выбрали советские времена, 34% - нынешние и только 5% - 90-е годы, эпоху Б. Ельцина. Представители старшего поколения россиян (те, кому за 60) с большим преимуществом отдают предпочтения советской эпохе (64% против 25% сторонников нынешней эпохи), тогда как молодежь склоняется в пользу времен нынешних (44% против 27% сторонников советской эпохи). Таким образом, двуполярный мир, главное достижение советской дипломатии, остается во многом эталоном стабильности и безопасности, но и нынешние времена, когда Россия взаимодействует с Западом, четко акцентируя собственные интересы, воспринимаются достаточно позитивно. Более того, если судить по данным ВЦИОМ, сегодняшнее состояние международных отношений уже ближе к советскому периоду, чем к тому, что было пятнадцать лет назад. И если идеализация советских времен в целом сегодня свойственна лишь пожилому поколению, то «советская внешняя политика» продолжает казаться сверхнадежной. А такие события как карибский кризис, афганская война, совсем не отвечающие «идеалу надежности и безопасности», уже начали стираться в памяти нынешних поколений.

Именно эти обстоятельства объясняют то, что большинство россиян не испытывает особого страха перед ужесточением внешней политики России, и не слишком опасаются возобновления «холодной войны», во времена которой им, по их сегодняшней оценке, жилось совсем не плохо, а ситуация с безопасностью была даже лучше, чем сейчас. 40% опрошенных россиян считают возобновление холодной войны более или менее вероятным (8% полагают, что это очень вероятно и 32%, что скорее вероятно). Немногим больше тех, кто не верит в возможность возобновления холодной войны – 48%. Из них 7% исключают подобное развитие событий, а 41% считают это весьма маловероятным. При этом представители более старшего поколения считают новое начало «холодной войны» несколько более вероятным, чем молодежь и среднее поколение россиян. Интересным представляется и то обстоятельство, что большая часть опрошенных скорее готова критиковать действия В. Путина на международной сцене как недостаточно жесткие в отношении политики стран Запада, чем за излишнюю жесткость. Так по мнению 16% россиян, в последнее время внешнеполитический курс России стал излишне прозападным, и только 8% считают, что, напротив, внешнеполитический курс России стал излишне жестким в отношении стран Запада. Но больше всего тех – 61% - кто оценивает внешнеполитический курс России как сбалансированный в отношении западного мира.

Анализ результатов исследования позволяет сделать вывод, что ориентация на прагматичный тип отношений с Западом, особенно с Европой, не несет в себе какого-либо существенного негативизма в отношении Европы. Напротив, Европа как экономический, культурный и цивилизационный феномен остается ориентиром для россиян. Большинству россиян хотелось бы жить именно как в Европе, отдыхать на европейских курортах, пользоваться всеми благами европейской цивилизации. Однако этот тот «рай», куда нас пока не торопят пустить. Зато само понятие «Европа» вызывает положительные чувства у 77% россиян и негативные чувства только у 11% россиян. Это гораздо выше, чем такие, также позитивно воспринимаемые географические и цивилизационные понятия как «СНГ» (59% - положительные чувства и 21% - отрицательные), «Европейский союз» (56% положительные чувства и 18% - отрицательные), «Азия» (56% - положительные чувства и

24% - отрицательные), «ООН» (55% положительные чувства и 21% - отрицательные), «Запад» (52% - положительные чувства и 31% - отрицательные), «Всемирная торговая организация – ВТО» (49% положительные чувства и 19% отрицательные). Еще ниже рейтинг популярности таких понятий и организаций как «Международный валютный фонд – МВФ» (42% положительные чувства и 21% - отрицательные), а негативные оценки и чувства преобладают в отношении «Америки» (34% - положительные чувства и 50% - отрицательные), и особенно НАТО (19% положительные чувства и 57% - отрицательные). Можно сделать вывод, что россияне воспринимают Запад, особенно Европу, позитивно, однако большие опасения и негативные эмоции вызывают у них США и блок НАТО, которые воспринимаются многими как непосредственная угроза национальной безопасности. Внешняя политика России становится все более жесткой. Это имеет свои издержки, но плюсы от подобного ужесточения с лихвой их перекрывают. За возвращение образно выражаясь «державной позолоты» россияне готовы простить своим властям и существенные промахи во внутренней политике, и провалы основных намеченных реформ, и социальное неблагополучие миллионов россиян. Зато «с нами снова стали считаться», и это действительно важно.

В то же время, несмотря на явные ценностные перемены, наше общество остается похоже на обществом 90-х в главном: оно глубоко антимобилизационно. Как показывают исследования ВЦИОМ, 60% опрошенных россиян заявляют о своей неготовности к каким-бы то ни было жертвам во имя какой-бы то ни было «великой цели». За исключением угрозы безопасности лично себя и своих самых близких. С этим не согласны сторонники коммунистов, а из более молодых и современных групп только русские националисты. Но и в этих группах доля готовых к жертвам еле-еле превышает 50%. Так что эта ценность по-прежнему является консенсусной. Современный россиянин хочет быть полновластным хозяином на отвоеванном у общества маленьком социальном плацдарме. В то же время он не готов брать на себя и толики социальной ответственности за все, что выходит за границы этого пятачка, охотно подчиняясь на тех или иных условиях воле «большого, чем он» хозяина. Налицо приватизация и фрагментация социального пространства, кризис субъектности, отсутствие носителей стратегических интересов общества. Так проведенные нами исследования выявили доминирование локальных идентичностей и локальных социальных мотиваций. Оказалось, что мобилизационная компонента россиян достаточно высока, но направлена практически исключительно на сферу локальных интересов. 44,0% опрошенных готовы «пожертвовать личным благополучием и материальным достатком» ради будущего своих детей; 36,9% - ради безопасности своего дома, своей семьи. Лишь на третьем месте в качестве сверхценности выступает безопасность России (23,7% всех опрошенных). Впрочем, в современной России подобная индивидуализация бытия видна и невооруженным социологическими методами взглядом. Свободная экономика раскрепостила океан человеческой энергии, однако, как правило, заканчивающейся за пределами забора собственной дачи или коттеджа. Исследование также продемонстрировало, что никакие идеи не являются больше сверхценностями ни для каких социальных групп. Так ради целостности страны готовы пойти на жертвы 4,2% россиян; ради коммунистической идеи – 1,7%; ради идеи демократии, прав человека – 1,5%; ради идеи прогресса, блага всего человечества – 1,9%; православная идея – 2,3%. Характерна в этой связи дискуссия, разгоревшаяся в обществе о будущей роли Церкви, которая не ограничилась лишь проблемами взаимоотношений Церкви и общества. В ней были высказаны по сути более общие мысли, касающиеся «особого» пути России в современном мире, отношении россиян к концепции прав и свобод, принятой на Западе, других столь же «вечных» проблем, уходящих корнями в дискуссию «западников» и «почвенников», длящуюся уже не одно столетие. Исследования ВЦИОМ выявили противоречивость общественного мнения в современной России и по этим вопросам. Так лишь 34,7%

поддерживают тезис, согласно которому в основу российского общества следует положить общенациональные ценности и традиции, а не концепцию прав и свобод личности, которую Запад считает универсальной. 60,0% придерживаются в этом вопросе скорее прозападной точки зрения о приоритетности прав и свобод личности.

Некоторое численное преимущество имеют в современной России и те, кто придерживается ценностей современного потребительского общества, согласно которым главное для человека – это достижение личного благополучия. Так считают 50,5% опрошенных. Несколько меньше тех (42,5%), кто согласен с более традиционной для России точкой зрения, озвученной Митрополитом Кириллом, о том, что россиянам следует держаться за нравственные традиции и веру, это важнее, чем достижение личного благополучия. Не готово большинство современных россиян и к тем жертвам во имя общих целей. По мнению 51,7% опрошенных, нет таких общих целей, ценностей и идей, ради которых стоит пожертвовать жизнью. В то же время, 33,9% отметили, что есть люди, готовые пожертвовать своей жизнью ради блага других людей или страны – к их числу относится он сам или кто-то из его близкого окружения.

Итак, в России требуется сильная, справедливая и национально ориентированная власть, которая в состоянии сохранить общественный порядок и обеспечить экономическое процветание. В чем же глубинный смысл этой «неоконсервативной волны»? Какие ценности и социальные стратегии несет она в себе? В первую очередь, речь идет о формировании новой общности, разрушенной революционными потрясениями. Преодоление тенденций общественного распада, когда внутренний социально-культурный конфликт между отдельными фрагментами общества стал доминировать над осознанием исторической общности нации и государства. «Социально поощряемой» моделью поведения стала установка на крайнюю индивидуализацию жизненных алгоритмов. Однако, миновав крайнюю точку распада в период дефолта 1998 года, «неоконсервативная волна» в российском обществе существенно изменила вектор общественного запроса и основные парадигмы массового сознания. Если в начале 90-х годов практически все «консерваторы» были государственниками – этатистами, в соответствии с традиционным советским менталитетом, ориентированными скорее на традиционалистские ценности, пусть и в их «советском» варианте, а «демократы» – индивидуалистами-анархистами, то за последнее время появились другие значимые группы с ярко выраженной тягой к социальному порядку, представляющие преимущественно «средние» слои нынешнего российского общества. Социокультурный раскол общества на консерваторов советского образца и либералов западного образца преодолевается, в либеральном сегменте общества возникают группы, ориентированные на социальные стратегии, с характерной для них либерально-консервативной системой ценностей. Это группы среднего достатка и средних возрастов, то есть те, кто и составляет сегодня самую основную активную часть общества. Данный фактор и определил основное содержание сдвига к консервативным ценностям.

В ценностном плане на нынешней стадии развития общества мы одновременно и консерваторы, тоскующие по порядку и сильной руке, и одновременно сторонники гласности, гражданского общества и политического плюрализма. Мы сторонники реформ (правда, не самих реформаторов) и рыночной экономики, но никак не тоталитаризма и застоя, не нравятся нам и «консерваторы», в которых мы никак не хотим признавать самих себя сегодняшних. Мы одновременно являемся носителями и такого феномена как «православный ренессанс», когда более 60% россиян при опросах называют себя православными, авторитет такого консервативного института как РПЦ постоянно превышает авторитет всех гражданских и политических институтов. Но что это означает? Как утверждает известный социолог религии С. Б. Филатов, «возвращение к православию есть в первую очередь результат естественной и стихийной реставрационной эволюции массового сознания, а не результат церковной проповеди. Интерпретация религии

осуществляется в понятийном контексте светской культуры - mass media, художественной литературы, кино, политической пропаганды. Поэтому совершенно неслучайно на вопрос "Что такое в Вашем понимании религия?" люди отвечают: "культура, верность национальным традициям". И лишь один из десяти: "личное спасение", "отношения человека с Богом". Православие становится культурно-идеологическим символом национальной идентичности, а не реальной верой. Такая религиозность по своей природе не требует ни веры в догматы православия, ни молитвы, ни участия в богослужении, ни соблюдения определенных моральных норм. Она даже не требует от "верующего" знания о том, чему учит церковь⁵⁰. По его мнению, «в области морали, так же как и религиозности, Россия тоже не отличается особой приверженностью традиционным христианским ценностям. Распространение аборт, разводов, проституции и терпимость к ним, степень распада института семьи никак не ниже, чем на Западе. Миллионы беспризорных детей - самый зримый и, бесспорно, позорный показатель степени приверженности России традиционной христианской морали». Что же это за феномен сочетания консервативных и прогрессистских ценностей? «Неоконсервативная» волна, которую мы сегодня наблюдаем, никак не есть возврат к традиционному консерватизму. Напротив, по своей социокультурной природе она связана с завершением процессов распада традиционного общества, индивидуализацией общественного бытия и социальных связей, формированием потребности в новом гражданском объединении общества на новых, посттрадиционных основах. Она представляет собой не столько вступление российского общества в завершающую фазу социальной модернизации (до чего еще очень далеко), сколько все более осознанное понимание необходимости этой фазы. И носителем этой тенденции является именно «средний класс», сформировавшейся в уже постельцинской России. "Неоконсервативный консенсус" в его нынешнем формате - это только база для "временного перемирия". Скорее это некий пакт о взаимном ненападении государства и общества. Однако может ли подобный пакт служить основой для развития? Для развития требуется определенная мобилизационная идеология, а любые попытки формирования хотя бы элементов мобилизационной политической системы встречают слишком большое сопротивление, а социальных и политических институтов, ориентированных на мобилизацию, создать не удалось, да и задача такая не ставилась. Между тем расчет на самоорганизацию общества на основе "статус кво" не оправдывается. Общественная ткань продолжает оставаться разорванной эгоистическими частными и корпоративными интересами, одновременно происходит деградация наиболее важных сфер жизнедеятельности общества, определяющих стратегический потенциал страны (наука, образование, культура, экология) в более отдаленной перспективе. Формирование дееспособных субъектов, способных действовать на общенациональном уровне, остается неразрешимой задачей в рамках описанного неоконсервативного "консенсуса". Впрочем, по мнению такого авторитетного российского философа и историка как А. Ахиезер, разорванность общественной ткани и ее ориентация на "локальные миры" является имманентным состоянием российского общества за все время его существования. "До сих пор в российской культуре живут непреходящие ценности такого рода социальности, где нет ни государства, ни чиновников, ни налогов, ни рекрутского набора. Иными словами, до сих пор, сами того не ведая, мы живем воспоминаниями о жизни локального мира. И когда мы со своими сослуживцами в рабочее время пьем чай, то каким-то странным образом воспроизводим обстановку локального мира, которая рождает в нас чувство защищенности, устойчивости, комфортного душевного состояния. В результате складывается уникальная ситуация, когда в рамках одного общества сосуществуют две типологии человеческого сознания. С одной стороны, административная, бюрократическая ментальность политической элиты, которая выросла в той же самой стране, пронизана токами

⁵⁰ С. Б. Филатов, «Сакрализация авторитаризма», «Дружба народов», 2003, № 3).

архаического сознания, но доросла до понимания необходимости государства и, стало быть, большого общества. С другой стороны, массовое сознание низовых слоев, сохранивших почти нетронутые архаические представления о мире. Этот слой общества, напрочь лишенный понимания необходимости большого общества, не только не понимает, но и отказывается принять подлинную природу государства. Человек низовой культуры представляет себе мир как своеобразную "матрешку", в которой патриархальный род, или семья, или государство устроены подобно друг другу. Он трактует большое общество по моделям родной деревни. И предписывает государству идеалы, взятые из архаического родового быта⁵¹. Н. И. Лапин, напротив, связывает проблему "тотального отчуждения постсоветского человека" от власти и друг от друга кризисным развитием трансформационных процессов в 90-е годы. "Как противоречивы процессы социокультурной трансформации российского общества в 1990-е годы, прежде всего метаморфозы тотального отчуждения человека. Драматичной оказалась судьба исходного его слоя - *отчуждения от власти*. Насаждавшееся всеми прежними режимами выключение масс *подданных* из политической жизни сменилось лишь формальным их включением через институты парламентаризма, многопартийности и т. п. По сути, отчуждение, навязывавшееся извне, сменилось самоотчуждением населения от повседневного участия в политике и самоотчуждением демократических институтов власти от повседневного взаимодействия с населением. Возникли два непересекающихся и вполне удовлетворенных этим круга политического самоотчуждения: круг властвующих верхов и круг безразличных к власти низов"⁵².

В рамках исследования "Базовые ценности россиян", проведенного в 2001-02 гг., была предпринята попытка выделить своего рода "опережающую группу" – носителей новой субъектности, сочетающей в себе ценности модернизма и консерватизма. В тот период данная группа была еще достаточно малочисленна и не превышала 8-10% от всей исследованной совокупности. "Выделенные ценностные группы имеют самое прямое отношение к поискам новой субъектности российского общества. Ранее приходилось неоднократно отмечать, что старая советская субъектность, в равной степени, как и остатки традиционного общества, быстро распадаются, тогда как новая субъектность (как правило, в виде «политической нации») не формируется. В результате атомизация и безсубъектность, парализующая любую политическую волю и попытки выстраивания национальной стратегии развития. На наш взгляд, именно пятый (и в меньшей степени четвертый) кластер является наиболее перспективным с точки зрения формирования новой субъектности. Сильная идентификационная связь не с локальными, а гражданскими общностями по выражению Ю. Левады, «державное самоопределение и «просто» символическая идентификация с такими категориями как история, земля, народ, непосредственно выступают факторами предельной интеграции общества. Социальный человек принадлежит не только к определенной группе, но к определенной нормативно-ценностной системе и определенной «линии» социального времени»⁵³. Сказанное не означает, что уже сегодня «неоконсерваторы» являются реальными носителями субъектности более высокого уровня (это может подтвердить или опровергнуть лишь качественное исследование, способное выявить «коллективное бессознательное», превращающее группу индивидов в субъект более высокого уровня)". Сегодня группа неоконсерваторов выросла в разы, однако переход от парадной "неоконсервативной системы ценностей к мобилизационной остается большой проблемой. На ценностном уровне общество готово стать нацией, однако отсутствие

⁵¹ А. Ахиезер, И. Яковенко. Что же такое общество? М., 1998.

⁵² Н. И. Лапин. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций. Мир России. 2000. Т. IX. № 3. С. 3-47.

⁵³ Ю. Левада. «От мнений к пониманию». М., Московская школа политических исследований, 2000

соответствующих институтов и “сверхстимулов” продолжает оставаться проблемой, сохраняющей российский социум на уровне “протонации”⁵⁴.

4. Национальное самосознание строителей “Новой России”

Когда говорят о перспективах развития России в XXI веке, основное внимание обычно уделяется всего лишь нескольким вопросам, прежде всего, экономического и демографического развития. Бесспорно, важны и экономическая конкурентоспособность, и демографическое воспроизводство. Но, акцентируясь на ресурсных показателях, обеспечивающих возможный рост и даже возможное процветание, мы мало обращаем внимание на качественное состояние современной русской нации. Мы даже не знаем ответа на самый главный вопрос – есть ли такая нация? Не как социально-биологическая популяция, а как носитель цивилизационной идентичности. Сможет ли нынешняя генерация населения России сохранить эту идентичность? Вопрос этот остается открытым.

Как полагают некоторые аналитики, “если в 1990-е гг. тема национализма была третьестепенной, то в 2000-х она оказалась всё более и более актуальной. Помимо активизации различных движений, называющих себя националистическими, и все новых социологических данных о популярности националистических лозунгов среди населения РФ, национализм прорвался и на уровень высокой политики: он стал составляющей идеологии некоторых думских фракций, а президент страны огласил одну из его версий в качестве чуть ли не официальной. Свой «Русский проект» заявила основная партия власти, а один из важнейших представителей кремлёвской элиты В. Сурков в своей книге «Национализация будущего» чётко прописал: *«Суверен-демократический проект относится к числу допускающих будущее, и не какое-нибудь, но отчетливо национальное»*. Курс В. Путина на формирование и утверждение «русской нации» вызвал многочисленные дискуссии в самых разных средах”⁵⁵. По его мнению, “новая российская государственность, будучи во многом чуждой для «малых народов России» (ведь российский национализм для них лишь новый облик русификаторской политики), оказалась чуждой и для русского народа, для подавляющего большинства своих граждан. «Русская нация», не признающая этнических корней и этнических интересов русского большинства, не имеет своего прошлого, а значит, не имеет и будущего. В. Тишков говорит о фиктивности национального, и нельзя не согласиться с ним в том, что «русский национальный» проект действительно фиктивен. Фиктивен, так как на самом деле вовсе не национален. Этничность — это корень любого национального проекта, это то, что легитимирует его в истории, даёт ему временную перспективу и культурную идентичность. Этничность есть форма исторической памяти, запечатлённой в этнониме. Это корни. А нация без корней — действительно только фикция”.

Исследование различных процессов социальной трансформации, которые происходят в современной России последние десять-пятнадцать лет, выявляет несколько очень противоречивых тенденций. Одна из этих тенденций — процесс формирования современной русской нации. Нельзя сказать, что этот процесс идет вполне успешно. Возможно, он и не будет доведен до конца. Потому что Россия никогда не сможет стать полноценным национальным государством, — ведь она происходит от имперского

⁵⁴Леонтий Бызов. Социокультурная трансформация российского общества и перспективы формирования неоконсервативной субъектности (по результатам исследовательского проекта «Томская инициатива»). Мир России, 2002, № 2.

⁵⁵ Олег Неменский. Русское будущее в защиту этнонационализма. АПН, 2007.

состояния, которое правильно бы назвать суперэтническим. С другой стороны, современная Россия испытывает колоссальные проблемы с собственной идентичностью – по большому счету граждан страны мало чего объединяет, нет ни общей идеологии, ни общих целей и интересов, хотя за последние годы и появились определенные надежды на «новую идентичность», уже собственно российскую. Неопределенность общегражданской, государственной идентичности заставляет пристально всмотреться в развитие альтернативных форм идентичностей – этническую, конфессиональную, разного рода локальные идентичности.

Действительно, для нынешней России характерно наложение друг на друга двух тенденций: достаточно устойчивый рост этничности как русского этноса, так и других этнических групп России, с одной стороны, и медленное формирование российской политической нации⁵⁶, с другой. Страна зависла на промежуточной ступени между распадающейся имперской идентичностью и так пока и до конца несостоявшейся национально-государственной идентичностью. По мнению известного политолога В. Соловья⁵⁷, наблюдается «безвозвратная деградация имперской идентичности, перенос государственно-территориальной идентичности на нынешнюю "постимперскую" Россию, этнизация русского сознания, что означает как серьезное увеличение этнокультурного компонента в сравнении с государственно-гражданским, так и усиление влияния принципа «крови» («чистой» этничности)». Впрочем, как показывают социологические данные, в этом вопросе тоже далеко не все столь однозначно. Во всяком случае, этот процесс идет очень противоречиво. В какой-то степени он неизбежен, это связано с универсальными процессами модернизации, распадом традиционного общества и традиционной культуры. Это путь, проложенный европейскими государствами еще в 19 веке, в самом своем начале так испугавший Константина Леонтьева, который увидел в нем угрозу потери «цветущего многообразия» империи. В чем-то этому пути нет альтернативы – унификация образа жизни и общественных отношений, глобализация, стандартизация – все это оставляет совсем немного шансов «традиционным анклавам», которые могут сохранить в этих условиях свое своеобразие лишь в качестве искусственно поддерживаемых резерваций. Сегодня распад советской империи просто не оставляет нам иных вариантов, кроме как постепенно становиться национальным государством. Однако и эта тенденция носит неоднозначный характер. Если в 90-е годы многим казалось что идея «империи», великой державы окончательно умерла не только политически, что проявилось в распаде СССР, но и в умах и душах людей, больше озабоченных «своими собственными делами», чем величиим и амбициями государства, то в последнее десятилетие идея «державы» стала явно получать второе дыхание. Сегодня по данным ВЦИОМ для 60% тех, кто называет себя русскими патриотами, патриотизм – это, в первую очередь, «возрождение России как великой державы», и только для 35% - в первую очередь, защита прав и интересов русских как в самой России, так и за ее пределами. Конечно, между «русской державой» и «империей» также нельзя ставить знак равенства. Идет какой-то синтез национального государства и империи, ни то, ни другое в чистом виде в России невозможно. Но, тем не менее, каким бы ни был этот процесс формирования квазинации, новой русской нации, он идет, и в нем можно выделить некоторые параметры.

Как показывают результаты исследований, в современной России происходит довольно-таки быстрый рост общегражданской идентичности. «Гражданами России» предпочитают себя называть 55,6% россиян, представителями своей национальности – 38,1%, в том числе «русскими» - 34,2%; представителями других национальностей – 3,9%. «Русская»

⁵⁶ Некоторые исследователи, впрочем, выражают сомнения относительно перспектив создания в России национального государства в принципе (например, Олег Григорьев)

⁵⁷ В. Соловей. Регрессивный синдром. Политический класс. № 2, 2005.

идентичность не только не растет, а, напротив, в некоторой степени уступает свое место общегражданской российской идентичности, которая продолжает укрепляться по мере укрепления российской государственности и ее престижа при нынешних властях. Это, безусловно, позитивная тенденция, хотя и не столь быстрая. В ней не следует, наверное, искать какого-то глубинного социально-философского смысла, это результат скорее привычки, к тому же подрастает молодое поколение, которое уже социализировалось в рамках границ нынешнего российского государства. С другой стороны, эта тенденция стала и результатом исправления государственного имиджа, что напрямую связывается с деятельностью В. Путина. Если в 90-е годы было стыдно называть себя гражданином России, то сегодня «Россия встала с колен», и именно это называется самой главной заслугой нынешнего президента.

Как бы Вы ответили на вопрос о том, кем лично Вы ощущаете себя, если бы Вас спросили об этом в одной из столиц стран СНГ?

2006 РАН)	(ИКСИ 2005 (ВЦИОМ)	2004 (ИКСИ РАН)	1998 (ИКСИ РАН)	
55,6	44,3	40,0	35,9	Гражданином России
34,2	41,3	46,8	47,1	Русским
3,9	3,9	2,9	7,6	Представителем другой национальности (укр)
2,3	5,3	5,3	5,5	Гражданином СССР
1,9	1,4	1,1	0,3	Гражданином своей республики (Башкортостан)
0,4	1,9	2,6	2,0	Как-то иначе
1,7	2,3	1,2	1,5	Затруднились ответить

В дополнение к этой таблице приведем еще некоторые последние данные из ВЦИОМ (август, 2007). Так на вопрос, «кто я такой», 58,2% россиян назвали себя «гражданином России», 16,1% - жителем своего региона, города, села (сибиряк, москвич и так далее), 19,8% указали на свою национальность (русский, украинец и т.п.), 9,5% назвали себя «советским человеком», 6,0% указали на свой род занятий (учитель, дворник, маляр), 1,9% охарактеризовали себя через свою конфессию (православный, мусульманин), 1,8% назвали себя «гражданином мира», 1,3% назвали себя «европейцами». Вопреки уже цитировавшемуся В. Соловью с его «бунтом этничности», можно, хотя и с большими оговорками говорить скорее о торжестве общегражданской идентичности.

С другой стороны, сохраняется и достаточно радикальная группа общества, состоящая из националистически настроенных русских граждан, согласно которой «Россия должна быть государством исключительно русских людей». По сложившейся традиции к числу радикальных русских националистов социологи относят тех, кто разделяет идею «Россия должна быть государством русских людей». За последние семь лет доля сторонников этого лозунга не выросла, оставаясь на уровне 10-11%. Причем, учитывая «всплеск» радикального русского национализма в период 2001-2004 гг., когда доля радикальных «русистов» доходила до 17,1% (2004 г.), можно сделать вывод, что в настоящее время ситуация в значительной степени стабилизировалась. Иное дело – нерадикальные формы массового сознания, в наилучшей степени отражаемые лозунгом «Россия – многонациональная страна, но русские, составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо ан них лежит основная ответственность за судьбу страны». Доля сторонников этой идеи выросла с 19,9% в 1998 году до 29,5% в нынешнем. В равной степени сократилась и доля интернационалистов, которые считают, что «Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ». В 1998 году интернационалисты составляли 64,1% россиян, а ныне – всего лишь 50,8%. С другой стороны, имеются данные о том, что среди этих 10-11%, согласных с лозунгом «Россия для русских» несколько растет доля наиболее радикально настроенных граждан, особенно молодого возраста.

Каково Ваше отношение к многонациональному характеру Российского государства?

	1998	2001	2004	2006
Россия должна быть государством русских людей	10,7	12,0	17,1	10,9
Россия – многонациональная страна, но русские составляя большинство, должны иметь больше прав, ибо на них лежит основная ответственность за судьбу страны	19,9	20,0	23,6	29,5
Россия – общий дом многих народов, оказывающих друг на друга свое влияние. Все народы России должны обладать равными правами, и никто не должен иметь никаких преимуществ	64,1	60,8	53,6	50,8
Затруднились ответить	5,3	7,8	5,6	8,8

Не раз социологами ВЦИОМ задавался и вопрос об отношении к идее «Россия для русских» непосредственно. В самом последнем исследовании (август, 2007) были получены следующие результаты. 12,8% считают, что эту идею «давно пора осуществить», 30,7% готовы поддержать при условии, если под русскими понимать всех граждан России, 23,6% считают, что ее неплохо было бы осуществить, но в разумных пределах, 25,4% опрошенных относятся к ней однозначно отрицательно.

При всей тревожности действительно существующих тенденций роста радикального русского национализма, в отдельных группах общества никак нельзя согласиться с данными опроса, приводимыми социологами Левада-центра, согласно которым лозунг «Россия для русских» пользуется поддержкой 58% опрошенных россиян, из которых большинство – молодежь. Между тем, по данным ВЦИОМ, в самый тревожный 2004 год самый высокий уровень поддержки лозунга «Россия для русских» наблюдался лишь среди сторонников ЛДПР – 28,6%. Что же касается молодежи, то в младшей возрастной группе опрошенных до 24 лет поддержка этого лозунга в то время составляла 20,7%, что действительно несколько выше, чем в среднем по другим возрастным группам, но на порядок ниже цифры, приводимой Левада-центром⁵⁸.

За восемь лет с 1998 по 2006 год значительно усилились требования русского большинства к национальности президента страны. С 44,9% до 58,1% за это время выросла доля тех, кто отрицательно отнесся бы к этнически нерусскому главе государства. Согласно исследованию ВЦИОМ летом 2005 года, в котором вопрос был сформулирован несколько иначе, 44,9% россиян считают недопустимым в принципе избрание президентом России человека нерусской национальности, а нормальным это считают 18,1%.

Эти результаты отражают ведущее противоречие современного массового сознания: с одной стороны, можно утверждать, что старый имперский национализм, включающий в себя "советский империализм", сочетающий в себе ценности империи и интернациональное отношение к представителям разных народов ("Россия общий дом"), сохраняется, хотя и в сильно трансформированном виде. С другой стороны, приходит "новый" русский национализм, антиимперский, но отнюдь не интернационалистический, причем носителем этого нового феномена "русскости" выступают уже не дезадаптанты, носители традиционной советской ментальности, а современные молодые "волки", социализировавшиеся уже в послесоветские времена.

Одновременно и сам термин «русский национализм» остается скорее уделом маргиналов от политики. Да и у российского обывателя неприязнь к «черным» в основном, как правило, ограничивается кухонными разговорами. Слишком уж велик страх перед возможными актами насилия на национальной почве. И мы на социологических данных (ВЦИОМ, июнь 2006) отчетливо видим, насколько доля тех, кто симпатизирует «русским патриотам» выше (в разы) доли тех, кто прямо готов назвать себя как «русских националистов». Так готовы

⁵⁸ См. сайт Левада-центра.

охарактеризовать себя как сторонников русского национализма 5,9% опрошенных (среди сторонников ЛДПР – 9,5%; у молодежи до 24 лет – 9,1%), еще 24,5% склоняются к более умеренной формулировке – они в чем-то поддерживают идеи русского национализма, в чем-то нет. 44,9% опрошенных выразили полное неприятие идей русского национализма. Кстате, число сторонников русского национализма резко падает при переходе от младшей возрастной группы к следующей – от 25 до 30 лет, где эта цифра ниже 3%. Безусловно негативное отношение демонстрирует общество и к пресловутым скинхэдам, 60,0% населения резко негативно к ним относится, а симпатизируют лишь 4,6%. Правда в самой младшей из опрошенных групп (до 20 лет) эта поддержка вдвое выше - 8,2%, но говорить о каких-то массовых настроениях в пользу этой группировки пока не приходится. Да и реально сталкиваться с радикальными русскими националистами мало кому доводилось. Лишь 5,7% опрошенных имеют знакомых, которых можно отнести к числу радикальных националистов или даже фашистов. Среди младшей возрастной группы эта цифра, так же как и в предыдущем случае, больше примерно вдвое выше - 11,5%. Это скорее подтверждает мнение, что сам фактор молодежного национализма – это не столько поколенческая тенденция, сколько проявление специфики молодежной субкультуры в период ее активной социализации. Просто дело в том, что старшее поколение вообще остается наиболее политизированным, а для малополитизированной молодежи, национальная идея является одной из немногих живых и привлекательных идей.

Как же охарактеризовать в этой связи тот тип национализма, который определяется идеей "Россия должна быть государством русских"? Скорее всего, для него характерно достаточно прагматичное отношение к национальному вопросу. По мнению некоторых специалистов в области национального самосознания, идея империи является слишком сложной, выходящей за рамки жизненного опыта, имеющего дело с достаточно простыми и архаизированными социальными отношениями. Государство только на словах, на парадном уровне провозглашает ценность общности, на деле оно не в состоянии организовать общество, особенно на микроуровне. И национал-прагматизм выступает в качестве компенсационной квазиидеологии.

В последнее время наблюдается тенденция явного преувеличения фактора этничности русского большинства. Только у одних исследователей и публицистов "угроза русского фашизма" вызывает страх и параллели с гитлеровским "третьим рейхом", а другие видят в росте русской этничности позитивный фактор, способствующий формированию русской нации на новых неимперских началах. По мнению Э. Пайна, "бурный рост этнической тревожности у русских тоже опровергает концепцию «вечной сущности» русской цивилизации, поскольку коренным образом противоречит тому, что можно назвать как русской, так и имперской традицией. Многочисленными исследованиями доказано, что русские в Советском Союзе отличались наивысшей толерантностью: в трудовой и бытовой сферах и даже в формировании семей (наивысший уровень готовности к межэтническим и межконфессиональным бракам). Эти процессы, плохо увязывающиеся с теорией органической сущности цивилизации, хорошо согласуются с современной «конструктивистской» теорией этничности, обосновывающей способность к быстрому перепрограммированию этнического самосознания как под воздействием обстоятельств жизни («социальной практики»), так и под влиянием информационных технологий. Власть, безусловно, сегодня дрейфует в сторону имперского национализма, а на пороге уже стоит молодая смена – голодные волчата, обученные по учебникам Дугина, с дочиста промытыми мозгами, да еще и ксенофобы не чета кондопогским. Почему бы им для начала не попытаться занять место в правительстве тех, с «нерусскими фамилиями»? А им помогут продажные журналисты, пусть и совсем с нерусскими фамилиями. Поддержат, пусть косвенно, теоретики особой цивилизации из числа свихнувшихся на постмодернизме или напуганных исламской угрозой, да просто из числа выпендривающейся интеллигенции. О

гибких интеллектуалах и говорить не приходится - как фишка ляжет, так они и запоют. И снова можно констатировать, что и в своем дрейфе в сторону имперского национализма Россия совсем не похожа на «особую цивилизацию»: сплошное подражание Германии конца 1920 годов»⁵⁹. Ему вторят, хоть и с противоположным знаком Валерий и Татьяна Соловьи: «Этнизация - это идущий в современной России интенсивный процесс изменения всего ценностно-культурного поля элитарного и массового сознания в направлении, когда мир начинает рассматриваться преимущественно сквозь этническую призму, а социальная действительность - конструироваться по этническим лекалам. В структуре русской идентичности все большее место занимает артикулированная этническая идентичность. Мы наблюдаем исторический сдвиг поистине грандиозных масштабов: ценность и идея Империи, русский мессианизм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперским народом - народом для других, закрыта героическая, славная и страшная глава нашего прошлого. И это несравненно более кардинальное изменение, чем политические и экономические пертурбации последних полутора десятков лет. Россия может быть только государством русского народа или ее вообще не будет как государства. Надо понимать, что никакая оппозиция, никакие опальные олигархи, никакие русские националисты не делают для дестабилизации ситуации и разрушения доверия к власти столько, сколько она сама - своими действиями или бездействием. Социологические опросы и психологические зондажи из месяца в месяц указывают на драматическое ухудшение психической формы отечественного общества, на рост не просто тревожных ожиданий, но ожиданий крови, которая, по массовому ощущению, прольется в ближайшем будущем. В психологическом отношении русское общество находится фактически в предреволюционной фазе, на что, в частности, указывает резкий рост его агрессивности и взаимного озлобления»⁶⁰. Исследования ВЦИОМ и ИСИ РАН, проведенные с нашим участием, не позволяют говорить об «угрозе русского фашизма» как актуальной.

Другой важной проблемой является уровень формирования новой идентичности. Тенденции государственного "полураспада", недостаточная историческая легитимность России в границах нынешней РФ, несформированность горизонтальных связей - все это толкает граждан, в особенности наиболее активные слои на формирование идентичностей более локального уровня. Это может быть группировка, сообщество, выступающее в качестве субъекта первичной социализации, так и регион. В конце 90-х годов угроза распада России, связанная именно с формированием региональных идентичностей стояла достаточно остро. Данные исследования 2006 г. показывают, что с тех пор ситуация не претерпела существенных качественных изменений. Практически те же 8% готовы одобрить выход своего региона из состава РФ, 35,2% стали бы активно протестовать против подобного развития событий (в 1998 эта цифра составляла 28,6%). И хотя на поверхности не видно реального потенциала сепаратизма, связанного с формированием общественного мнения, в отдельных регионах эта цифра подбирается к критической. Это, в первую очередь, касается богатых самодостаточных русских регионов Сибири - в Красноярске, Иркутске, Хабаровске, число тех, кто одобрил бы выход региона из состава РФ, колеблется от 16 до 23%, а во Владивостоке достигает просто поразительной величины - 31,3%. И это не этнический сепаратизм, который, по сравнению с 1998 г. действительно сошел на второй план. Главная проблема сегодня - это сепаратизм русских окраин, испытывающих чувство

⁵⁹ Эмиль Пайн. Устойчивое развитие России может гарантировать только ее народ, овладевший государством и превративший его в орудие реализации общественных интересов. Сайт ФОМ-клуба, 2007

⁶⁰ В. Соловей, Т. Соловей. Апология русского национализма. Сайт АПН, 2007.

недостаточной идентичности в отношении российской государственности в целом. Казалось бы, именно "сторонники русского пути" должны бы с наибольшим неодобрением относиться к идее регионального сепаратизма, означающего фактический распад РФ. Между тем, 10,9% представителей данной группы отнеслись бы к этой идее с одобрением, для сравнения среди "рыночников" таких 7,9%; среди "коммунистов" - 7,3%. Среди опрошенного летом 2005 года ВЦИОМом населения Дальнего Востока «русская» идентичность существенно превышает «российскую». Это достаточно любопытная тенденция, коррелирующая с мнением В. Соловья о том, что идея "русскости" все основательнее расходится с идеей империи-государства. "...Безвозвратная деградация имперской идентичности и перенос государственно-территориальной идентичности на Россию; деактуализация центральной культурной темы русского народа; провал проекта российской гражданской нации; этнизация русского сознания, что означает как серьезное увеличение этнокультурного компонента в сравнении с государственно-гражданским, так и усиление влияния принципа «крови» («чистой» этничности). Одновременно и в связи с деградацией имперской мифологии происходила деактуализация центральной культурной темы русского народа (своеобразной «красной нити» русской культурной и интеллектуальной истории) – идеи особого предназначения русских в эсхатологической перспективе".⁶¹ Или же речь идет о принципиально ином социокультурном феномене, связанном отнюдь не с изменением этнокультурной матрицы русского этноса, а всего лишь о формировании локальных субкультур, активно самоорганизующихся в условиях неспособности государства и вообще "большого социума" обеспечить необходимый коммуникативный минимум и связанную с ним социальную мобильность, особенно для молодежи? Как сочетается принцип идентичности "по крови" с готовностью тех же русских "националистов" в Сибири и на Дальнем Востоке поддержать идеи местного сепаратизма? Ясно то, что наметившаяся, пока лишь в качестве тенденции этнизация, является ответом общества на негативный результат процесса строительства государства-нации. Не сформировав эффективных общенациональных субъектов, подчинив практическую политику корпоративным интересам, государство само провоцирует всплеск этничности в качестве замещающей государственную квазиидеологию. По данным исследований ВЦИОМ в ноябре 2006 года, «русская» идентичность» все еще во многом определяется не столько этническими, сколько суперэтническими, цивилизационными критериями. На вопрос, кого бы Вы могли назвать русскими, лишь 15% опрошенных ответили, что «русский – это тот, кто русский по происхождению, по крови», гораздо более популярными были такие ответы как «тот, кто вырос в России и воспитывался в традициях русской культуры» (39%), «тот, кто честно трудится во благо России» (23%).

По сути, мы стоим перед той же дилеммой, обозначившейся еще в середине 90-х. Проблема неустойчивой общегосударственной идентичности во многом связана с тем, что нынешняя РФ воспринимается значительной частью общественного мнения как не вполне легитимное, скорее временное, промежуточное образование, которое со временем либо расширится, либо распадется. Лишь 28,4% опрошенных в 2005 г. россиян полагали, что "Россия должна остаться самостоятельным государством, ни с кем не объединяясь". Еще около 28% верили в то, что нынешняя Россия превратится со временем в "большую Россию" в рамках объединительного процесса стран СНГ. Ну и, наконец, минувшие годы еще в большей степени ослабили притягательность идеи возвращения "прежнего СССР" (15,5%), в которую продолжает верить только немалая часть сторонников коммунистов (39,1%). В общем, ни у кого более или менее твердой ясности "что делать с Россией", нет. Будущее видится многовариантным. Нынешняя Россия продолжает жить на перепутье - быть империей уже разучилась, да и не очень хочется, стать национальным государством хотелось бы, но как-то не получается. Именно эти настроения в свое время оказались

⁶¹ В. Соловей, "Трансформация русскости и ее социополитические последствия", Москва, Центр Карнеги, июль 2004

роковыми для СССР. На "парадном уровне", все, конечно "за" величие империи, на практике же, как правило, торжествуют совсем иные ценности и инстинкты типа «свой карман ближе к телу». Самоорганизация общества в последние год если и идет, то скорее на уровне разного рода локальных сообществ, которые представляют для граждан значительно большую реальную ценность, чем «далекий Кремль» и его «далекая» от жизни большинства населения политика. Несмотря на все попытки выстроить «вертикаль власти», она остается весьма неэффективной, а проблемы с удержанием в орбите общенациональной политики анклавов и окраин РФ становятся все более актуальными. По данным ВЦИОМ за ноябрь 2006 г., угроза распада России сегодня находится где-то в середине «списка основных страхов» - она и не кажется слишком явной в условиях происходящего укрепления государства, но с другой стороны – и не списывается со счетов совсем. В какой форме может произойти распад страны? Среди тех чуть более 40% россиян, которые совсем не исключают такого развития событий, 18% опасаются того, что Россия может со временем потерять некоторые окраинные, удаленные от центра территории, такие как Курилы, приморье, Калининградскую область, 17% опасаются того, что некоторые регионы страны могут «отпасть» от нее вследствие их компактного заселения мигрантами из соседних стран (то же Приморье, Юг Восточной Сибири). В качестве третьего, относительно наиболее вероятного сценария распада России воспринимается выход из ее состава некоторых национальных республик, угроза, которая в начале и середине 90-х годов лидировала с большим перевесом над остальными. Относительно менее вероятными сценариями распада нынешней Российской Федерации представляются такие как оккупация части страны другими соседними государствами (9%) и распад страны по региональному признаку, включая образование Дальневосточной, Уральской и других республик на месте нынешнего единого государства (8%).

Еще важнее, чем проблема территориального распада, представляется проблема ценностного распада. Здесь на неравномерность развития регионов, этносов накладывается и проблема вопиющего социального неравенства, причем неравенства, не освященного ни легитимностью, ни экономической эффективностью. «Россия богатых» и «Россия бедных» отстоят друг от друга еще намного дальше, чем Владивосток от Калининграда. Но и в этом вопросе мы видим некоторые обнадеживающие тенденции. Они связаны с формированием «среднего класса», который активно навязывает обществу свои ценности и свои правила жизни и служит буфером между социальными полюсами.

Интересно, что даже у тех социальных групп, которые раньше выступали в качестве разрушителей общей консолидирующей идентичности россиян, голосуя на выборах за «правые» или «либеральные» партии, выступавшие с идеями радикальной переориентации на «западный» цивилизационные ценности, сейчас обнаруживается набор тех же базовых ценностей, что и у остального населения. Мы видим, что идеологии, которые раскалывали российское общество в 1990–е годы, по сути дела, отброшены на периферию. Количество сторонников фундаментальных либералов ничтожно. По сути, то же касается и левых традиционалистов, в том числе и сторонников коммунистической идеологии. Эти группы превращаются в маргинальные, занимающие крайние места в современном спектре идеологических сил. Они все больше выглядят как памятники уже минувших политических эпох. Следует особо отметить, что «западные» или, напротив, «традиционалистские» ценности, носителями которых были старые «правые» и старые «левые» вовсе не оказались полностью отвергнуты, в определенной, возможно даже большей своей части они прижились и вошли в состав нового идейного синтеза, своего рода современной квазиидеологии среднего класса.

За последние десять-пятнадцать лет эти сегменты, островки российского традиционализма размываются. Формируется унифицированный образ жизни современного мегаполиса, где люди мало отличаются друг от друга с точки зрения интересов и мотиваций. Различаются, может быть, только своими социальными возможностями. На месте сегментов

традиционного общества происходит формирование общества современной массовой культуры, глубоко оторванное от своих традиционных исторических корней. И поэтому ожидать, что этот самый «средний класс» станет некой ячейкой, вокруг которой может сложиться современная политическая нация, носитель идей новой русской цивилизации, несколько преждевременно. Для нового «среднего класса» ближе совсем другая идея нации и национального государства – это то, что некоторые называют «нацией-корпорацией», объединяющей граждан общими сугубо прагматическими интересами, но никак не корнями, духовностью, верой. Действительно, сегодня уже сформировалось ядро новой «партии порядка», которое при благоприятных условиях может стать «точкой роста» для новой субъектности, возможно даже нового этногенеза. На каком ценностном фундаменте будет возводиться цивилизационное тело новой России, задаются вопросом социологи и политологи. По их мнению, такой идеей может стать в России просвещенный консерватизм, либеральный патриотизм. Связанная с этой идеей неоконсервативная идеология «адресуется активному меньшинству и содержит рациональное и прагматическое обоснование модернизации и постмодернизации, мобилизующей силы для обновления общества»⁶². Вместе с тем неоконсервативная волна является продуктом модернизации. «В советский и постсоветский период в народном сознании произошел коренной сдвиг, проявившийся в отторжении большинством россиян традиционных представлений о самобытности России, противопоставляющих ее западной цивилизации»⁶³.

Можно сделать вывод, на уровне идей и ценностей российское общество может сегодня претендовать на позиции национального государства. Кстати, это касается и тех конфессионально-этнических групп, которые также успешно вписываются в процесс формирования неоконсервативного синтеза. Однако это совершенно не так на уровне общественных институтов. С точки зрения социальных мотиваций российское общество остается глубоко разрозненным, а не единым. На вопрос о том, какие ценности являются самыми значимыми, ради чего люди готовы чем-то пожертвовать, можно ответить, что такие сверхценности носят глубоко личный, в лучшем случае — семейный характер. То есть главными сверхценностями современного российского человека остаются «мой дом — моя крепость», дача за забором, члены семьи и самое ближайшее социальное окружение. Все остальное важно лишь на словах, но, по сути дела, реальной мотивирующей ценностью не является. Хотя, может быть, за последние годы и намечаются какие-то процессы, которые сдвигают общество в сторону большей солидарности, но они происходят очень вяло. Огромным просчетом нынешних властей является то, что они испугались потенциала создания горизонтальных связей и обслуживающих их социальных институтов, и, по сути, заблокировали этот процесс. Как результат – государство как проект оказалось дистанцированным от большинства населения, стало вотчиной чиновничества, а энергия граждан, нации оплодотворяет не государство, а какие-то локальные проекты.

И, наконец, еще один аргумент в пользу того, что в России генерируется определенная нация и, может быть, даже традиционная нация, — это трансформация политической системы в России. Конечно, можно приклеить к ней определения типа «управляемой демократии» или «суверенной демократии», но, по сути, общество действительно отвергло инновации, привнесенные с Запада при попытке выстроить модель классической либеральной демократии в 1990-е годы. Это состояние «полудемократии» более-менее устраивает и власть, и общество. Оно соответствует глубоко укорененному в нашем обществе монархическому сознанию, когда к верховному правителю, даже избранному, относятся, по сути дела, как к монарху, способному «назначать наследника». Такая модель синкретизма, которая, по мнению ряда исследователей, исходит «из глубины российских руд», отражает какие-то традиции нашего менталитета. Но так это или не так, вопрос скорее

⁶² Н. Н. Зарубина. *Хозяйственная культура постсоветской России. Выпуск 9, РНИСиНП, М., 2001, с. 129*

⁶³ И. Клямкин, Т. Кутковец. *Русская самобытность. Институт социологического анализа, М., 2000*

спорный. С одной стороны, хочется в чем-то согласиться, например, с Андроном Кончаловским, постоянно рассуждающим на тему кардинального отличия русского менталитета, трудовой этики, политической культуры. С другой стороны, налицо и общий либеральный «мейнстрим», когда идеологи российского либерализма постоянно твердят нам о торжестве русской архаики, русской ксенофобии, антидемократизме и так далее. Глядя на наш социум непредвзятым глазом, как раз следов «архаики» и «почвы» видишь гораздо меньше, чем хотелось бы. По сути, последние десятилетия оказались разрушительными для российской культурной «почвы» едва ли не в большей степени, чем вся советская история. Это дает основания полагать, что для современному обществу ближе подходит такая характеристика как «кризис беспочвенности», чем торжество архаики и традиций. А это означает, что внешний, лежащий на поверхности, политический и социальный консерватизм, «новый русский порядок», о котором мечтают наши граждане – это что угодно, но только не возвращение к истокам, не регенерация русской цивилизации. Действительно, все чаще можно услышать доводы относительно глубокой традиционности и даже архаичности общественного сознания россиян, которому глубоко чужды законы и нормы современной мировой цивилизации. С одной стороны, устами одного из высших иерархов РПЦ владыки Кирилла говорится о недостаточности для русской цивилизации общепринятого на Западе понимания прав и свобод граждан, об особой духовности русских, пронесенной ими через века. С другой стороны Андрон Кончаловский выпускает на экраны публицистический сериал «об особых тайнах русской души» и несоответствии им принципов политического и экономического устройства современного Запада. Русские в силу исторической традиции лишены чувства ответственности, убежден Кончаловский, и поэтому свобода – не для нас, это груз, который нас раздавит, да и уже раздавил в бесплодных попытках реформирования эпохи 90-х годов. Русские соборны, у них отсутствует культ индивидуального успеха, работа для них не долг, а скорее неприятная необходимость, русским нужен «кнут», принуждение, они сами не способны придать своему бытию какую-либо продуктивную форму. Возникает странное впечатление, что доводы и русских почвенников, и, напротив, западников, все больше совпадают, и те, и другие говорят об «ярме традиций», давящих на русское бытие, о кризисе «почвенности», которая препятствует интеграции России в современную мировую цивилизацию. В интересной книге политолог и историк Валерий Соловей⁶⁴ утверждает, что главная доминанта русской цивилизации лежит в «голосе крове», в социально-биологических корнях русского этноса, которая является гораздо важнее и культурных наслоений, и исторических поворотов, и социальных основ жизни. Русский характер запрограммирован на строительство Империи в этой связи разворот в сторону разрушения Империи губителен для русских, для их социально-культурного генотипа. По мнению другого исследователя массового российского сознания Михаила Бокова⁶⁵, напротив, «важнейшей особенностью исторической ситуацией в нынешней России является то, что по ряду характеристик современное общественное сознание стремительно возвращается к ситуации начала 20 века. Общественное сознание через сто лет возвращается к тому моменту, на котором его грубо прервали... Полностью исчерпав тупиковый путь развития, Россия как бы вернулась к исходной точке и пошла по второму пути, по которому могла бы пойти в 1917 году, но не пошла. Мы наблюдаем уникальное историческое явление, когда целый народ вернулся к развилке своего исторического пути и пошел по второй дороге, от которой ранее отказался. Поэтому глубинное самоощущение народа в данный момент истории таково, что страна в принципе начала двигаться в правильном направлении, несмотря на острейшие социальные проблемы, несмотря на бедность населения, несмотря на «олигархов», коррупционеров, взяточников, депутатов и сатрапов–чиновников». Между тем, как показали

⁶⁴ В. Соловей. «Новое прочтение русской истории». М., 2006

⁶⁵ Михаил Боков. Народ и власть. Нужен ли России царь? Мониторинг общественного мнения, 2006, № 2

прошедшие годы и более глубокий анализ, «путинская эпоха» по своей социокультурной природе является сложным синтезом, в котором некоторые черты «русской органики» совмещаются с целым комплексом вполне модернистских составляющих, весьма удаленных от русской почвы и русской традиции. Как отмечает Ф. Разумовский, «Почему у нас всё валится из рук? Почему такое безобразное отношение к делу, к земле, вообще ко всему? А ведь недоумевать и удивляться тут нечему. Мы висим в воздухе. Буквально. Культурная почва ушла у нас из-под ног. Россия переживает кризис беспочвенности. Кризис самоидентификации. Выход из этого исторического тупика только один – самопознание. Нам не нужен исторический маскарад. Смазные сапоги, зипуны и тройки с бубенцами тут ни при чём. Нам нужно срочно и ясно понять самих себя, нашу историю, особенности русской цивилизации»⁶⁶.

Проводя социологические исследования, мы убеждаемся, что в нашем обществе существуют весьма значительные и даже порядковые различия в описании базовых ценностей русского народа. В качестве таких базовых ценностей нашей цивилизации, на которые часто делают упор и философы, и простые граждане, выступают соборность, коллективизм, духовность, бескорыстие. Когда же мы исследуем современную генерацию по этим параметрам, выясняется, что эти ценности занимают место, прямо противоположное ожидаемому. Те, кто занимается сравнительными социологическими исследованиями России и стран Европы⁶⁷, говорят, что более индивидуалистического общества, чем в современной России, в Европе просто не существует. Ценности «Святой Руси» присутствуют скорее в качестве «тоски по идеалу», а в жизни мы наблюдаем во многом их противоположность.

Это же касается и очень многих иных характеристик современной русской нации. Как показывают специальные исследования, современные россияне очень бедны «сверхидеями». Проводя несколько лет назад большое исследование по базовым ценностям⁶⁸, пытаюсь выделить какие-то сверхценности, способные мобилизовать общество, и выяснили, что современные россияне очень бедны этим подсознанием, «подкоркой коллективного бессознательного», выражаясь языком немецкого философа XX века Карла Юнга. Они очень прагматичны, сориентированы на скорее практические формы жизненного успеха. И если такие поддерживающие мобилизацию ценности в нашем обществе все-таки есть, то они требуют каких-то особых изысков, недоступных для классической социологии. Мы остановились перед этим рубежом, и выйти от ценностей на уровень цивилизационных мотиваций нам так и не удалось.

Отсутствие прогресса на путях поиска “особой русской духовности” привела философа А. Ципко к мысли, что просто “не там ищем”. “Тем, кому действительно дорога судьба России и народа российского, пора увидеть правду и составить более честный и правдивый образ и самих себя, и своего народа. Конечно, все современные европейские нации выросли из мифов. Но всё же с мифами, которые мешают жить и развиваться, необходимо расставаться. На мой взгляд, мы должны расстаться с мифами, которые оправдывают нашу нынешнюю российскую бедность, неустроенность нашего быта. Бедность действительно не порок. Но бедность не должна рассматриваться как добродетель. Патриотизм, живущий мифами об особом русском пути, об особом народе-нестяжателе, которому по природе чужда привязанность к земному, суетному, к частной собственности, деньгам, чужды заботы о прибыли, о радостях мира сего, не просто себя изжил. Этот миф опасен, ибо делает российскую нацию недееспособной, неконкурентоспособной”⁶⁹. Он видит “русский идеал” в

⁶⁶ Ф. Разумовский. Интервью, Литературная газета, ноябрь 2004

⁶⁷ Можно в этой связи сослаться на исследования А. Демидова (ГФК «Русь»).

⁶⁸ Базовые ценности современных россиян, М., 2003

⁶⁹ Александр Ципко. Русская идея или русский миф? ЛГ, март 2007

потребительском современном обществе, пусть и с “русским” гедонистическим уклоном. Хватит пугать русского человека Западом, соблазнами быта, противопоставлять духовность и творчество сытости. В конце концов все великие творения европейской культуры Нового времени были созданы европейским мещанином, привыкшим к сытой и устроенной жизни. Да и великую русскую культуру создавали не нищие! Хватит наводить напраслину на европейский буржуазный рационализм. Жемчужиной арийского рационализма являются наши русские Соловки, где всё продумано и просчитано, где всё делалось на века, прочно, добротнo, где всё было крепким – и труд, и быт, и даже яства в трапезной. Мистика души нужна для познания тайны Бога. А чистые и ясные мозги – для того, чтобы построить достойную человека жизнь. Пора перестать корить Хрущёва за то, что он переселил русского человека из бараков и землянок в пятиэтажки с тёплым туалетом. Хватит корить Брежнева за то, что он перестал мучить советского человека «социалистическим строительством» и дал ему вкусить радость нормальной жизни. Напротив, великая наша хвала Брежневу! Не может русский, российский человек столетиями жить по законам военного времени, надрывая себя на работе и живя на скудную пайку, и только во имя того, чтобы какой-нибудь литератор мог живописать в устроенном кабинете, после сытного мясного завтрака очередной миф об особом русском аскетическом характере и особой русской судьбе. Ведь правда, которую не хотят увидеть нынешние красные патриоты в лице КПРФ, состоит в том, что всё же не принял народ российский, в принципе не принял ни коллективизацию, ни общественное производство, ни мобилизационную экономику. Может быть, духовность, подлинная духовность «коренного русского человека» сегодня состоит в том, что он не захотел жить в атеистическом советском государстве, где ему говорили, что нравственно всё, что служит победе коммунизма. А захотел жить в обществе неограниченного, безудержного потребления, физической и нравственной сытости, в обществе изобильного и калорийного питания, телесного комфорта, разнообразных развлечений и увеселений. Обильно поесть, мягко поспать, «со вкусом» развлечься. А перед сном помолиться на русские иконы, почитать что-то из Достоевского, послушать русский романс почувствительнее. В Церковь русский человек должен идти также охотно, как в ресторан, где его потчуют «духовными яствами», доставляющими столь же абсолютное наслаждение, как блюда в лучшем и изысканнейшем ресторане. «Нравственно – все, что приятно» - вот моральный кодекс современной русской духовности. И именно такое общество, обеспечивающее это – самое главное - сочетание полного и абсолютного телесного и духовного удовлетворения - и может быть сформулировано как национальная русская идея. Может быть, именно этот набор ценностей, столь “вкусно” описываемый А. Ципко, может стать ценностной основой новой “партии среднего класса”? Как прозвучало на обсуждении статьи А. Ципко в редакции “Литературной газеты”⁷⁰, “А. Ципко, разбирая этот вопрос, причины видимого отсутствия русской идеи, приходит к парадоксальному и, может быть, не очень утешительному для русского самосознания выводу, что, собственно говоря, никакой русской идеи нет. Все, что раньше скопом записывали в русскую идею, есть не более, чем русский миф, который к русской идее никакого прямого отношения не имеет. А если непредвзято, трезво посмотреть на то, что сегодня представляет наше русское самосознание, то оно мало, чем отличается от прочих, в нем нет никакого своеобразия, т.е. это нормальное потребительское общество, которое хочет хорошо потреблять, жить сыто, работать особо не напрягаясь, жить в комфорте, процветать, и вот это буржуазное процветание, по мысли Ципко, является русской идеей того этноса, который мы наблюдаем сегодня. Этноса, который не хочет больше ничем жертвовать, не хочет идти ни на какие мобилизации, проповедовать бесребренничество, духовность и все те основные черты, которые мы традиционно заносим в счет русской идеи. Так это или не так?” С одной стороны, глядя на современное российское общество, мы действительно не видим или

⁷⁰ Круглый стол “Русская идея и русский миф”, ЛГ, май, 2007

почти не видим никакого русского своеобразия, ни явного, не скрытого. С другой стороны мы видим, что на парадном уровне, на уровне того, что называется фасадом, образ русской идеи совершенно отличается от того, что можно назвать содержанием нереализованной русской идеи. На уровне этого русского фасада мы продолжаем считать русских особой нацией, русские – сторонники иного пути. Причем, чем меньше мы отличаемся по сути от представителей других народов, чем больше мы становимся обществом массового потребления, тем больше укрепляется в массовом сознании точка зрения, что у русских свой особый путь. Русские очень хотят чем-то от кого-то отличаться, и, испытывая кризис идентичности, начинают играть понятием «национализм», что совершенно оправдано и что имеет вполне объяснимую социокультурную природу. Поэтому, говоря о русской идее и русском мифе, представляется, что это две реалии, которые существуют параллельно. Чем меньше современный русский человек имеет то историческое своеобразие, которое мы привыкли считать русской идеей, тем сильнее его потребность в русском мифе. И в этом есть своя закономерность, потому что унифицированный городской образ жизни не предполагает к какому-то культурному своеобразию. Свообразие порождается традиционным обществом, в первую очередь тем многоукладным и поликультурным обществом, которое было характерно для исторической России, когда параллельно существовали миры крестьянства, дворянства, духовенства. Эти миры сложно взаимодействовали друг с другом, порождая целый комплекс русской идеи и русской духовности. Сегодня, когда все это осталось в прошлом, у нас унифицированный образ жизни, который диктуется мегаполисом, остатки традиционного уклада отмирают и находятся на периферии современного развития, русский человек становится все более безликим, его захватывают глобалистические ценности общества массового потребления, массовой попсы, и чем больше он теряет своеобразие, тем больше на уровне компенсации пытается сохранить свою идентичность. Он все больше ощущает углубляющийся кризис идентичности и все больше нуждается в русском мифе, даже абсолютно ортогональном его реальному бытию, как в некой форме, некоем якорю, за который можно зацепиться, и даже пусть в качестве обертки, в качестве фасада сохранить на сегодняшний день свою идентичность. Много говорится про объединяющую роль православия, способную превратить наше общество в дееспособную нацию. Однако мы видим, что эта идея тоже носит «парадный» характер, несмотря на то, что более 60% россиян называют себя православными. Однако, представляется, что все это, по крайней мере в своей основной массе, не более чем компенсация за недостаточную национальную идентичность. За внешней, фасадной стороной возвращения страны к православию скрываются иные тенденции, зачастую противоположного свойства.

Главным обстоятельством, препятствующим строительству нации в современной России является отсутствие или недостаточность мотивации для исторического цивилизационного творчества, в частности, предполагающей идентичность с глобальной общностью (этнос, суперэтнос) и мобилизационную компоненту (жертва текущими интересами ради стратегических). Наблюдается этническая усталость, потеря энергетика, а на политической практике – неспособность ни выдвинуть адекватных политических лидеров, ни консолидироваться вокруг значимых общественных целей. Как отмечает культуролог И. Г. Яковенко, «исследования последнего десятилетия фиксируют атомизированный характер российского общества и практическое отсутствие горизонтальных связей, формируемых по моделям общества гражданского. Постсоветский человек не просто лишен навыков и моделей их формирования, но ориентирован на альтернативные варианты. Он решает свои проблемы в системе теневых, коррупционных, клиентальных отношений. Теневой рынок трактуется специалистами как деятельная альтернатива идеальным моделям правовой

демократии и гражданского общества»⁷¹. Современное российское общество напоминает рассыпающийся песок, из которого не удается создать устойчивых социальных конструкций (может быть, кроме самых примитивных, самоорганизующихся по принципу «мафии»), а сами элементы общества, попадая сейчас или в перспективе в зону притяжения иных цивилизационных ядер, неизбежно теряют собственную идентичность.

На наш взгляд, корни сегодняшней российской безсубъектности в большой степени лежат в минувших эпохах, но не в глубинах традиционализма, а, напротив, в процессе форсированного разрушения традиционного общества в первой половине XX века. Распад традиционного общества породил специфический феномен «советского традиционализма», поглотившего собой иные традиционалистские структуры и мифы. Феномен «советского фундаментализма», столь явно проявившийся в 20-50-е годы XX века, во многом объясняется своим происхождением из недр крестьянского традиционного общества, находившегося в течение длительного периода времени на положении «особой» страты с минимальной вертикальной мобильностью, и своеобразной религиозностью, во многом противоречащей секуляристским тенденциям России 18-20 веков. Особенно ярко проявились эти тенденции в период 17-19 вв. «Петровские реформы, культурный раскол общества по вертикали: простонародье осталось в восточно-христианской культуре, а знать стала западной, народ стал воспринимать барина почти как иностранца, чужака. Петровские реформы по разрушительному действию для русской культуры и общественной структуры явились продолжением никонианских...»⁷². «Социокультурный кризис XX века был усугублен перемещением очага традиционной культуры с Севера на Юг. По мнению историка В. Махнач, «сегодня мир Русского Севера погиб, его практически больше нет»⁷³. Феномен же советского традиционализма с его колхозным строем в значительной степени характерен для Русского Юга и является, в свою очередь, порождением субкультуры русского полустепного Юга. Существует точка зрения, что в первой половине XX века в России победила архаичная догосударственная структура общественных отношений, да и сейчас «большое общество сформировано в значительной степени на архаичной эмоциональной основе, на господстве инверсии, что привело к расколу, к опасному разрыву культурного поля, к слабости базового консенсуса, слабости конструктивной напряженности». Именно с этим связывается раскол между двумя «суперцивилизациями – традиционной и либерально-модернистской», определяющий социокультурную специфику России⁷⁴.

С распадом советского общества (черты распада стали появляться в 50-е и 60-е годы, а в 70-е советское общество практически утратило фундаменталистские черты), произошел фактический этнический распад, утрата общенациональной субъектности. Догоняющая модернизация в качестве официальной идеологии 90-х годов сделала ситуацию еще более драматической, так в ее ходе «социально поощряемой» моделью поведения (в модернизационных сегментах общества) стала установка на крайнюю индивидуализацию жизненных алгоритмов, на «спасение с тонущего корабля» российской субъектности в одиночку. Однако разорванность традиции неизбежно компенсируется усилением архаики в социальных отношениях. И «неоконсервативная волна» в современной России во многом воспроизводит архаику, в том числе дохристианскую. По мнению К. Костюка, «архаика

⁷¹ И. Г. Яковенко. *Государство: дополнительность социокультурного анализа*. В книге «Россия: трансформирующееся общество». Москва, Канон-пресс-центр, 2001

⁷² Сергей Марочкин. *Народ, среда, характер*. В книге «Расовый смысл русской идеи. Выпуск 1. М., «Белые альвы», 2000, с.56

⁷³ Владимир Махнач. *Русский Север: кровь и дух*. В книге «Расовый смысл русской идеи». Выпуск 1. М., «Белые альвы», 2000, с. 115-128

⁷⁴ А. С. Ахизер. *Специфика российского общества, культуры, ментальности как теоретическая и практическая проблема*, Сборник «Обновление России: трудный поиск решений», Выпуск 9, РНИСиНП, М., 2001, с.142

появляется в современном обществе только вследствие неспособности выполнять традицией свои функции, вследствие вытеснения традиции в ходе модернизации. В этом смысле архаика - законное дитя модернизации, правда, неорганической, экстремной модернизации. Еще более парадоксальным является то, что архаика сама может быть источником модернизации и разрушения традиции. Противостояние традиционных обществ и обществ модерна имеет содержательно-духовные основания. Модерн полностью отрицает дух архаики. Движению назад он противопоставляет движение вперед, возвращению в изначальность природы он противопоставляет конструирование культуры. Иррациональности архаики противостоит рациональность модерна, синкретической слиянности "всего со всем" - дифференциация и специализация, сакральности культурного мира - его гуманность. Традиция в этом случае - линия фронта в арьергардных боях с архаикой, последняя граница культуры, отделяющая человека от природы. Таким образом, классическая модель традиция - модернизация уступает в современной теории место модели архаика - традиция - модерн». Балансирование традиции между архаикой и модернизацией, с трудом поддерживаемое в странах органической модернизации, т.е. в Европе, едва ли можно было удержать в странах догоняющей модернизации. За десятилетия здесь предстояло сделать то, что в Европе строилось столетиями. Не оставалось времени реформировать старые традиции, их приходилось отменять и вводить новые порядки, учреждения, нормы⁷⁵.

И все-таки вокруг чего может строиться современная массовая цивилизация? Есть традиционные идеи, от которых Россия уходит, так и не приходя к национальному государству. Как мы уже отмечали, ценность больших пространств, имперские ценности ушли из разряда сверхценностей, ради которых россияне готовы чем-то жертвовать. Они остались только на уровне парадных ценностей. Когда идет обсуждение независимости Абхазии, Приднестровья, других территорий и их перспектив воссоединения с нынешней Россией — да, конечно, все «за», готовы поддержать, но только до того рубежа, когда начинает пахнуть кровью. Как только пахнет кровью, поддержка прекращается. Все согласны с тем, что империя, великое государство, собирающее под свою эгиду народы и территории — это хорошо, но практически никто не собирается ради всего этого идти на какие-то реальные или даже мнимые жертвы. Что касается идеи русской духовности, — мы видим, что современная генерация россиян очень сильно дистанцирована от традиционной русской культуры. Эта культура осталась частью наследия прошлого. Наши соотечественники сегодня смотрят на неё примерно так же, как современные греки — на развалины античных Афин. То есть это нечто, что уже ушло, и никоим образом не затрагивает нынешнюю жизнь.

И, наконец, идея этничности, «голоса крови», о которой мы уже много говорили выше. Как идея, консолидирующая общество, как основа идентичности она тоже явно недостаточна. Во всяком случае, — в том виде, в каком она существует в умах нынешних россиян. Вся кухонная болтовня на тему засилья инородцев - это лишь компенсация за неумение отстоять свои этнические и не только этнические интересы в реальной жизни, неспособность самоорганизоваться.

Сказанное заставляет предположить, что общий вектор динамики массового сознания в России направлен в сторону национального государства, основанного все же на принципах общегражданской, а не этнической идентичности, государства, которое могло бы быть охарактеризовано как «нация-корпорация». Однако для достижения результатов на этом пути необходимо «еще что-то», то, чего пока не может дать обществу нынешний слишком рациональный политический режим – какая-то

⁷⁵ К. Н. Костюк. Архаика и модернизм в российской культуре. На сайте <http://www.rir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99.kost.html>, с.6

социальная закваска, которая бы придала движению в сторону национального государства большую определенность. В чем может состоять такая «закваска» - на этот вопрос пока нет ответа ни у социологов, ни у политиков.

5. Фундамент новой политической системы

Политическая система, созданная в стране при В. Путине, является, по общему мнению и политологов, и социологов, наиболее уязвимым местом режима, и ее трансформация при переходе к «новой России» является по сути неизбежной. Главным обвинением в ее адрес служат такие ее черты как безальтернативность и антидемократичность. Вот типичный взгляд одного из таких критиков: «Будучи формально легитимированной через избирательную процедуру смена власти, вместе с тем, полностью выведена из зоны неопределенности, связанной с демократическими выборами. Реальная безальтернативность выборов на важнейший политический пост обеспечивается как манипуляцией общественным мнением через подконтрольные средства массовой информации и использованием властных преимуществ инкумбентами ("административный ресурс"), так и господствующими моделями поведения и менталитета населения, готового поддерживать действующую власть из страха перед худшим или пассивной надежды на лучшее. В результате этих и других изменений российское политическое сообщество за три года четко усвоило правила игры в новой политической системе. Безальтернативность власти воспринимается политиками, журналистами, экспертами как данность, не подлежащая обсуждению. Осмысление и оценка ситуации в стране происходит в рамках заданной действующей властью системы координат. Дискуссии вокруг тех или иных изменений политики не затрагивают сложившуюся систему властных отношений. Критика режима допускается, но исключительно как критика правительства. Такая политическая система может существовать либо при условии согласия общества (поскольку важнейшим способом ее легитимации являются выборы), либо при полной неэффективности институциональных и иных каналов воздействия населения на власть⁷⁶».

В пробуксовке развития многопартийности эксперты видят как следствие пассивности общества, так и сознательное нежелание властей способствовать осознанию отдельными группами общества своих интересов. «Власть следила за тем, чтобы социальные группы не становились самостоятельными, иногда учитывала интересы общества, иногда прибегала к его помощи, особенно когда речь шла о целостности государства или в периоды утверждения новых политических элит. А общество в целом приспособлялось к власти, принимая ее высший эшелон и считая врагом ее институты. Именно поэтому в России так и не сложилась настоящая партийная система. Российское общество в силу своей безгражданственности и государственной опеки за всю свою историю не научилось формулировать свои политические интересы и защищать их через институт партий. Партии, особенно в современной России, скорее являются (или добровольно становятся) орудием и атрибутами власти. Достаточно вспомнить опыт партийного строительства: "Наш дом — Россия", "Единство", позиции СПС и т.д. При этом они стремятся стать правящими не за счет предложения своих программ, а путем выражения одобрения действий власти⁷⁷. . Как утверждает один из «отцов русской демократии» В. Шейнис, «возвращается традиционная социально-политическая модель: многовластный и непререкаемый лидер – доминирующая

⁷⁶ Т.Е.Ворожейкина. Стабильна ли нынешняя Россия? В сборнике «Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

⁷⁷ В.Н.Дахин. Исторические детерминанты политического развития современной России. В сборнике «Куда пришла Россия? Итоги социетальной трансформации. М., 2003.

в центре и в регионах партия бюрократии (хотя и в ином идеологическом оформлении, но все тот же «приводной ремень») – политически пассивное, разочаровавшееся в своих возможностях общество. Процесс реставрации набирает силу. Демократическое законодательство подправляется или обращается в фикцию. Осуществлена контрреформа избирательного права. На месте парламента, суда, общественных институтов выстраиваются муляжи, а бизнес и главные СМИ поставлены под жесткий контроль государства. Развернуто наступление, в том числе средствами, напоминающими работу спецслужб прошедшего времени, на независимые неправительственные организации. Политика снова перестала быть публичной. Много поменялось во внешней политике – от заявленных целей и используемых средств до риторики. Возрождается даже сталинский миф в официальной историографии и в сознании значительной части народа⁷⁸.

Однако все эти тенденции, включая концентрацию власти в руках президента («суперпрезидентская республика»), действительно имеющие место, в целом находятся в соответствии с магистральным общественно-политическим запросом общества. «Если уровень доверия к президенту растет, то уровень доверия к другим институтам государства и гражданского общества падает. Интегральная оценка населением различных органов власти показывает, что самые высокие показатели у Администрации Президента, далее следуют губернаторы, мэры, правительство. За самостоятельность регионов и территориальных единиц, по данным опросов, высказывались всего 4% опрошенных, за равноправие – 5%. При этом две трети опрошенных (62%) считают, что в России не существует сильного государства, и одним из необходимых условий совершенствования государственной системы нашим согражданам видится жесткая вертикаль власти, соблюдение политики подчинения местной власти – региону, а региона – Центру. Поэтому и предложения об усилении вертикали власти встречают понимание и поддержку у большинства населения России. Помимо объяснений, связанных с социокультурными и историческими факторами, напрашивается вывод о связи подобных настроений с механизмами социальной идентификации. Вместе с тем фрагментация политического пространства не может устраивать ни политическую элиту, ни общество, т.к. сама идея плюрализма не укоренена в отечественной политической культуре. Только одна четвертая часть населения России убеждена в необходимости существования многопартийной системы, 14% считают, что партии не нужны вообще, а 20% ностальгируют по однопартийной системе⁷⁹. В какой-то степени чрезмерная консолидация власти отражает движение маятника – от крайней фрагментации властных элит и всего политического пространства в 90-е годы до концентрации всей власти в Кремле и ослабления влияния региональных и партийных элит после 2000 года. По мнению В. Гельмана, «процесс трансформации политического режима повлиял на формат российской партийной системы, характеризующейся партийной фрагментарностью и электоральной неустойчивостью». Он сравнивает тенденции развития российской партийной системы с колебаниями маятника: от равновесия однопартийного режима – в сторону сверхвысокой фрагментации и неустойчивости, а затем – в сторону резкого снижения фрагментации⁸⁰. В «авторитарном перерождении режима», как оценивают процесс политической трансформации критики политики нынешних властей, можно усмотреть и ростки «новой субъектности», консолидации властных элит вокруг общегосударственного политического и экономического курса. По мнению А. Зудина, «главная характеристика нового режима –

⁷⁸ Виктор Шейнис. Когда же придет настоящий день? Сайт ФОМ-клуба, 2007

⁷⁹ Н.М. Великая. Проблемы консолидации общества и власти. М., 2003

⁸⁰ В. Я. Гельман. От "бесформенного плюрализма" – к "доминирующей власти"? (Трансформация российской партийной системы) Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 46-58.

моноцентризм, т.е. сильный центр власти, позволяющий проводить новые реформы. Фундаментом моноцентризма автор считает негласный “социальный контракт” с обществом в обход элит. Процесс подготовки и принятия решений расширил круг участников за счет подключения сообщества бизнеса и верхней палаты парламента. Решения стали освобождаться от клановой логики и восстанавливать связь с реальными интересами и настроениями. Автор считает, что политика Путина позволяет через согласования и компромиссы проводить целенаправленный курс преобразований. При этом подготовка и реализация решений осуществляются в рамках конституционного поля при сохранении институционального и политического плюрализма”⁸¹. Еще конкретнее перечисляет “плюсы” путинского моноцентризма В. Кувалдин в уже цитированной выше статье. “Важно также, что Путину удалось добиться значительных изменений в том, что касается позиций региональных элит. Сегодня это уже не те «бароны», которые заседали в верхней палате парламента и разговаривали с федеральной властью на равных. Все они отправлены на места и занимаются там хозяйственными делами. Достигнут определенный консенсус между интересами “элиты”, заинтересованной в сохранении существующего порядка вещей, и интересами молчаливого (а иногда и не очень) пропутинского большинства. По какому пути пойти? Можно поспособствовать формированию в стране ответственных политических субъектов, что могло бы позволить сделать первые шаги от суперпрезидентской республики (это моя давнишняя точка зрения: у нас не президентская, а суперпрезидентская республика) к нормальной президентской республике. А президентская республика станет гарантией того, что уважение к Конституции и Закону будет нормой для любого президента и любого политика. Я не поклонник действующей Конституции, но, каким бы ни был Основной Закон, каждый политик обязан с ним считаться. Вместе с тем надо всерьез озаботиться состоянием нашего парламента, который превратился в значительной мере в машину для голосования. Хорошо, что он является надежным партнером президента, но он должен также иметь возможность выполнять и функцию оппонента. Учитывая же, что мы живем в федеративном государстве, в этом качестве должны выступать обе палаты - и нижняя, и верхняя. Наконец, проблема свободы средств массовой информации. Не думаю, что можно просто ограничиться заявлением, что Кремль подмял под себя СМИ. Я не в восторге от того, как средства массовой информации использовали свою свободу в 1990 годы. Свобода, вроде бы, была, но для кого? Была свобода олигархии, поскольку, за редчайшим исключением, за всеми сколько-нибудь влиятельными СМИ стоял крупный капитал. Но вряд ли можно признать нормальным и такое положение дел, когда все общенациональные каналы стали государственными. Создание моноцентричной системы было обусловлено чрезвычайной ситуацией, но всякая чрезвычайщина имеет короткое историческое дыхание. Моноцентричная система - система ручного управления, созданная под одного человека. И если мы действительно думаем о будущем нашей большой и чрезвычайно сложной страны, надо создавать эффективные институты”⁸².

Особенно актуальными оказались проблемы эффективности действующих политических институтов накануне начала нового избирательного цикла. В первую очередь, испытание на прочность вынужден выдерживать самый главный из таких институтов – Президент России. Однако роль и других институтов в условиях трансформации режима может существенно измениться. Как видно из следующей таблицы, в ближайшие 5-8 лет россияне, в первую очередь, ждут укрепления таких институтов как профсоюзы (30,9%), органы

⁸¹ А.Ю.Зудин. *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 67-83.

⁸² В. Кувалдин. Путин пришел как стабилизатор, поэтому реформы Путина призван завершить его преемник. Сайт ФОМ-клуба, июнь 2007.

местного самоуправления (25,3%), а также армии, вооруженных сил (26,7%). С одной стороны, подобный список приоритетов является отражением представления в массовом сознании значимости этих институтов, с другой, отражает проблемы с их становлением. В первую очередь, это касается соотношения таких основ политической системы как низовая самоорганизация общества (профсоюзы, местное самоуправление), с одной стороны, и многопартийность, представительная власть, с другой. “Перекося” в сторону “второй из этих двух опор” демократии, сложившийся еще в 90-е годы и в еще большей степени усилившийся при В. Путине, является одной из главных причин пробуксовки демократических процессов в стране.

Роль каких политических и общественных институтов должна возрастать (ВЦИОМ, июль 2007)	Политические партии	9,7
	Общественно-политические движения	10,9
	Профсоюзы	30,9
	Государственная Дума	10,9
	Общественная палата	9,1
	Законодательные собрания в регионах	9,1
	Органы местного самоуправления	25,3
	Независимые СМИ	13,0
	Общественные организации фонды, благотворительные организации	15,3
	Армия	26,6
	Церковь	14,6
	Правоохранительная система	20,4
	Творческие союзы	5,9
	Спортивные клубы	17,8
Творческие, профессиональные объединения	8,8	
Затрудняюсь ответить	12,0	

Характерный пример такой пробуксовки – это развитие профсоюзного движения, исследованию которого было посвящено специальное исследование ВЦИОМа в марте 2007 г. Как показало это исследование, работающие россияне не имеют действенных способов защищать свои трудовые права, если они нарушаются работодателем. 60% опрошенных признались в том, что в случае нарушения своих трудовых прав, они ничего не предпринимают, как говорится “утираются”. И ситуация не становится существенно лучше за последние годы. Так в апреле 2004 года таких было 53%, в июле 2005 года – 67%. Самый распространенный способ защита своих трудовых прав – обращение непосредственно к начальству по месту работы. Самый распространенный, но далеко не самый цивилизованный. За последние три года доля тех, кто прибегал к нему немного сократилась – с 21% до 17%. Но и сегодня он на 10% опережает другой, также не самый лучший способ защиты трудовых прав – смену места работы (7%). Еще меньше тех, кто использовал для разрешения ситуации личные связи (помощь друзей, знакомых, родственников) – 5%, обращался в суд (4%), просто стал меньше и хуже работать по принципу – не платят по справедливости – нечего и стараться – 2%. По 1% опрошенных участвовали в митингах, забастовках, других акциях протеста, отстаивали свои права силой или угрозой силы. Вынуждены были давать деньги, подарки. На фоне всех этих способов разрешения трудовых конфликтов и отстаивания своих прав обращение в профсоюз или в совет трудового коллектива занимает скромное место в конце списка – к этому наиболее цивилизованному методу прибегало всего 3% из числа опрошенных работающих россиян. Это безусловно свидетельствует о “летаргическом” состоянии системы профсоюзов в

стране. За три года наблюдений доля россиян, обращающихся за защитой в профсоюзы, даже скорее немного снизилась – с 4% до 3%.

Если Ваши трудовые права нарушались, то к каким способам защиты своих прав Вы прибегали? (Любое число ответов; % от тех, кто работает)			
	Апрель 2004 г.	Июль 2005 г.	Апрель 2007 г.
Обращался к начальству по месту работы	21	16	17
Обращался в профсоюз, совет трудового коллектива	4	2	3
Участвовал в митингах, забастовках, других акциях протеста	2	3	1
Обращался в суд	5	1	4
Использовал личные связи (помощь друзей, знакомых, родственников)	5	4	5
Сменил место работы	7	2	7
Стал меньше работать (не платят по справедливости – нечего и стараться)	5	4	2
Отстаивал свои права силой или угрозой силы	1	1	1
Вынужден был давать деньги, подарки	1	1	1
Другое	3	3	2
Ни к каким способам не прибегал	53	67	60
Затрудняюсь ответить	5	7	7

Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что почти 50% опрошенных (42% в 2005 году) указали на то, что на их предприятии никакого профсоюза нет вообще. Однако и наличие профсоюза еще не означает его реальную деятельность. Только 8% (9% в 2005 году) полагают, что их профсоюз оказывает существенное влияние на защиту их трудовых прав, улучшает положение работников, а 34% (40% в 2005 году) не видят в деятельности профсоюза существенного влияния на положение работников. Определенное исключение на этом безрадостном фоне составляют госслужащие, работники административных органов, среди которых 17% указали на эффективность профсоюза по месту работы и учащиеся (студенты), среди которых аналогичная цифра составляет 14%. Бессилие профсоюзов отмечают и другие исследовательские центры. Так по данным ФОМ, только 22% россиян считают, что профсоюзы могут защитить интересы таких как они, а 62% в такую защиту не верят⁸³. Меньшим объемом данных обладает социология относительно оценки обществом деятельности органов местного самоуправления. По данным ФОМ за 2004 год им доверяли около 32% опрошенных россиян, на 2% больше им давал ВЦИОМ в 2006 году. Так или иначе, ясно, что российское общество ждет “прорыва” в сфере демократии не от многопартийности и разделения властей, а от “низовой” демократии в лице профсоюзов и муниципалитетов.

Гораздо меньше тех - примерно по 10% россиян – кто считает, что в “новой России” должна возрасти роль политических партий, Государственной Думы, законодательных собраний в регионах, общественной Палаты. Ясно, что эти институты, на которые была сделана основная “ставка” в качестве “демократического лица” современной России, переживают кризис.

Чем больше в последние годы в стране велось разговоров о многопартийности как основе политической демократии, тем меньше было самой многопартийности и тем ниже были общественные ожидания от нее. Фактически, в современной России, многопартийность выродилась, в значительной степени будучи «съеденной» партией власти в лице «Единой России», которая как пылесос, втягивает себя голоса избирателей, ранее голосовавших как за левую, так и за правую оппозицию. При этом партии, как бы символизирующие многопартийность (КПРФ, ЛДПР) в реальной системе власти носят скорее декоративный

⁸³ 24.06.2004, ФОМ, Опрос населения “Профсоюзы и их роль”

характер, так как не обладают ни реальным влиянием на принятие решений, ни амбициями «брать власть» в свои руки. Шансы каких-либо других партий, даже слитых воедино, хоть как-либо реально воздействовать на принятие властных решений, сегодня представляются более чем сомнительными. Монополизация политической жизни «партий власти» налицо, обсуждаются лишь причины данного обстоятельства – лежат ли они в плоскости политических технологий и прямого давления административной вертикали, «зачищающих» политическое пространство, или же в плоскости менталитета россиян, их запроса на сильную и единую власть, неприятие политической оппозиции как таковой. По мере приближения выборов ситуация скорее усугубляется – рейтинг «Единой России» продолжает, пусть и медленно, но расти, а рейтинг оппозиции – падать. Аналогичная картина наблюдается и в преддверии президентских выборов, когда по данным разных опросов, около половины россиян уже сегодня готовы проголосовать за единого «кандидата Кремля», даже не зная его конкретной фамилии.

Параллельно снижению фактического политического веса партий, растет их номинальная роль в политической системе страны. Предстоящие выборы Государственной Думы пройдут исключительно по пропорциональной системе, исключая независимых депутатов, эта же участь уже постигла большую часть региональных законодательных собраний. Партийная поддержка или даже членство в партии становится необходимой атрибутикой губернаторской власти. В то же время, значительная часть россиян вообще сомневается в действенности многопартийности как института в современной России. Согласно данным ВЦИОМ на январь 2007 года, только 24,0% россиян полагают, что политические партии играют важную роль в жизни страны, а 64,5% считают роль партий не существенной (36,4%), или же вообще не видят за партиями никакой значимой роли (28,1%). Особенно велика неудовлетворенность состоянием многопартийности среди оппозиционной, протестной части электората. Так среди тех, кто не одобряет деятельность В. Путина 57,1% считают, что партии в современной России не играют вообще никакой роли, а в наибольшей степени удовлетворены многопартийностью сторонники «Единой России» (33,4% считают, что политические партии играют важную роль). Лишь 17,0% опрошенных уверены, что в России сформировалась реальная многопартийность, тогда как 41,6% видят только одну сильную партию - «Единую Россию», и еще 24,5% вообще не видят в стране сильных политических партий. Впрочем, большая часть россиян отнюдь не сожалеет о многопартийности и политическом плюрализме «без границ» эпохи первой половины 90-х годов. Только 16,4% опрошенных готовы поставить нынешней политической системе «в пример» демократию образца пятнадцатилетней давности, а по мнению 57,6% россиян, ситуация с демократией и многопартийностью сегодня, по крайней мере, не хуже (25,5%), а то и лучше (36,1%), чем в те годы. Четверть опрошенных считают, что демократия развивалась одинаково плохо, и в 90-е годы, и сейчас.

Многопартийность остается для большей части общества скорее «парадным символом», без чего вроде бы и не может быть нормальной демократии, но на практике эта многопартийность является ценностью второго эшелона, которая никак не влияет или влияет очень слабо на решение конкретных проблем, стоящих перед страной. Так, по мнению 47,6% россиян, «без многопартийности, сильных политических партий невозможно построить современное общество», а 30,4% полагают, что «многопартийность, сильные политические партии не нужны сегодняшней России». Это мнение в большей степени склонны разделять более старшие возрастные группы, лица с относительно невысокими доходами, а также некоторые профессиональные группы, например, военнослужащие.

Недостаточная фактическая актуальность развития многопартийности в стране, смысла которой далеко не все понимают, приводит к весьма противоречивому отношению к самому феномену политических партий. Так 73,9% опрошенных склонны полностью или скорее согласиться с точкой зрения, согласно которой, «главное для России – это крепкая власть, а

не многопартийность», одновременно 55,9% тех же россиян склонны полностью или частично согласиться с утверждением, согласно которому «от оппозиционных партий нет никакой пользы, они ни на что не могут повлиять, даже если и предлагают правильные вещи». 59,5% опрошенных согласны с тем, что «без конкуренции политических партий и стоящих за ними идей и лидеров нас неизбежно ждет «новый застой», отставание». 62,5% полностью или частично согласны с утверждением о том, что «оппозиция в России необходима, иначе власть станет бесконтрольной». Одновременно 59,0% склонны в той или мере согласиться и с утверждением, согласно которому «общество и власть должны быть едиными, проводить одну политику, а оппозиционные политические партии этому лишь мешают». 55,2% россиян считают, что главное в партии – это яркий, запоминающийся лидер, а 77,1% согласны и с тем, что «главное в политической партии – это программа, идеи, с которыми выступает партия». Россияне пришли также к выводу, что партии должны заниматься конкретными вопросами, приносящими пользу обществу (89,4% опрошенных в той или иной степени согласны с этим утверждением). Менее популярна альтернативная точка зрения, согласно которой «главное в деятельности политических партий – это не решение конкретных вопросов, а конкуренция идей и подходов» - с этим тезисом свое согласие выразили 36,4% россиян.

Совершенно к аналогичным выводам пришли социологи из «ФОМ», проведшие исследование об отношении россиян к многопартийности в апреле 2007 года. Как указано в цитируемом исследовании, «участников опроса попросили поделиться соображениями относительно того, в чем заключается польза, приносимая нашей стране политическими партиями, и в чем – наносимый ими вред. На первый из этих открытых вопросов затруднились ответить 60% опрошенных; еще 20% уверенно заявили, что никакой пользы политические партии не приносят ("нет пользы, один вред"; "никакой пользы, одни склоки"). Что касается остальных ответов, то едва ли не половину из них составляют либо реплики, не имеющие практически никакого отношения к институту партий и содержащие позитивные оценки деятельности структур исполнительной и законодательной власти ("восстанавливают экономику"; "собирают налоги"; "забота о молодых семьях"; "проводят реформы"; "иногда издают нормальные законы"; "реализуют проекты"; "отношения налаживают с другими странами"), либо туманные фразы, смысл которых, по-видимому, сводится к тому, что партии не бездействуют ("заседают, что-то решают"; "что-то пытаются"; "чтобы для людей все"). Другие участники опроса говорили, что польза состоит в плюрализме мнений ("присутствуют различные взгляды"; "идет какая-то дискуссия" – 2%), межпартийном соперничестве ("должна быть конкуренция"; "соперничество приносит пользу" – 2%), в возможности принятия объективных решений по итогам межпартийных споров (1%), в наличии у избирателей возможности выбора (1%), в том, что партии "обеспечивают институт демократии в стране" (1%) и т. д. На другой открытый вопрос – о вреде, наносимом партиями, ответили почти половина опрошенных (затруднились с ответом 51%, еще 2% – сказали, что вреда нет). Партии обвинялись в бездействии и неэффективности ("много разговоров, а дела – чуть, одна показуха"; "много словоблудия" – 11%), в паразитизме и расточительстве ("деньги едят бюджетные"; "дармоеды на нашей шее" – 7%), безразличии к людям ("не думают о простом народе, нищая пенсия"; "не слушают людей, не отражают интересы народа" – 6%), корыстолюбии ("все гребут в свои карманы" – 6%), лживости ("обман народа"; "много врут" – 3%) и т. д. Особо стоит отметить, что довольно многие (8%) ставили партиям в вину стремление к власти, межпартийную борьбу как таковую ("вечно спорят между собой"; "разногласия"; "много политической борьбы"; "каждая добивается власти"). Распределение ответов на открытые вопросы определенно говорит о том, что институт партий сегодня не слишком популярен. Неудивительно, что 43% участников опроса полагают: партии приносят России больше вреда, чем пользы. Противоположную точку зрения разделяют лишь 23% опрошенных

(прочие – затрудняются с ответом). Суждения по этому вопросу существенно разнятся в зависимости от возраста респондентов: если среди молодежи доля считающих, что от партий больше вреда, превышает долю полагающих, что они скорее полезны, не очень ощутимо (35% и 27% соответственно), то среди пожилых граждан сторонники первой точки зрения преобладают безоговорочно (46% и 18% соответственно)⁸⁴. По мнению О. Гаман-Голутвиной, “российские партии выступают не только как самостоятельные субъекты политики и агенты формирования политического истеблишмента и, соответственно, политического курса, сколько как инструменты управления политическим рынком. Как оценивать этот процесс? Возможны различные интерпретации, но, мне кажется, что мы наблюдаем возрождение традиционной для России модели соотношения публичной политики и исполнительной власти. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда относительно новые политические институты, включая институт многопартийности, находятся под влиянием традиционной политической культуры. И в результате имеет место тенденция, к формированию моноцентричной модели партийной системы⁸⁵”.

Как мы полагаем⁸⁶, кризис самого института многопартийности, который отмечают большинство аналитиков, связан с тем, что “старая” модель партии как выразителя определенной культурной среды, формы социально-культурной идентичности отмирает, а “новая”, связанная с представительством групповых интересов, практически не реализуется. Низкий уровень доверия к политическим партиям как таковым (в июле 2007 г. им в совокупности доверяло 19,4% опрошенных россиян), непонимание смысла самого института многопартийности в ее действующем варианте - эти тенденции воспроизводятся независимо от того, какая политическая партия сегодня лидирует, на основе каких партий формируется Государственная Дума. Низкий рейтинг доверия был характерен для всех Государственных дум последнего десятилетия - и для Думы образца второй половины 90-х с преобладанием в ней левой оппозиции, и для нынешней, в которой доминирует “партия власти”. Согласно тому же опросу, лишь 29% опрошенных были готовы поддержать практику формирования правительства на партийной основе, а почти вдвое больше - 54% - были уверены, что правительство должно формироваться президентом на чисто профессиональной основе (“правительство специалистов”). Чрезвычайно низкой поддержкой общества пользуется и идея перехода к парламентской республике - за такой сценарий постоянно высказываются лишь 10-12% опрошенных, а более 55% считают, что в России должна сохраняться президентская республика.

Фасадная многопартийность воспринимается массовым сознанием не более как “политический театр”, имеющий лишь минимальное отношение к повседневной жизни общества, а сами лидеры партий вызывают все большее раздражение (так “негативный рейтинг” всех парламентских лидеров, даже наиболее популярных, традиционно зашкаливает за 60 и даже 70%). Да и сами партии, набирая относительно высокий рейтинг в период избирательных кампаний, начинают терять его в ходе своего практического участия в работе Государственной Думы. Исследования политической активности, форм политического участия показывает, что лишь 1-2% россиян считают важным для защиты своих прав и интересов вступать в политические партии, то есть институт массовых партий явно не соответствует нынешним российским реалиям, а формальная отчетность партий о числе членов является в большинстве случаев откровенно дутой. В этих условиях политические партии неизбежно приобретают элитный характер, что не способствует доверию к ним со стороны общества.

⁸⁴ ФОМ. 05.04.2007, Опрос населения. Политические партии в жизни России

⁸⁵ Русские чтения. Выпуск 3, январь - июнь 2006, с.135.

⁸⁶ Л. Бызов Переход к пропорциональной избирательной системе и перспективы развития многопартийности. Политический журнал, 2005, № 9

В чем же причина подобного негативного отношения общества к партиям? Здесь можно предположить целый комплекс причин. Это и наслоения последнего десятилетия, когда практика "фасадной демократии" оказалась полностью оторванной от "низовой" демократии и самоуправления, а реальные отношения между обществом и административной властью, с одной стороны, и работодателями, с другой, становились все менее демократичными. Этот разрыв привел к тому, что ценности, связанные с политическим участием оказались отброшены во второй десяток ценностей (только 10% опрошенных в качестве значимого выбрали право избирать и быть избранным; 8% - право на участие в политической жизни; что на порядок отстает от таких "жизненных" прав как право на труд (49%), жизнь (49%), здоровье (47%), свободу и неприкосновенность личной жизни (40%), социальное обеспечение и жилье (40%). Другим важнейшим фактором отторжения обществом многопартийной политической культуры, акцентируемым рядом политологов⁸⁷ является укорененная в политической культуре "соборность" при принятии решений, при которой "частное мнение", представленное той или иной партией или фракцией, воспринимается массовым сознанием как недопустимый и опасный раскол. Согласно этой политической культуре, "правильной" может быть только одна точка зрения, отражающая интересы общества в целом, пусть и вырабатываемая в ходе дискуссии. Не случайно, успех таких политических партий как "Единая Россия" отчасти связан с тем, что она, по мнению значительной части опрошенных, на момент проведения выборов в большей степени представляла "интересы общества в целом", тогда как "правые" партии - СПС и "Яблоко" - только интересы крупного бизнеса или городской интеллигенции; "левые" партии - КПРФ и "Родина" - "интересы малоимущих", или интересы "рабочих и крестьян" и т. д. Это означает на практике, что в России вряд ли в обозримой перспективе будут существовать нескольких одинаково сильных партий, конкурирующих между собой за власть. Всегда (кроме революционных периодов, которые, увы, в России повторяются с определенной периодичностью) будет доминировать одна партия - "главная", а оппозиция на обоих флангах будет бороться не за власть, а за политическое выживание. И власть, если она заинтересована в общенациональном диалоге, должна создавать оппозиции эти условия выживания.

Сказанное не означает, что партии не нужны, но что такое современная партия, в эпоху массовых информационных коммуникаций, мало кто знает. И какова должна быть реформа партийной системы - не только с точки зрения сегодняшней конъюнктуры - также практически не обсуждается. Ясно, что эта реформа должна быть многоаспектной, не ограничивающейся лишь реформой избирательной системы или внедрением новых административных барьеров на пути к допуску партии к реальной политической жизни. Как отмечает В. Комаровский, "важным фактором, усиливающим негативизм по отношению к парламенту, является организация работы самого парламента. Структурирование парламента на основах партийного принципа, с одной стороны, подняло планку и уровень организации его работы, а с другой - способствовало существенному выхолащиванию принципа публичности в его деятельности. Публичная дискуссия и публичные дебаты могут представлять интерес для широкой публики лишь в том случае, когда их исход не запрограммирован заранее, когда не известно, каким будет окончательное решение. В настоящее время абсолютное большинство решений вырабатывается в комитетах, в тиши кабинетов, а депутаты консолидированно, в соответствии со своей партийной принадлежностью, голосуют за тот или иной вариант. Таким образом, дискуссия нередко теряет свой смысл, и граждане также осознают этот факт, что в свою очередь порождает определенное отношение к работе парламента⁸⁸". Еще более радикальный взгляд на

⁸⁷ Н. Бирюков и В. Сергеев. Становление институтов представительной власти в современной России, Москва, 2004

⁸⁸ В. С. Комаровский. Проблемы эффективности и легитимности парламента в современную эпоху. В кн. "Парламентаризм в России и в Германии". М., РОСПЭН, 2006.

проблемы реформирования российского парламентаризма представляет в той же книге В. Викторов. “Назрел вопрос об изменении порядка формирования высшего законодательного органа России. Не исключаю, что, возможно, это будет своего рода Всероссийский Земский собор... Основу его состава должны представлять не столько партии с их амбициозными вождями, сколько сам российский народ...”⁸⁹.

Но даже в условиях пропорциональной системы формирования парламента, обращает на себя внимание весьма неполное соответствие его партийного состава реальной структуре идеологических предпочтений россиян. Отсутствие сильных партий либеральной ориентации является одним из подтверждений этого тезиса. Другой зияющей пустотой является отсутствие политической силы, способной акцентированно представлять русскую национальную идею.

Явно не вписывается в политическую систему “новой России” и нынешний Совет Федерации, деятельность которого в наименьшей степени известна обществу, он наряду с Государственной Думой также находится в «нижнем конце» списка институтов власти, которым доверяют россияне – в декабре 2006 года 33% опрошенных россиян одобряли его деятельность и 36% - не одобряли. Учитывая то, что 30% опрошенных затруднились оценить работу верхней палаты Федерального собрания, данный результат можно считать довольно высоким, особенно по сравнению с Государственной Думой, деятельность которой одобряют 28% россиян, а не одобряют 52%. Отношение к Совету Федерации носит гораздо более нейтральный характер – он вызывает не слишком много положительных эмоций, но и не столь много негативных, как Государственная Дума, являющаяся своего рода «национальным аллергеном». Во многом потому, что его деятельность остается «в тени», большинство россиян не следят за его работой и не знают, кто именно в этом органе представительной власти представляет их регион. Лишь 14% опрошенных полагают, что Совет Федерации оказывает сильное влияние на политику, проводимую в нашей стране. 36% считают, что это влияние носит слабый характер, а, по мнению 22% опрошенных, этот орган власти вообще не оказывает на политику никакого реального влияния. Это мнение разделяют практически все основные демографические и электоральные группы. Не ясен населению страны и порядок, на основании которого формируется верхняя палата российского парламента. Правильный ответ – назначается властями регионов (губернатором и законодательным собранием) - смогли дать только 22% опрошенных россиян. По мнению 14% опрошенных, члены Совета Федерации избираются населением на прямых выборах (это действительно имело место в 1993-95 гг.), 21% полагают, что членов Совета Федерации назначает президент, а 43% россиян вообще не смогли высказать какого-либо предположения о порядке формирования Совета Федерации.

В связи с перспективами перехода к прямому избранию членов Совета Федерации (сенаторов) населением регионов, был задан вопрос о том, какой порядок избрания верхней палаты является наиболее предпочтительным. 33% опрошенных высказались за избрание сенаторов населением на прямых выборах, 26% - за их назначение президентом, и, наконец, 16% - за нынешний порядок, при котором члены Совета Федерации назначаются (делегированы) властями регионов (губернатором и законодательным собранием).

Впрочем, судьба российского парламента в предстоящие годы очень во многом зависит от обстоятельств, лежащих за пределами этого органа, который пока так и не стал в нашей стране самодостаточным. Анализируя в этой связи уже самое ближайшее будущее – выборы-2007, прогноз их возможных результатов осложняется тем обстоятельством, что они будут проводиться непосредственно перед “судьбоносными” для страны выборами Президента РФ, тогда как в 2003 году аналогичные выборы Президента РФ, состоявшиеся в феврале 2004 года, носили предсказуемый и во многом ритуальный характер. И хотя представляется достаточно очевидным, что следующим президентом РФ будет избран

⁸⁹ В. В. Викторов. Особенности реформирования российского парламентаризма. В той же книге.

официальный “кандидат Кремля”, какова бы ни оказалась его конкретная фамилия, целый ряд нюансов, связанных с президентскими выборами, остаются неясными и обществу, и экспертам. Именно эти нюансы могут оказать существенное влияние на ход выборов в Государственную Думу. В частности, речь идет о партийной ориентации будущего Президента РФ, его готовности или неготовности опереться на “правлящую” политическую партию в лице “Единой России”, или, напротив, избрания им тактики “равноудаленности” от всех основных политических сил сегодняшней России. Многие зависит и от позиции В. Путина, его готовности сделать основную ставку на “Единую Россию” или же продолжения избранной им прошлой осенью тактики “диверсификации” своих политических предпочтений, что может проявиться в равной поддержке “Единой России” и “Справедливой России”. Главный вопрос в отношении перспектив партийно-политической системы – это не выборы сами по себе, а трансформация политической системы, в частности судьба “партии власти”.

Судьба “Единой России” в этой связи значит больше, чем судьба одной из парламентских партий, пусть даже и самой многочисленной. Ведь она задумывалась и реализовалась лишь внешне как политическая партия, а реально является одной из важных несущих конструкций всей вертикали власти, механизм контроля федеральных властей, в первую очередь, Администрации президента РФ, над региональными элитами, главами субъектов федерации. Раскол или ослабление “партии власти” могут вызвать кризис управляемости, частичный выход из-под контроля центра региональных элит. Возможен и сценарий, когда из механизма контроля над губернаторами “Единая Россия” постепенно становится и механизмом контроля губернаторов над Кремлем, что особенно актуально в условиях смены верховной власти и неизбежного ослабления “кремлевской хватки”. Эти риски также нельзя недоучитывать.

Можно сделать вывод, что неопределенность с кандидатурой следующего Президента РФ, продолжающая сохраняться и летом 2007 года, создает риск для устойчивости партийных образований, особенно связанных с “партией власти”. Общественно-политический климат в сегодняшней России отнюдь не способствует формированию двухпартийной системы, в рамках которой две примерно равные по влиянию партии конкурируют между собой. Можно предположить, что монополизация политической жизни является скорее магистральной традицией, «нормой», чем авторитарным «извращением» демократического процесса, на чем настаивают наши либералы. Что же касается оппозиции, то ее роль также весьма незавидна (впрочем, быть «оппозиционером в законе» сегодня также совсем неплохо). А динамика политического процесса проявляется не в конкуренции партий, а в расколе внутри действующей «партии власти» и политическом изничтожении одной группировки другой. Если такая «внутренняя революция» проходит успешно, правящая партия может радикально сменить идеологию, оставаясь в «старых мехах» прежней организационной структуры. Конечно, подобная модель – это больше похоже на «демократию по-азиатски», чем на «демократию по-европейски». Но такова уж, видно, политическая судьба России.

Конечно, в глазах большей части российских избирателей, именно выборы Президента РФ будут “главными” в отличие от выборов Государственной Думы в 2007 году. Интерес к ним и ожидаемая электоральная активность значительно выше, чем в отношении думских. Однако электоральная безальтернативность кандидата от “партии власти” сама по себе не обеспечит новому президенту страны уровень авторитета, сопоставимый с авторитетом В. Путина. Возникающие противоречия между не слишком авторитетным в обществе и среди элит президентом и административно-политической системой, “заточенной” под “президента-вождя нации” могут негативно сказаться на и без того низкой эффективности функционирования государственных и партийных институтов.

Но главной интригой предстоящих выборов и одновременно наиболее опасным фактором, потенциально способным вызвать дестабилизацию, будет все же не фамилия будущего президента, а роль В. Путина в процессе выборов и после них. Несмотря на многочисленные и “бесповоротные” заявления и самого В. Путина и его служб о том, что “третьего срока не будет”, более половины россиян продолжают считать именно его наилучшей кандидатурой. Более того, сам В. Путин, согласно заявлениям, сделанным в мае, перестал исключать возможность пересмотра Конституции РФ в пользу увеличения и срока пребывания в должности президента страны, и в отношении числа раз, которые может избираться президент. Это увеличивает шансы того, что В. Путин и его окружение приняли решение “далеко не уходить”, передав власть на время несамостоятельной фигуре преемника с расчетом вернуться к управлению страной в 2012 году или даже раньше. В этой ситуации практически неизбежен институциональный конфликт между формальным президентом, наделенным по Конституции монархическим объемом полномочий, и реальным “лидером нации” В. Путиным, претендующим на сохранение в своих руках всех властных рычагов. А это ведет к реальной опасности двоевластия.

От стратегии, избранной В. Путиным, зависит не только личность преемника, но и система власти, которая будет функционировать в России после 2008 года. Действительно, будет ли отдана “преемнику” вся полнота власти (а именно это предполагает созданная самим же В. Путиным “властная вертикаль”), или же будет произведена диверсификация властных полномочий, при которой будет произведена попытка формирования “коллективного руководства”, в котором найдется место и новому президенту страны, и “правлящей партии”, и Премьеру, и самому В. Путину в качестве “верховного разводящего”? Если будет избран именно этот путь (а пока дело идет именно к этому), насколько прочным окажется созданный баланс сил и противоречий? Можно сделать вывод, что необходимость выполнения требований конституционной нормы о замене действующего президента и одновременное нежелание политических элит и самого В. Путина терять власть, создают крайне высокую опасность политической дестабилизации, двоевластия, борьбы властных группировок.

Здесь следует остановиться на некоторых важных нюансах, связанных с ролью президента в нашей стране – ролью не “прописанной в Конституции”, но укорененной в массовых архетипах восприятия, в ментальности наших сограждан. “Заоблачно” высокий рейтинг В. Путина (в июле его деятельность по данным ВЦИОМ одобряло 81% россиян) не означает столь же безусловно высокой оценки проводимого им курса и достигнутых на этом пути результатов. На таком высоком рейтинге сказываются и реальная безальтернативность нынешнего Президента, и личные симпатии россиян, и монархический образ мысли наших соотечественников, привыкших видеть в первом лице государства “промысел высших сил”. Несмотря на то, что почти 70% россиян не возражали бы против “третьего срока” В. Путина, их не может не беспокоить возможная ситуация “двоевластия”, когда В. Путин передает “бразды правления” новому президенту, а сам продолжает оставаться “у руля” в качестве “неформального лидера страны”. Двоевластие, в силу исторического опыта России, часто оказывалось разрушительным для ее государственности, последний пример еще на памяти нынешних поколений. Как следствие, только 27,9% опрошенных считают оптимальным вариант, когда В. Путин и после формального ухода с поста главы государства, будет оставаться политиком, в руках которого будут сосредоточены основные реальные властные полномочия. 44,6% считают, что после президентских выборов основная власть должна перейти уже новому президенту страны, и В. Путину не следует вмешиваться в его дела и влиять на принимаемые им решения. 15,3% россиян считают наилучшим тот вариант развития событий, при котором В. Путин после своего ухода из Кремля должен будет вообще уйти из большой политики, чтобы позволить новому президенту управлять страной полностью самостоятельно. Это можно сформулировать как

наказ россиян их любимому президенту – “Если хочешь остаться – оставайся. Мы тебя поддержим. Но уж если решил уйти, то уходи”.

В то же время прекращение полномочий В. Путина в 2008 году, и его отход от реальной власти, по мнению почти половины опрошенных, не должно стать помехой на пути его возможного возвращения к власти в 2012 году или даже ранее (если новый президент не справится, или не дай Бог, с ним что-то случится). 42,5% опрошенных уверены, что именно так и будет, В. Путин вернется, и встретит Олимпиаду в Сочи в качестве “Нового-старого” Президента страны, 33,5% считают подобное развитие событий маловероятным, а 7,4% - практически невозможным. На вопрос, а сами бы Вы хотели возвращения В. Путина к власти в 2012 году, 69,2% россиян ответили утвердительно, а 16,1% - отрицательно.

Это коррелирует и с недавними данным Левада-центра, согласно которым “сожалеют об уходе Путина с поста президента в 2008 году 63 процента россиян. А о том, что будут голосовать за Путина, если его кандидатура будет выдвинута в 2012-м, — 52 процента. Причем по сравнению с прошлым годом количество желающих голосовать за Путина в 2012 году увеличилось на 4 процента. И почему народ этого хочет, из опроса тоже ясно. Нахлебался народ «демократии». Той, при которой никто ни за что не отвечал, и никто ничем не управлял. Той, при которой президент мог заявить, что черт, мол, знает, куда подевались четыре миллиарда долларов бюджетных денег. Народ видит, что Путин страной управляет. О том, что он оказывает сильное влияние на происходящее в России, заявили 65 процентов граждан”⁹⁰.

Как показало исследование ВЦИОМ в июле 2007 года, в сознании россиян продолжают бороться два различных взгляда на природу верховной власти в стране, два типа государственного руководителя. По-прежнему почти половина опрошенных (48,2%) видят в лидере страны, прежде всего, “мудрого политика, настоящего отца нации” – в соответствии с историческими традициями страны. Именно таким для них является и нынешний президент, такого бы они хотели видеть и в его преемнике. Однако такое видение главы государства, его роли в обществе оспаривается 42,4% опрошенными, для которых президент, глава государства, - вовсе не отец нации, а современный эффективный управленец, менеджер, нанятый обществом для решения поставленных перед ним задач. Здесь ведущую роль играет опыт поколений. Российской молодежи ближе тип “эффективного управленца”, а пожилым россиянам, напротив, - тип “отца нации”.

Какими полномочиями должен будет обладать новый президент России? По мнению большинства (58%), нынешних полномочий, какими располагает и В. Путин, вполне достаточно и для его преемника, ничего в них менять не следует. 22,1% россиян поддержали бы увеличение объема этих полномочий, а 7,1%, напротив, их сокращение. Это говорит о том, что основная часть российского общества продолжает связывать свои надежды с сильным президентом, способным единолично решать многие проблемы, а не с работающей системой власти, когда каждый чиновник должен заниматься своим делом, а не ждать указаний первого лица в государстве.

Высокий рейтинг В. Путина в нашей стране – это далеко не оценка его политики, и даже не оценка его личности. В. Путин не является и “нравственным лидером нации”, как это любят повторять Г. Павловский. Его рейтинг носит скорее символическую природу, отражает отношение к нему как символу российской государственности. Россияне убедились в 90-е годы, что плохое государство лучше, чем никакое, и готовы поддержать любого президента, который это государство в состоянии держать. Одновременно это означает и то, что как только Путин отойдет от власти, все симпатии общества тут же (в течение полугода-года) перейдут следующему президенту, если он будет в состоянии поддерживать российскую государственность.

⁹⁰ Сайт Левада-центра. Июль, 2006

Все это означает, что неопределенность нависла не только над личным политическим будущим В. Путина, но и над всей политической системой в стране. Известный политолог Л. Шевцова в этой связи полагает, что В. Путину не удастся остаться кукловодом после его формального “отхода от дел”. “У нас такой традиции двоевластия не было. Тем более, эта традиция не уживется в рамках бюрократического авторитарного режима. Я думаю, при любой ситуации преемник, назначенный или легитимированный выборами, через какое-то время попытается взять власть в свои руки... более того, - такой режим будет консолидироваться именно на основе отрицания путинского режима⁹¹”. Попытки же В. Путина и его ближайшего окружения сохранить за собой реальный контроль над властью и основными денежными потоками ценой максимального политического ослабления следующего президента, связывания его контролем со стороны аппарата правящей партии могут расшатать и дестабилизировать политическую ситуацию в стране в целом.

В то же время сам социально-политический курс будущего президента страны сегодня кажется довольно-таки безальтернативным. Действительно, как считают многие опрошенные, общий “вектор” путинского курса верный, но реализуется он не всегда успешно и недостаточно последовательно. От того, кто придет на смену нынешнему президенту страны, общество ждет новых, еще более значительных достижений на избранном пути при В. Путине.

Как показал тот же опрос, проведенный ВЦИОМ, лишь чуть более 40% россиян (42,4%), полагают, что новому президенту следует безусловно продолжить политический и экономический курс Владимира Путина. Эта цифра составляет 49% среди сторонников нынешнего президента и только 11% среди его противников, а среди сторонников различных партий – самый высокий показатель среди намеренных проголосовать за “Единую Россию” – 53%. В то же время 39% россиян считают, что в курс В. Путина его преемник должен внести определенные коррективы, а 9,5% полагают, что курс В. Путина должен быть изменен достаточно радикально. Особенно активно за радикальную смену курса выступают сторонники КПРФ – в данной группе подобной точки зрения придерживаются более трети опрошенных. Кстати, следует отметить, что именно со стороны коммунистического электората все время правления В. Путина было наибольшее число недовольных им.

В каком же направлении следует внести коррективы в проводимый нынешними властями политический и экономический курс? Опрос показал, что в большинстве случаев россияне имеют ввиду более последовательное проведение уже намеченного курса. Так 50,5% опрошенных считают, что новому президенту РФ следует более активно добиваться дальнейшего укрепления самостоятельности во внешней политике, укреплять государственный суверенитет РФ на внешней арене, и только 21,3% придерживаются противоположной точки зрения, согласно которой новый президент должен добиваться сближения со странами Запада, восстанавливать во взаимоотношениях с ними то доверие, которое было утрачено в последние годы путинского президентства.

Еще более решительны настроения граждан страны в том, что касается экономической и социальной политики внутри страны. Так 55,0% опрошенных считают, что новый президент должен добиваться дальнейшего усиления роли государства в экономике, и только 14,7% полагают, напротив, что ему следовало бы способствовать созданию экономики, независимой от государства и государственного вмешательства. 64,6% россиян считают, что новый президент должен будет существенно повысить приоритетность развития социальной сферы, улучшать жизнь незащищенным и малоимущим слоям российского общества. 14,7%, напротив, полагают, что основная “ставка” нового президента должна быть сделана на поддержку частного бизнеса, снижение с него налоговой нагрузки, а не на “раздачу” государственных средств нуждающимся.

⁹¹ Лилия Шевцова. Интервью на сайте Полит. Ру, январь-март 2007

По мнению россиян, новому президенту очень важно сделать “русский акцент” в своей политике – активнее, чем при В. Путине защищать культуру русских и других коренных народов России (так считают 48,8% опрошенных). С этой точкой зрения выражают несогласие 18,6% опрошенных, по мнению которых новый президент должен в своей политике строго исходить из многонационального характера российского государства и не выделять интересы русских или других отдельных народов страны.

И лишь в отношении будущего путинской “административной вертикали” мнение опрошенных разделилось примерно поровну. Чуть более четверти россиян (25,6%) считают, что следует добиваться дальнейшего упрочнения “административной вертикали”, укрепления власти на всех ее этажах, в то время как чуть более – 29,8% опрошенных – напротив, считают, что надо сделать приоритетным курс на широкую демократизацию, восстановление и упрочнение свободных выборов на всех уровнях, укрепление независимости СМИ.

На вопрос, приверженцем какого идеологического течения Вы бы хотели видеть нового Президента России, россияне в основном дали ответ в соответствии со своими собственными взглядами и убеждениями. При этом более половины выбрали один из следующих двух вариантов – он должен быть сторонником сильного и социально ориентированного государства (“левоцентристом”) – 33,8%, и он должен быть сторонником сильного государства и рыночной экономики (“правоцентристом”) – 20,1%. Менее 15% опрошенных хотели бы видеть нового президента откровенно левым (в том числе – 6,3% - коммунистом), примерно 7% - откровенно правым, либералом (в том числе 5,0% - правозащитником и 2,0% - рыночным фундаменталистом). Менее 10% хотели бы видеть его русским националистом в той или иной ипостаси – 6,4% этническим националистом и 3,1% - православным консерватором.

Приверженцем какого идеологического течения Вы бы хотели видеть нового Президента России? (ВЦИОМ, июль 2007)	<i>Коммунистом</i>	6,3
	<i>Сторонником других "левых сил", в том числе социалистической</i>	8,8
	<i>Сторонником сильного и социально ориентированного государства</i>	33,8
	<i>Сторонником сильного государства и рыночной экономики</i>	20,1
	<i>Русским националистом, выступающим против наплыва в Россию</i>	6,4
	<i>Сторонником возрождения страны на основе православия и дореволюционной традиции</i>	3,1
	<i>Правозащитником и демократом, выступающим против угрозы диктатуры</i>	5,0
	<i>Сторонником сокращения вмешательства государства в экономику</i>	2,0
	<i>Затрудняюсь ответить</i>	14,5

При этом на вопрос, все-таки новый президент должен быть скорее “левым” или скорее “правым”, 52% выступают за приоритет “левизны” – социальной справедливости и социальной защиты и только 20% - за приоритет “правизны”, идей рыночной экономики и опоры на “сильнейших”. Причем соотношение в пользу “левизны” прослеживается во всех значимых группах общества, в том числе и среди сторонников “правых” партий, таких как СПС, “Яблоко” или ЛДПР.

Опрошенные россияне хотели бы предложить новому президенту опереться на одну из следующих гипотетических партий, имеющих мало общего с “Единой Россией”, ЛДПР, КПРФ и другими действующими в стране партиями. 52,8% наиболее подходящей для нового президента считают “партию, выступающую за социальную справедливость и социальную защиту, 34,5% - “партию, выступающую за воссоздание мощного и крепкого государства”. Снова “впереди всех” те же государственники с левым и правым уклоном. Гораздо меньше тех, кто в качестве “президентской” партии предлагает такие, как “партия интересов русского населения” (18,5%), “партия демократии и защиты прав человека” (15,1%), “партия общественного самоуправления” (13,3%), “партия активных, успешных граждан” (10,9%). Еще менее популярны “партия молодежи” (9,7%), “партия самостоятельности регионов” (6,8%), “партия государственных служащих” (5,0%), “партия свободного предпринимательства” (3,9%). Кстати, результаты этого исследования позволяют предположить, что россияне хотят видеть в политических партиях скорее выразителей общенациональных идей, чем представителей отдельных групп и сословий российского общества.

На какие партии вы бы рекомендовали опереться новому президенту? (ВЦИОМ, июль 2007). Можно выбрать до 3-х ответов.	<i>Партия, выступающая за социальную справедливость и социальную защиту</i>	52,8
	<i>Партия, выражающая интересы наиболее активных, способных добиваться успеха граждан</i>	10,9
	<i>Партия, выражающая интересы государственных служащих</i>	5,0
	<i>Партия, отстаивающая интересы русского населения</i>	18,5
	<i>Партия, выступающая за демократические ценности, против государственного произвола</i>	15,1
	<i>Партия, выступающая за общественное самоуправление, повышение роли местной демократии</i>	13,3
	<i>Партия, выступающая за воссоздание мощного и крепкого государства</i>	34,5
	<i>Партия, выступающая за повышение самостоятельности регионов</i>	6,8
	<i>Партия, представляющая интересы молодежи</i>	9,7
	<i>Партия, выступающая за развитие свободного предпринимательства</i>	3,9
	<i>На другую</i>	0,4
<i>Затруднились ответить</i>	13,0	

Итак, государственный социализм с наличием рыночных отношений и демократии, имеющий определенный “русский” уклон – вот мечта россиян, осуществление которой они лишь частично дождалась при В. Путине и которую переносят на будущего президента. Сбудется ли она при путинском преемнике?

Как показало исследование, россияне считают далеко не идеальной и путинскую кадровую политику. Лишь 35,7% опрошенных выступают за то, что и при новом президенте страны следует в основном оставить нынешние кадры, подобранные при В. Путине или лично им. 40,4%, напротив, считают необходимой радикальную смену кадров, их обновление. Откуда же следует новому президенту брать необходимые новые кадры? По мнению опрошенных россиян, главный упор должен быть сделан на профессиональных ученых, юристах, экономистах (47,4%), на простых людей, ранее не занимавшихся политикой (22,9%), на губернаторов, их заместителей, мэров крупных городов (22,6%), на депутатах, политиков,

лидеров политических партий (21,9%), на высокопоставленных работников министерств и ведомств (20,0%), на военнослужащих, работников правоохранительных органов (19,2%). Меньше доверия в качестве “кадрового резерва” испытывают россияне в отношении успешных бизнесменов (14,0%), деятелей искусства и культуры (9,6%), а также знакомых, родственников, друзей нового президента страны (1,6%).

При разговорах о будущем России все чаще всплывает идея восстановления монархии. Как показали специальные исследования ВЦИОМ, несмотря на явно “монархическое” сознание большинства россиян, готовых видеть в первом лице государства “выборного монарха”, сама монархическая идея в ее чистом, “династическом” виде пока пользуется поддержкой не более 8-10% россиян. Так 9,9% опрошенных полагают, что тема восстановления в России монархической формы правления является важной, актуальной. 9,3% считают монархию наиболее подходящим строем для современной России (из них 3,2% выражают поддержку самодержавной форме монархии и 6,1% - конституционной форме). 6,4% россиян хотели бы видеть на российском престоле законного представителя династии Романовых, остальные сторонники монархии предпочли бы избрание нового монарха всенародным голосованием. Правда, на вопрос, кто именно из современных российских политиков, деятелей культуры и искусства, общественных деятелей мог бы взять на себя такую функцию, то кроме фамилии В. Путина назывались и Алла Пугачева, и Максим Галкин, и даже Евгений Петросян.

Невысокий уровень поддержки восстановления монархии в нынешней России во многом объясняется именно слишком серьезным отношением россиян к этой проблеме. В первом лице государства мы видим, по сути, символ всего государства, и поэтому “карнавальные монархи”, не готовые реально править страной, вызывают скорее смех, чем уважение. Как справедливо пишет М. Боков, “проявляя элементы монархического сознания народ также не готов и не способен в настоящее время принять монархию, даже в ее парламентском виде. Если народу предложат «царя», то есть аргументы в пользу того, что народ будет долго смеяться и плевать. Да, он готов принимать механизмы президентской власти как механизмы власти монархической, но не более того. Исторический парадокс состоит в том, что пробуждающееся ныне монархическое сознание в России будет защищать себя от навязывания монархии как от обмана. Есть основания полагать, что претензии наследников династии Романовых или любого другого человека «на трон» будут отвергнуты как жалкое шутовство и самозванство. Для возрождения монархии в России отсутствует главный элемент, который когда-то был, – это религиозная насыщенность монархической идеи. Современное массовое монархическое сознание нерелигиозное, атеистично, и именно поэтому оно никогда не признает законной и авторитетной любую монархическую власть. Оно с легкостью признает сильную президентскую, даже авторитарную власть, но монархическую – нет. В России религиозная составляющая монархии была намного сильнее, чем на Западе. В религиозной вере монархическое сознание сформировалось. Ослабление этой религиозной веры привело к падению монархии. Поэтому и возвращение к монархической форме правления в условиях слабо выраженного религиозного сознания населения – невозможно. Навязанная монархия, как трагикомический фарс, тоже маловероятна. Для этого надо, чтобы в политической атмосфере страны стало проявляться некоторое безумие. Совмещение монархии и слабо выраженного религиозного, секулярного сознания возможно в современной Европе. Но не в России. Монархическое сознание, возрождающееся на наших глазах, в его нынешнем виде способно само себя защитить от реставрации монархии как конституционно узаконенной формы государственного устройства, даже в его европейском представительском смысле. Монархическое сознание ведет себя так, как будто чувствует свою страшную ослабленность. Поэтому оно не примет свою материализацию в формах, противных своей религиозной сути или в формах, имитирующих эту религиозную суть. Монархическое сознание, проснувшись, предпочитает

ждать. Чего – никто не знает. Вот тут волей-неволей и начинаешь думать о тайниках «народной души»⁹².

В то же время представляется очевидным, что Россия очень не скоро сможет отказаться от суперпрезидентской формы правления, она как бы обречена на нее. Хотя, как показывает в том числе и сегодняшний опыт, подобная модель имеет и свои “узкие” места, в том числе и сверхактуальную сегодня проблему преемственности власти. Безусловно, эта тенденция накладывает свои ограничения и на развитие в стране реальной многопартийности.

Низкий уровень доверия к политическим партиям определяет и непопулярность идеи “партийного президента”. Как показали результаты исследований ВЦИОМ и других исследовательских центров, общественное мнение скорее негативно относится к перспективам членства президента страны в той или иной политической партии. За партийное членство президент выступает чуть менее 20% россиян, а почти половина опрошенных – скорее против. Это связано как с низким авторитетом политических партий в стране в целом, так и с опасениями о возможном восстановлении фактически однопартийной политической системы. Большая часть опрошенных полагают, что членство в партии президента страны станет скорее тормозом для развития реальной многопартийности в стране и скорее ослабит, чем усилит позиции самого президента. Будущий президент страны должен оставаться «президентом всех россиян». Скорее негативное отношение сформировалось в стране и относительно партийного членства крупных чиновников, включая членов правительства, а также депутатов Государственной Думы, законодательных собраний в регионах страны, избранных по партийным спискам. В то же время большей части россиян членство в партии этой категории чиновников и политиков представляется безразличным.

Среди тех, кто выступает за партийность президента, отсутствует единая аргументация в пользу данной позиции. 18,9% из них полагают, что таким образом президент сможет обрести постоянных единомышленников; по мнению 10,7% россиян в стране должна быть только одна партия и один лидер – то есть государственное и партийное руководство должны быть совмещены; среди других аргументов приводятся такие как «в стране будет больше порядка» (10,1%), «повысится поддержка партии со стороны Президента» (10,1%), «президент больше будет думать о народе» (7,8%), «у Президента будет больше ответственности» (6,8%), «президент увеличит свою власть» (2,9%).

Более ясная и аргументированная позиция у противников партийности президента. Почти половина из них – 43,8% - считают, что Президент страны должен оставаться независимым, свободным в принятии решений; а 23,0% аргументируют свое мнение тем, что все партии должны оставаться в равном положении. Реже приводятся такие доводы как «президент должен выражать интересы всего общества, а не только политической партии» (8,9%), «партийность президента приведет к возвращению фактической однопартийности, как это было в советские времена» (4,4%), «членство в партии будет мешать президенту в его работе» (4,0%), «членство в партии президента может породить непорядки в обществе» (1,4%).

Учитывая общий скорее негативный настрой общества в отношении партийности президента страны, большая часть опрошенных прогнозирует скорее негативные последствия в случае принятия подобного решения новым президентом страны. По мнению 50,9% россиян это приведет к ослаблению многопартийности в стране, воссозданию фактической однопартийности, и лишь 24,0% прогнозируют укрепление и развитие многопартийности. 40,4% считают, что партийность скорее ослабит позиции нового президента в качестве лидера страны, а 34,8% придерживаются противоположного мнения. 42,2% считают, что вступление преемника В. Путина в политическую партию приведет к

⁹² М. Боков. Так все-таки нужна или не нужна России монархия? Мониторинг общественного мнения, 2006, № 2

существенным изменениям в политической жизни страны, а 33,3% полагают, что никаких существенных изменений в результате этого не произойдет.

По данным ФОМ⁹³, “сегодня 18% россиян полагают, что для России будет лучше, если ее следующий президент будет состоять в какой-либо партии; практически вдвое больше опрошенных (41%) уверены, что лучше, если он будет беспартийным, и столько же затруднились с ответом. Чаще прочих выражают убежденность в том, что глава государства должен быть партийным, те, кто хотел бы, чтобы в стране была только одна партия (30% этой группы), реже – что неудивительно – те, кто считает, что политические партии в России вообще не нужны (7%). Сторонники идеи “партийного” президента полагают, что членство в политической партии будет способствовать более эффективной работе главы государства: партия будет оказывать ему помощь и поддержку (“будут что-то делать вместе с партией”; “опору чтобы чувствовал”) – 3%, а также служить контролирующим органом для него (“контроль больше будет”; “чтобы была у него ответственность перед партией”) – 2%. Некоторые респонденты ссылаются на мировую практику (“так принято в мире”; “как в США”) и на опыт СССР (“как раньше в СССР”; “когда была партия, жизнь была лучше”; “так было раньше, пусть будет и сейчас” – 1%). Кто-то считает, что в случае принадлежности президента к какой-либо партии населению будет ясны его политические взгляды (“будет понятно, что он хочет сделать для страны и какие у него взгляды” – 1%). Еще часть опрошенных убеждены в необходимости существования в стране правящей партии – в идеале, единственной – под руководством президента (“должна быть одна партия, и ею командовать должен президент” – 1%). Подавляющее большинство противников идеи, чтобы президент страны состоял в какой-либо партии (или 27% по выборке в целом), поясняя свою позицию, выражают опасение, что в этом случае глава государства перестанет быть беспристрастным, так как окажется в зависимости от интересов своей партии: “зависимость от партий возникает”; “иначе он отдаст предпочтение своей партии”; “будет выгораживать свою партию”. Часть опрошенных (3%) считают, что членство в партии будет мешать президенту справляться с его основными обязанностями (“ему надо управлять страной, а не в партии поступать”; “чтоб не терял время на партию”), кто-то (2%) убежден, что беспартийный президент будет “ближе к народу” и “больше будет душу вкладывать за таких, как мы”, а кому-то идея “партийного” президента не нравится из-за недоверия самим партиям (“партии сейчас не вызывают доверия у людей”; “на партии нельзя положиться”; “потому что я против партий вообще” – 1%).”

В этой связи вызывает большие вопросы получившее летом 2007 года известность намерение “Единой России” выдвинуть главного кандидата в президента (“преемника”) в качестве лидера (“паровоза”) партийного списка на думских выборах в декабре. Фактически, это может означать начало плавного перехода к непопулярной и нереализуемой в сегодняшней России “парламентской республике”, в которой по аналогии с советскими временами “зиц-президент” типа незабвенного Николая Подгорного будет выполнять чисто церемониальные функции, а реальная власть перейдет партийной номенклатуре в лице руководства “Единой России”. Следующая таблица показывает, что менее четверти россиян хотели бы, что новый президент России, даже оставаясь беспартийным, оказывал хотя бы моральную поддержку этой партии.

Если новый президент России останется беспартийным, следует ли ему оказывать моральную поддержку какой-либо партии? (ВЦИОМ, июль 2007)	“Единой России”	23,7
	“Справедливой России”	3,3
	КПРФ	4,9
	ЛДПР	2,2
	Другой партии	1,4

⁹³ Л. Преснякова. “Партийный президент” или “президент вне партий?”. Сайт ФОМ, 13.07.2007

Никакую партию ему поддерживать не следует
Затруднились ответить

45,5

19,0

Противоречивым остается и отношение россиян к отмене прямых выборов населением регионов губернаторов. Как показал опрос ВЦИОМ в сентябре 2006 г., за год после принятия «антикризисных мер» включавших в себя отмену прямых выборов глав субъектов федерации, властям удалось добиться существенного перелома общественного мнения. На волне Бесланской трагедии предложения В. Путина по реформированию политической системы страны были приняты обществом достаточно неоднозначно. В частности, это касалось и отмены прямых выборов губернаторов и глав автономий. В то время только 37,9% относились к этому нововведению позитивно (были согласны или скорее согласны), 48,7% относились негативно (были не согласны или скорее не согласны). Однако ряд удачных замен региональных руководителей, проведенных Кремлем по согласованию с местной политической элитой, ощутимо добавили популярности новому порядку, хотя отношение населения в целом остается по-прежнему неоднозначным. Сегодня 48,5% россиян согласны полностью (23,7%) или скорее согласны (24,8%) с фактической назначаемостью губернаторов, 28,7% продолжают оставаться несогласными – полностью (12,2%) или скорее несогласными (16,5%). Сказалось на перемене настроений россиян вероятно и то, что за истекший год не было существенных конфликтов между президентом, предлагающим кандидатуры губернатора, и региональным законодательным собранием, утверждающим эту кандидатуру. Поэтому нынешняя система избрания-назначения губернаторов и других глав субъектов федерации, может оказаться достаточно устойчивым нововведением и стать одним из элементов новой политической системы.

Еще один из элементов политической системы – независимые СМИ, в отношении которых 13,0% выразили надежду на усиление их роли в ближайшем будущем. Отношение к самому институту независимости СМИ в современной России по-прежнему носит противоречивый характер. Большинство россиян (61,8%) в ноябре 2006 г. выступали за государственную цензуру на телевидении. 36,9% опрошенных считали, что цензура безусловно нужна, и еще 24,9% - что скорее нужна. Обратной точки зрения придерживались 27,7% опрошенных (по мнению 6,6% цензура безусловно не нужна, а по мнению 21,1% - скорее не нужна). Чем старше возрастная группа, тем больше в ней сторонников государственной цензуры, но и среди молодежи преобладает мнение о ее необходимости.

Похожие данные получены и в ходе июльского исследования 2007 года. Лишь около 0% опрошенных выступают за полную информационную свободу всех СМИ, их независимость от государства.

Какие, на Ваш взгляд, должна быть политика государства в отношении СМИ? (ВЦИОМ, июль 2007)

Полная информационная свобода всех СМИ, их независимость от государства

19,9

Ввести некоторые ограничения для ведущих СМИ политического характера

7,4

Ввести некоторые ограничения для ведущих СМИ морально-нравственного характера

44,4

Ввести некоторые ограничения для ведущих СМИ в отношении развлекательных передач

11,5

Жесткая государственная цензура всех ведущих СМИ

6,9

В то же время следует отметить, что за желанием общества возобновить государственную цензуру в наименьшей степени стоят политические соображения. 31% из тех, кто выступали за введение цензуры в ноябре 2006 г., называли в качестве главного ее «объекта» сцены и изображения сексуального, порнографического характера. У 27% россиян самое большое возмущение вызывали боевики, сцены насилия и жестокости, показ и пропаганда криминального образа жизни. 20% хотели бы, чтобы цензура ограничила показ рекламы. И только 7% опрошенных высказывались за введение политической цензуры, указывали на недопустимость слишком жесткой критики властей, недопустимость пропаганды «антипатриотических взглядов» и так далее. В июле 2007 г. за политическую цензуру выступали 7,4% опрошенных россиян, а 44,4% - за ограничения для ведущих СМИ морально-нравственного характера.

По данным ФОМ, правда, уже полученным достаточно давно, более половины россиян (56%) считают, что отечественным журналистам необходима самоцензура, и только 4% - что она не нужна. При этом 13% россиян полагают, что сегодня у наших журналистов самоцензура отсутствует; 26% говорят, что она есть, но ее слишком мало. Считают, что самоцензуры столько, сколько нужно, 10% респондентов. А об избытке ее говорят 4% опрошенных⁹⁴.

Сложным остается и отношение россиян к политической оппозиции. Как мы писали выше, Россия, уставшая от двух десятилетий смут и потрясений, сегодня переживает ярко выраженную «консервативно-охранительную» фазу. Обществу не нужны возмутители спокойствия, с какими бы идеями они не обращались, демократическими или националистическими. И хотя претензии оппозиции на слишком жесткую информационную политику и не лишены полностью оснований, рассчитывать на адвокатов в лице общественного мнения, оппозиции сегодня явно не приходится.

Если думская оппозиция полностью или почти полностью дискредитировала себя в глазах россиян, в какой степени интересы общества способна выразить Общественная палата? Как показало исследование ВЦИОМ, приуроченное к годовщине создания Общественной палаты, за минувший год ее дееспособность так и не стала очевидной для общества, интерес к ее работе остается не слишком большим, но и явного «провала» также не произошло, значительная часть населения продолжает надеяться на определенную роль Общественной палаты в политической и общественной жизни страны.

За год не произошло существенных изменений в уровне информированности россиян о деятельности Общественной палаты. На сегодняшний день около 8% опрошенных, по их собственным словам, достаточно хорошо информированы о работе этого органа (в прошлом году на момент создания Общественной палаты – 11%). Еще 50% россиян кое-что слышали о ней, но слишком внимательно за ее работой не следят (в прошлом году – 49%), и, наконец, 37% вообще ничего не знают о работе Общественной палаты. В прошлом году эта цифра была точно такой же. В наибольшей степени следят за работой Общественной палаты люди старшего возраста (12% среди тех, кому за 60 лет и только 7% тех, кому менее 25 лет), бизнесмены (12%), государственные служащие (13%), специалисты с высшим образованием, занятые непроизводственной деятельностью (14%). Примерно эти же группы проявляли интерес к Общественной палате и в прошлом году, может быть, лишь за исключением учащейся молодежи, чей интерес к работе этого органа несколько снизился. Это означает, что интерес к Общественной палате, возникший на информационной волне в период ее формирования, так и не удалось серьезно развить, палата осталась на «тылах» нашего общественно-политического пространства.

⁹⁴ Т. Якушева. Границы, которые определяет совесть. Сайт ФОМ, 2002

С другой стороны, как показали результаты того же опроса, почти вдвое сократилось число изначальных пессимистов, которые год назад считали, что «Общественная палата вообще никакой роли в жизни страны играть не будет». Если год назад таких было 28%, то в январе 2007 года их было всего 15%. Среди таких пессимистов много тех, кто негативно относится к деятельности российских властей в целом, в том числе не одобряет деятельность В. Путина, голосует за КПРФ. В прошлом январе в этой группе было также много служащих с высшим и без высшего образования, военнослужащих, представителей средних возрастных групп. Скепсис этих групп в отношении перспектив Общественной палаты удалось в определенной степени переломить. При этом число «оптимистов», полагающих, что роль Общественной палаты вырастет существенно, и она станет играть значительную роль в жизни страны, выросло незначительно с 11,5% в январе 2006 года до 14% в январе 2007 года. Еще около 24% считают, что роль Общественной палаты будет не слишком значительной (немногим менее 27% так считали год назад).

Смысл и содержание деятельности Общественной палаты во многом остается неясным большинству россиян. Так на вопрос, чем же должна заниматься Общественная палата, 64% опрошенных затруднились дать ответ. Наиболее же распространенными оказались такие мнения: заниматься важнейшими социальными проблемами (бедность, безработица, преступность) – 8%, защищать интересы простых граждан – 7%, следить за общим положением дел в стране – 5%, контролировать органы государственной власти, бороться с коррупцией – 4%, участвовать в законотворческой деятельности, контролировать исполнение законов – 4%, заботиться о незащищенных слоях населения (бедных, пенсионерах, инвалидах) – 3%, быть связующим звеном между властью и обществом – 2%, вносить предложения по повышению уровня благосостояния граждан – 2%, улучшать ситуацию в различных сферах общественной жизни – 2%, следить за соблюдением прав человека – 1%, помогать органам государственной власти решать различные проблемы – 1%, участвовать в разрешении разного рода сложных и конфликтных ситуаций – 1%. Очевидно, что этот перечень пожеланий в отношении Общественной палаты можно обратить к любому органу власти, а это означает, что свою специфику Палата еще не нащупала или, по крайней мере, общество такой специфики пока не увидело.

Отдельного разговора заслуживает судьба взаимоотношений между Церковью и обществом. Тем более, что Церковь входит в число общественных институтов, пользующихся наибольшим влиянием и авторитетом среди россиян. Отношение к религии и к Церкви как институту в сознании россиян остается достаточно противоречивым. С одной стороны, подавляющее большинство россиян связывает себя с той или иной религиозной конфессией, в первую очередь, с православием. В апреле 2007 года 72% опрошенных россиян назвали себя приверженцами православной веры, 7% отнесли себя к числу мусульман, по одному проценту – к католикам, протестантам, буддистам или представителям иных вероисповеданий. 4% охарактеризовали себя как «колеблющихся между верой и безверием», и только 13% назвали себя неверующими людьми. Стремительный рост числа тех, кто называет себя православными за последние 15-20 лет позволяет многим наблюдателям говорить о своего рода «православном ренессансе». Действительно, в последние десятилетия советской власти число тех, кто называл себя верующими, не превышало 10-11%. То есть налицо рост религиозности общества в 6-7 раз. Причем, если в советский период основная часть верующих состояла из лиц преклонного возраста, преимущественно женщин, а также преимущественно жителей малых городов и сел, то сегодня, напротив, доля православных по убеждениям и вере граждан в больших городах даже выше, чем в малых городах и селах, а доля верующих в средних возрастных группах (30-50 лет) даже несколько выше, чем в старших. Это означает, что произошло не просто расширение традиционной группы верующих, а к православию в той или иной его форме

пришли совершенно новые социальные группы. Ядром современного православия становится формирующийся городской средний класс.

Коренное изменение социальной базы верующих, однако, не мог не сказаться на том содержании, которые вкладывают в веру и религию новые общественные слои. Как показывает следующая таблица, потребность в общении с Богом, удовлетворения своих экзистенциальных потребностей, не находится не только на первом месте, но и не на втором. Главная функция современной Церкви, которая наиболее востребована гражданами России – это не столько религиозная, а потребность в национально-культурной идентичности. Для 52% религия – это, в первую очередь, национальная традиция, вера предков. Почти вдвое меньше тех (24%), кто видит в религии, в первую очередь, следование моральным и нравственным нормам, то есть нравственную составляющую, и только 17% тех, кто ищет в Церкви собственно Бога, стремится к личному спасению и непосредственному общению с Творцом. Поэтому для большинства россиян, собственно церковная жизнь, соблюдение всех церковных обрядов, участие в жизни церковной общины не самое главное, это скорее удел меньшинства (около 11%). Как показывают некоторые специальные исследования, посвященные проблемам современной религиозности в России, большая часть людей, называющих себя верующими, в обычной жизни, за пределами Церкви, руководствуются в точности теми же мотивациями, что и неверующие, декларируемая религиозность практически никак не сказывается ни на моральных установках, ни на трудовых и гражданских мотивациях.

Лично для Вас религия, в первую очередь, это... (ВЦИОМ, декабрь 2006)	
соблюдение всех религиозных обрядов, участие в церковной жизни	11
Национальная традиция, вера предков	52
личное спасение, общение с Богом	17
часть мировой культуры и истории	19
следование моральным и нравственным нормам	24
я безразличен к вопросам религии	11
Затруднились ответить	2

Сказанное определяет и к весьма двойственному пониманию роли Церкви, в первую очередь, РПЦ, в жизни современной России. С одной стороны, общество хотело бы более активного участия Церкви в таких сферах жизни как забота о прихожанах, их нравственно-духовном состоянии (35,4%), уход за больными, поддержание родственников больных в медицинских учреждениях (32,6%), поддержание морального климата и воспитания в местах заключения (28,5%). С другой стороны, общество с опаской относится к перспективам клерикализации политики и повседневной жизни, в частности к практике проповедования религиозных ценностей в средствах массовой информации (14,9%). Нет однозначного отношения и к широко обсуждаемой идее преподавания в школах религиозной (в основном православной) культуры и истории религии (23,2% поддерживают это предложение). 46,2% россиян против 39,0% в апреле 2005 года были готовы поддержать требования Русской православной церкви о возвращении в ее собственность всех зданий и земель, отнятых у нее в советские времена.

Религиозное сознание большей части россиян, даже относящих себя к верующим православным, достаточно эклектично. Вера в Бога, зачастую скорее декларируемая, уживается с верой в приметы (17,7% в октябре 2005 года), в сверхъестественные силы (14,7%), в судьбу (35,0%). Около 8% россиян верят в гороскопы, около 6% - в колдовство, 4,6% в НЛО, инопланетян. Зато в загробную жизнь («тот свет»), необходимый элемент христианской веры, верят всего только 6,9%. «Воздаяние за грехи» при жизни, в которое верят 38,3% - это, соответственно, воздаяние еще в этой жизни, а не посмертный Страшный

суд, в который практически никто из нынешних «православных» не верит, и даже навряд ли и слышал о таком. Нынешнее религиозное сознание обращено явно к «этой» стороне жизни, где вера в Бога и приметы – это скорее способ уберечь себя от прижизненных неприятностей, чем опасения посмертного возмездия. Иконка и православный крестик стали своего рода амулетами. И «Бог», в которого якобы верят 57,6% опрошенных россиян, готовый карать ослушников или вознаграждать праведников еще при жизни – во многом воспроизводит черты древнего божества (скажем Зевса-громовержца или древнеславянского Бога-Сварога), а отнюдь не Христа. Если идея всемогущего карающего божества еще понятна современному массовому религиозному сознанию, то идея Христа с его заповедью любви к ближнему, кажется слишком сложной и противоречащей повседневному жизненному опыту рядового православного россиянина. Переживаемый россиянами «православный ренессанс» - явно неоднозначное явление, имеющее корни не только и не столько в собственно православной традиции, сколько в реанимации гораздо более древнего пласта народных верований и суеверий, успешно переваренных современной массовой культурой. Как и постреволюционная ломка первой половины XX века, перемены конца того же века привели к очередному витку архаизации и примитивизации массового религиозного сознания, своего рода «религиозному китчу».

ВО ЧТО ИЛИ В КОГО ВЫ ВЕРИТЕ?	Ноябрь 2004	Декабрь 2006
В Бога	51,7	57,6
В приметы	20,8	17,7
В некую сверхъестественную силу	12,1	14,7
В НЛО, инопланетян	5,8	4,6
В загробную жизнь	7,4	6,9
В гороскопы	8,7	7,8
В колдовство, магию	7,0	5,5
В переселение душ	4,2	3,4
В судьбу	40,0	35,0
В прижизненное воздаяние за грехи	38,0	38,3
В посмертное воздаяние за грехи (страшный суд)	1,1	0,9
Во что-то еще	5,2	5,9
Не верят ни в какие сверхъестественные силы и явления	15,4	14,3

Интересное исследование было проведено ФОМ по поводу не слишком модного в современной России явления атеизма⁹⁵. Большая часть россиян (70%) причисляют себя к людям верующим. "Сознательных" атеистов – людей, признающих себя таковыми, – по данным нашего опроса, среди россиян совсем немного: всего 17%. Отметим, что склонность к атеизму не зависит ни от возраста, ни от уровня образования, ни от места жительства респондентов. Значимым здесь является гендерный фактор – среди мужчин атеистом себя называет каждый четвертый, среди женщин – лишь каждая десятая. Атеизм как система взглядов, отрицающая существование Бога, не вызывает сильных эмоций у большинства населения: 52% относятся к этому учению безразлично, 12% – положительно, 27% – отрицательно. Отметим, что нейтрально-отстраненное отношение к атеизму преобладает и среди атеистов, и среди верующих россиян. Лишь каждый третий из респондентов обеих групп занимает по отношению к этой системе взглядов эмоционально окрашенную позицию: 35% атеистов сказали, что относятся к ней положительно, 36% верующих – что отрицательно. Атеисты вызывают у верующих еще меньше негативных эмоций, чем атеизм

⁹⁵ Петр Бавин. Отношение к атеизму и атеистам. Сайт Фом, 2005

как учение. Лишь каждый десятый из верующих (10%) относится к ним с осуждением, тогда как подавляющее большинство респондентов данной группы (83%) осуждать атеистов не склонны. В целом представления о том, какие люди сегодня в России чаще оказываются атеистами, весьма размыты и даже в чем-то противоположны. Так, отвечая на открытый вопрос: *"На Ваш взгляд, кто, какие люди в наше время чаще всего бывают атеистами?"*, 6% опрошенных сказали, что атеистами чаще являются люди, воспитанные при социализме, коммунисты, представители старшего поколения. 5% респондентов, напротив, уверены, что атеизм более характерен для молодежи, подрастающего поколения. Одни участники опроса считают, что к атеизму прибегают разочаровавшиеся люди, неудачники (4%), другие полагают, что в Бога чаще не верят богатые, бизнесмены (3%), сильные, целеустремленные, уверенные в себе люди (2%). Атеисты и верующие в массе своей не склонны вести диспуты на религиозные темы. Среди верующих 79% никогда не спорили с атеистами, пытаясь их переубедить; спорили – только 19% (причем лишь 4% верующих говорят, что это случалось часто). Атеисты вступали в споры с верующими несколько чаще – 26% имеют такой опыт, 71% – не имеют. Две трети верующих – 68% – отмечают, что среди их знакомых, друзей, родственников большинство – люди также религиозные (отметим, что среди мусульман эта доля выше, чем среди православных – 79% против 66%). Причем 18% верующих респондентов считают, что в их круге общения неверующих людей нет вовсе (среди исповедующих ислам этот показатель заметно выше, чем среди православных, – 43% против 14%). Вступать в споры с атеистами в наибольшей мере склонны именно те (немногие) верующие, которые живут по преимуществу в "инакомыслящем" окружении. Атеисты чаще, чем верующие, живут в преимущественно "инакомыслящем" окружении (среди первых 12% говорят о преобладании верующих в числе их знакомых, друзей, родственников, среди вторых о преобладании атеистов заявляют лишь 4%) и заметно чаще считают, что религиозных и нерелигиозных людей в их круге общения примерно поровну (32% против 19%). Но их опыт участия в спорах на религиозные темы от окружения не зависит. Представления респондентов о популярности религиозных и атеистических взглядов в сегодняшнем российском обществе в определенной мере зависят от их окружения. В целом почти половина опрошенных (49%) полагают, что религиозные взгляды пользуются сегодня в обществе большим уважением, чем атеистические (среди верующих – 59%, среди атеистов – 24%), а среди людей, живущих в преимущественно религиозном окружении (причем как верующих, так и атеистов), – 65%. Каждый четвертый опрошенный (26%) полагает, что атеистические и религиозные взгляды пользуются сегодня в России равным уважением, и эту точку зрения заметно чаще разделяют те, у кого в окружении атеистов больше, чем верующих (34%), или у кого среди знакомых представителей обеих групп примерно поровну (40%). Мнение, согласно которому большим уважением в нашей стране пользуются атеистические взгляды, разделяют немногие – 4% участников опроса (среди атеистов – 11%).

Отношение россиян к попыткам религиозной общественности ввести новые моральные запреты, носит неоднозначный характер. Так две трети россиян выступают против запрета и ограничений на распространений идей дарвинизма об естественном происхождении человека. При этом численность сторонников дарвинизма и сторонников «божественной» теории происхождения человека равны и составляют примерно по 24% россиян. Лучшим компромиссом могло бы стать включение в школьные учебники обоих наиболее распространенных взглядов на происхождение человека – «естественного» и «креативного». В то же время россиянам ближе взгляды религиозной общественности, РПЦ на некоторые другие явления в нашей жизни. Особо нетерпимое отношение выявлено к гомосексуализму, за запрет которого вплоть до уголовной ответственности, выступают более 55% опрошенных. Значительное число россиян поддерживают требования РПЦ о запрете или

ограничениях на практику клонирования живых организмов и трансплантацию человеческих органов в медицинских целях. Разделилось мнение россиян и в отношении легализации в России практики эвтаназии, принятой и узаконенной в некоторых странах Запада. Так в своей «Социальной доктрине», принятой несколько лет назад, РПЦ осуждает определенные учения и явления, распространенные в нашем обществе и призывает к их ограничению и даже искоренению. В частности, в последние годы по инициативе религиозной общественности широко разворачивается дискуссия о различных взглядах на происхождение человека и о том, как надо освещать эту проблему в процессе преподавания школьного курса биологии. В противовес теории Чарльза Дарвина, согласно которой человек произошел от обезьяны в ходе естественной эволюции, Церковь настаивает на «креативной» теории, согласно которой человек был сотворен Богом на «седьмой день творения». Как показало исследование, мнения россиян о том, какая из этих конкурирующих теорий более верная, распределились примерно поровну. За теорию Дарвина выступают 24,4% опрошенных, а за «креативную» теорию – 24,0%. Менее популярной является еще одна теория, согласно которой человек произошел и не в ходе эволюции, и не был создан Богом, а произошел от космических пришельцев. Эту версию поддерживают 4,7% россиян. Впрочем, более трети опрошенных россиян выразили скепсис в отношении всех перечисленных теорий происхождения человека. Согласно их мнению, современная наука пока не в состоянии ответить на вопрос о происхождении человеческого вида. Так считают 34,5% опрошенных. Интересно, что чем выше возраст респондентов, тем ниже среди них «рейтинг» дарвиновской теории и, напротив, выше божественной. Если среди молодежи до 24 лет 31% готовы согласиться с существованием у человека предка в лице обезьяны, то у 60-летних этот показатель ниже 15%. Возможно это связано с непрочностью усвоения школьного курса биологии и быстрым выветриванием его из памяти, а, возможно, с тягой старшего поколения к сверхъестественному объяснению основ мироздания. Сомнения в верности теории Дарвина, по мнению большинства россиян, не должны стать причиной исключения этой теории из школьных учебников. 64,5% опрошенных либо безусловно (23,8%), либо частично (40,7%) не согласны с таким радикальным пересмотром школьного курса биологии. В меньшинстве остались 20,4% россиян, которые выступают против преподавания дарвинизма в школе. Они либо безусловно (7,3%), либо частично (13,1%) выступают за исключение теории Дарвина из школьных учебников. Возможным компромиссным решением могло бы стать преподавание в школах обоих взглядов на происхождение человека – естественного и креативного, так считают 63,1% россиян. 16,8% настаивают на том, что следует преподавать только естественную теорию, 8,6% - что только «божественную». В то же время наиболее радикальная часть российского общества, составляющая 4,8%, даже требует ввести запрет вплоть до уголовного наказания за распространение такой «порочной», по их мнению, теории как дарвинизм. 17,3% россиян полагают, что преподавание дарвинизма следует не запрещать, но сильно ограничить, а 69,5% выступают против каких-либо ограничений в преподавании этой теории и пропаганде естественного происхождения человека. Если в вопросе преподавания дарвинизма радикальная часть религиозной общественности все же остается в меньшинстве, то в отношении других «порочных» явлений и взглядов, обществе и РПЦ выступают скорее заодно. С большими сомнениями относятся россияне к перспективам клонирования, создания живых организмов лабораторным путем. 38,6% опрошенных предлагают запретить клонирование вплоть до введения уголовного наказания, и еще 32,4% - хоть и не запрещать, но сильно ограничить. Только 21,8% выступают против любых ограничений на клонирование. Несколько мягче отношение россиян к практике трансплантации человеческих органов в медицинских целях, хотя и эта проблема вызывает в обществе большие сомнения. 17,9% опрошенных выступают за полный запрет трансплантации вплоть до уголовного наказания, но больше тех (41,8%), кто полагает, что трансплантацию органов не следует запрещать, но надо

сильно ограничить. Немногим более трети опрошенных (35,2%) не видят в трансплантации органов вообще ничего предосудительного. В таком подозрительном отношении к давно укорененной в медицине методике, вероятно, сыграли свою роль и некоторые телепередачи последних лет, в которых врачи некоторых клиник обвиняются в «продаже детских органов» и «сознательном умерщвлении больных» с целью получения от них донорских органов. Весьма нетерпимо продолжают оставаться россияне к такому явлению как гомосексуализм, и в этом отношении их требования даже жестче, чем у РПЦ, которая, как известно морально осуждает гомосексуализм, но против уголовного запрета на это явление. 56,9% опрошенных россиян требуют полного запрета гомосексуализма вплоть до восстановления уголовного наказания, 21,1% выступают за ограничения и моральное осуждение этого явления, и лишь 14,4% полагают, что гомосексуалистов не следует ни преследовать, ни осуждать, ни ограничивать. Как показывают сравнительные исследования, Россия продолжает оставаться страной с одним из самых высоких в мире уровней «гомофобии» - нетерпимого отношения к нетрадиционному сексу. Одни аналитики видят за этим проявление «особой российской духовности», другие – скорее отсталость и неразвитость, одну из форм ксенофобии. Если гомосексуализм в современной России частично легализован (отменено уголовное преследование, хотя и не разрешены гомосексуальные браки), то практика эвтаназии (помощь тяжелобольным людям добровольно уходить из жизни) запрещена и в России, и в большинстве стран Запада (как известно, Нидерланды остаются до сегодняшнего дня единственной страной, где эвтаназия официально разрешена). О легализации эвтаназии в России вопрос не поднимали даже наиболее рьяные отечественные либералы. Интересно, однако, что к эвтаназии в России, тем не менее, относятся значительно более терпимо, чем к гомосексуализму. За полный запрет эвтаназии и соответствующее уголовное преследование выступают только 28,1% россиян, а за разрешение с большими ограничениями – 35,8%. 22,8% опрошенных считают, что на эвтаназию не следует налагать никаких ограничений, и она должна стать общераспространенной практикой. Как показали ранее выполненные ВЦИОМ и другими социологическими центрами исследования, россияне все в большей степени воспринимают в качестве моральной нормы такие осуждаемые Церковью явления как аборт, добрачные и внебрачные сексуальные связи. Зато в отношении «святотатцев», позволяющих себе рисовать карикатуры на Пророка Мухаммеда, другие религиозные святые, оскорблять чувства верующих, напротив, российская общественность скорее склонна занять сторону обиженных мусульман, чем европейских «свободолюбцев». Все это говорит о глубокой противоречивости современного массового сознания в России в отношении религиозных норм и моральных запретов. Должна ли Церковь иметь право вмешиваться в частную жизнь граждан? Имеет ли она моральное право настаивать на введении каких-то ни было ограничений не только для верующих прихожан, но и для всего общества? Может и должна ли Церковь стремиться занять пока вакантное в России место главного носителя моральных и идеологических ценностей? Эти кардинальные проблемы взаимоотношений между Церковью и обществом все в большей степени становятся предметом общенациональной дискуссии. По мнению опрошенных, Церковь и православная вера в целом должны более активно влиять на жизнь всего общества, не ограничиваясь лишь обрядово-ритуальной стороной, но это влияние не должно перерасти в огосударствление православия. Нет единства во мнении об «особых правах» православия в России, учитывая многоконфессиональный характер страны, а также о возможности следования со стороны россиян нравственным нормам, на которых настаивает РПЦ. Одним из важных пунктов дискуссии стала возможная роль РПЦ в России как наиболее крупной Церкви, органично связанной с историей и культурой всего русского народа. Должна ли РПЦ пытаться влиять на все общество или даже государство, или же ей следует ограничить свою деятельность духовным «окормлением» своей паствы – верующих прихожан? Как показали результаты

исследования, россияне достаточно осторожно относятся к перспективам усиления религиозной компоненты в жизни России, хотя и хотели бы, чтобы Церковь более активно влияла на духовную жизнь всего общества (так считают 47,4% опрошенных). 29,0% предпочли бы, чтобы РПЦ и другие церкви ограничили свою деятельность религиозными обрядами и ритуалами, а 18,2%, напротив, хотели бы, чтобы Церковь серьезно влияла на основные вопросы жизни не только общества, но и всего государства. Нет единого мнения в российском обществе и о роли и правах православия, особенно учитывая многоконфессиональный характер страны. Если 40,6% опрошенных придерживаются наиболее «политкорректной» точки зрения, согласно которой «православие – это всего лишь одна из религиозных конфессий, распространенных на территории России, и оно должно иметь такие же права, как и другие, то 52,7% россиян настаивают на «особой» роли православия. При этом, по мнению 34,8% опрошенных, православие должно иметь «особые права» в российском обществе, так как оно является наиболее традиционной для русского народа конфессией, а 17,9% придерживаются еще более решительного мнения, согласно которому православие должно не просто иметь «особые права и играть особую роль», но и должно стать стержнем всей российской государственности. Можно предположить, что роль РПЦ и других традиционных церквей в «новой России» будет оставаться чрезвычайно значительной, а претензии части духовенства РПЦ и православной общественности на формирование своего рода национально-государственной идеологии будут возрастать. Однако низкий уровень собственно религиозности в узком понимании этого слова в современной России вряд ли позволит России в обозримом будущем стать клерикальным государством, чего так опасаются в последнее время критики РПЦ. В этой связи оптимальной для большей части опрошенных россиян остается такая полусветская-полуклерикальная модель отношений государства и Церкви, при которой Государство покровительствует ведущей церкви – РПЦ, но прямо в ее дела не вмешивается и себя с ней не отождествляет. Так в августе 2007 г., согласно исследованию ВЦИОМ, только 9,6% опрошенных настаивало на том, чтобы новый президент России был религиозным человеком, активно участвовал в деятельности РПЦ, а 34,4% полагали, что новый президент вообще не должен демонстрировать к РПЦ своего особого отношения, он президент россиян и в этом качестве должен быть «равноудален» от всех религиозных конфессий. Однако больше всех – 44,8% россиян – полагают, что президент страны пусть сам и не должен быть обязательно религиозным человеком, но должен демонстрировать свое уважение к религии, участвовать в главных православных богослужениях.

Все сказанное позволяет нарисовать достаточно противоречивую картину политической системы «Новой России». Ясно, что в обозримой перспективе она не станет обществом классической демократии, не превратится она и в авторитарный, тем более тоталитарный режим. Демократические и антидемократические тенденции будут в ней бороться еще длительное время, так как эта борьба имманентна для всей российской истории. Отрицательный или скорее отрицательный результат попыток введения в России институтов западной демократии, не подкрепленных ни менталитетом общества, ни низовыми институтами демократии, ни в коем случае не должен интерпретироваться как «крест» на демократическом развитии страны. Однако поиски форм и институтов демократии, адекватных состоянию и традициям общества, еще только в самом начале. И продолжение этих поисков – не прерогатива государства, государственной власти. Инициативы сверху, вроде формирования Общественной палаты, без ощутимой поддержки и подпитки снизу быстро увядают, теряют энергетику. Лишь осознание активной частью современного общества необходимости в выстраивании новых горизонтальных связей позволит сдвинуть «демократическую телегу» с нынешней, не самой удобной позиции.

6. “Новая Россия” в представлениях россиян: коллективный взгляд в будущее

Как мы показали в предыдущих разделах, в современной России стремительно трансформируется и социальная структура, и ценности. Заглянуть в будущее под силу лишь профессиональным футурологам, но не социологам. Наш “взгляд в будущее”, сегодня, это по сути лишь нынешний массовый общественный запрос, спроецированный на 5-10 лет вперед. Сегодня сложно однозначно ответить на вопрос, сохранится ли Россия в ее нынешнем индивидуализированном виде, или же она обретет черты некоего нового социума, объединенного общими целями и общими интересами. Однако, если посмотреть на нынешние настроения россиян, будущее России видится более чем оптимистично. За последние 5-8 лет в России значительно снизилась угроза гражданской войны, революции, переворотов и военных конфликтов, масштабного экономического кризиса. Наиболее вероятными угрозами остаются терроризм и экологическая катастрофа. На этом фоне угроза распада России остается в целом реальной, хотя и маловероятной. «Катастрофические» сценарии, связанные с будущим России, бывшие в ходу последние десятилетия, постепенно становятся в глазах большей части менее реальными, хотя и продолжают «будоражить» умы некоторой части общества. По сравнению с 90-ми годами, когда государственность России была слабой как никогда, заметно снизились или даже ушли в прошлое некоторые страхи и угрозы. Сегодня Россия прочно стоит на своих ногах, а укрепление государства и роли России на международной арене россияне считают, наряду с экономическим ростом, одним из двух главных достижений путинской эпохи. Впрочем, одни страхи уходят – другие на их место приходят.

Как показало исследование, проведенное ВЦИОМ в августе 2007 года, россияне за последние годы стали смотреть в будущее куда как с большим оптимизмом не только по сравнению с мрачными временами дефолта и других социальных катаклизмов, но и по сравнению с тем, что было 3-4 года назад. Катастрофические сценарии, которые казались неизбежными еще недавно, сегодня воспринимаются всерьез лишь относительно небольшой частью опрошенных. Конечно, в большинстве своем эти сценарии совсем нельзя сбрасывать со счета, но это явно не то, что сегодня угрожает нашей стране реально. В первую очередь, это касается прогнозов войн, революций, распада страны. Так распад страны на несколько самостоятельных государств, потеря ей части своей территории, что уже почти что начинало сбываться в 90-е годы, сегодня представляется вполне реальным только 16,8% опрошенных, а 42,0% считают это совершенно нереальным. Примерно столько же – 14,0% - считают реальным сценарий революции в России или переворота, подобного тому, что происходили в последние годы в ряде соседних государств (Грузия, Украина, Киргизия). 43,6% считают это невозможным, совершенно нереальным. Еще менее вероятной представляется гражданская война, тень которой уже висела над страной в первой половине тех же 90-х. Сегодня лишь 12,7% опрошенных считает ее вполне реальной, а 51,5% такую возможность исключают. Не верят россияне и в перспективы войн. Так вероятность войны со странами Запада считают реальной 10,4% а 51,2% исключают. Примерно аналогичные цифры и в отношении вероятных войн со странами Азии – Китаем, Японией, Северной Кореей – 9,9% и 50,4%, соответственно. Не верят россияне в приход к власти в нашей стране прозападных сил, способных сдать ее суверенитет (11,0% считают это реальным, а 41,5% - совершенно невозможным), и уж тем более – в приход к власти фашистов (4,7% и 66,8%, соответственно). Не слишком беспокоит россиян и возможность катастрофической угрозы из космоса – падение комет, метеоритов и других “ужасов” из этой серии (14,1% считают реальной угрозой).

Несколько более вероятными представляются нашим соотечественникам такие угрозы как вымирание российского населения из-за низкой рождаемости (24,7% всерьез этого

опасаются, а 33,2% считают совершенно нереальным). Близкие к этому уровни опасений выявлены в отношении угрозы массовых эпидемий (холера, СПИД, атипичная пневмония и так далее – 22,4% считают угрозу вполне реальной и 29,4% - совершенно нереальной), возможного упадка науки, культуры и образования (22,2% и 35,6%, соответственно), резкого снижения уровня жизни населения, вплоть до массового голода (21,6% и 36,4%, соответственно), военных конфликтов с ближайшими соседями России – Украиной, Грузией, и другими – 20,6% и 28,8%, соответственно.

И, наконец, в группу наиболее реальных “плохих” для страны сценариев, вероятность которых представляется высокой для четверти и более опрошенных, входят такие как раскол внутри правящей верхушки, начало ожесточенной драки за власть внутри правящих кланов – 26,6% считают вполне реальным и 24,3% исключают, исчерпание запасов нефти и газа, других природных ископаемых – 30,0% и 23,6%, соответственно, экологическая катастрофа – 36,3% и 16,6%, соответственно, совершение террористических актов на стратегических объектах, таких как атомные электростанции, водохранилища, городские системы жизнеобеспечения – 37,8% и 17,4%, соответственно. При этом страхи и опасения, подобные перечисленным, намного сильнее проявляются у россиян пожилых и материально нуждающихся. И это неудивительно: именно эти категории граждан чувствуют себя наиболее уязвимыми, психологически незащищенными и привыкли смотреть на окружающий мир с опаской и подозрением.

Как показал опрос экспертов, проведенный летом 2007 г. Институтом социологии РАН⁹⁶, мнение специалистов в отношении разного рода катастрофических сценариев также в целом скорее оптимистично.

А. Массовые проявления социального недовольства, забастовки, пикеты, акции неповиновения. По мнению большинства опрошенных экспертов, массовые проявления социального недовольства маловероятны. Это обусловлено тем, что в общественном мнении закреплено устойчивое представление о том, что массовые акции протеста – не самый успешный инструмент борьбы за достижение целей. В России не сложилась культура забастовочного движения, нет реальной оппозиции, которая могла бы вовлечь широкие слои населения в массовое протестное движение, население в принципе инертно.

Б. Социальная революция, которая приведет к радикальной смене общественного и социального строя. Большинство экспертов считают практически *невозможной реализацию дестабилизационного сценария в форме социальной революции*. По мнению опрошенных, несмотря на то, что среди различных групп населения накапливается недовольство, в целом нынешняя стабильность устраивает практически все слои общества. Для реализации такого сценария в стране нет серьезных оппозиционных ресурсов, нет концентрации политических сил, отсутствует революционная идеология, нет сильного лидера.

В. Столкновения между представителями разных национальных групп в различных регионах России. Большинство опрошенных экспертов признают, что *рост столкновений на межнациональной почве будет усиливаться*. При этом вероятность того, что межнациональные конфликты могут перерасти в конфликты социальные, очень велика. Межнациональный конфликт может стать как раз тем поводом, который спровоцирует взрыв социального недовольства среди населения. По мнению опрошенных, это один из наиболее вероятных сценариев, с которого может начаться социальный и политический кризис в стране. Представители экспертного сообщества отмечают, что среди русского населения растут националистические настроения, в целом растет межнациональная напряженность, это одна из тех проблем, которые генерируют социальную напряженность.

⁹⁶«Политический экстремизм в России и его влияние на динамику электорального сознания и поведения российских граждан: состояние и меры противодействия. Институт социологии РАН, 2007

Г. Попытки некоторых национальных республик в РФ выйти из состава России. Большинство опрошенных экспертов считают, что в краткосрочной перспективе *реализация такого сценария маловероятна*. У республик, входящих в состав РФ, просто нет объективных предпосылок для принятия такого решения, выход из состава РФ не выгоден ни для элит национальных республик, ни для простого населения. Всякие попытки национального сепаратизма могут для них обернуться экономическими потерями и социальными кризисами. Федеральная власть проводит весьма грамотную и взвешенную политику в отношении национальных республик. Экономическая ситуация на сегодняшний день является весьма стабильной.

Д. Экономический кризис типа “дефолта”. Практически все участники опроса заявляют, что *экономический кризис исключен*. На сегодняшний день и в ближайшем будущем не существует никаких предпосылок для его возникновения. Запас финансовой прочности в стране весьма велик, даже при неблагоприятной конъюнктуре цен на нефть в стране достаточно финансовых ресурсов, чтобы предотвратить экономический кризис. Респонденты отмечают, что при всем критическом отношении к действиям правительства, министерства финансов, они сделали все возможное для того, чтобы изменение ситуации в стране, падение цен на нефть не повлияли на экономическую ситуацию и не привели к дестабилизации.

Е. Рост фашистских настроений, радикального национализма среди русской молодежи. Большинство опрошенных экспертов считают, что вероятность реализации такого сценария очень мала, потому что нет как такового явления «фашизм», аналогичного ситуации в Италии, Германии и других западных странах. По мнению экспертов, это проблема не столько национализма, сколько социального протеста, а рост межнационального раздражения является лишь детонатором этих социальных конфликтов. Существует проблема притока бесконтрольного мигрантов, есть нерешенные социальные проблемы. Вся эта цепочка социальных и экономических сложностей приводит к межнациональным конфликтам. Но это отнюдь не фашистская идеология в том классическом смысле, который исторически сложился.

Ж. Установление диктатуры, авторитарного режима власти. Большинство экспертов считают, что на сегодняшний день установление в России жесткого авторитарного режима маловероятно. Для того чтобы это стало возможным, должна произойти радикальная смена элиты, и появиться лидер, который по своим психологическим установкам будет подходить на роль авторитарного диктатора. К тому же сегодня в России, по оценкам некоторых экспертов, мягкий авторитаризм существует уже и сейчас. И эти элементы авторитаризма сохранятся на ближайшее время, тем более что эта тенденция отражает запросы общества. Вариант нежесткого авторитаризма устраивает сегодня и ключевую часть функциональных элит, и общество, поэтому никаких предпосылок для изменения режима в сторону его большего ужесточения не существует.

З. “Бунт” регионов, региональных элит, направленный против федеральных властей. Большинство опрошенных представителей экспертного сообщества считают такой *сценарий маловероятным*. Во-первых, это обусловлено экономической зависимостью регионов от центра. Уровень конкуренции между регионами за бюджетные потоки чрезвычайно велик. Во-вторых, региональные лидеры на сегодняшний день не имеют собственной легитимности, так как главы субъектов Федерации и губернаторы областей не выбираются населением, а назначаются федеральным центром. И до тех пор, пока существует такая ситуация, риски конфликтов региональных элит с федеральным центром минимальны.

И. Раскол федеральных властей на враждующие группировки, открытое противостояние этих группировок. Такая угроза, по оценкам опрошенных экспертов, на сегодняшний день существует, кризис элит неизбежен. Риски реализации подобного сценария возрастают по

мере приближения думских и президентских выборов. Эта тенденция уже сегодня реализуется в форме отдельных конфликтов властных элит, уже сегодня имеются противоборствующие группировки во властных структурах, но пока все это носит характер скрытой враждебности, а действующему Президенту удается поддерживать и сохранять равновесие. На этапе президентских выборов, и в особенности после них ситуация может обостриться. Такое развитие опасно еще и тем, что может спровоцировать переход скрытого социального недовольства в активную стадию.

К. Российский вариант “оранжевой революции”, захват власти “прозападными” политическими силами. Этот дестабилизационный сценарий все опрошенные эксперты оценивают как *наименее вероятный*. По мнению опрошенных, для реализации «оранжевой революции» необходимы внутренние предпосылки, которые сегодня в России отсутствуют. Это наличие сильной прозападноориентированной оппозиции, которая пользуется поддержкой значительной части населения, и, что немаловажно, поддержка большинством населения западных ценностей и западного образа жизни. Оба этих фактора сегодня в России, как считают эксперты, выражены крайне слабо. Для реализации сценария «оранжевой революции» в стране нет оппозиционных сил, нет лидеров и идеологов. Те потенциально «оранжевые силы», которые могли бы привлечь избирателей на свою сторону, не пользуются поддержкой населения. А российское общество настроено достаточно консервативно, в основном не поддерживает западные ценности и не ассоциирует путь развития России с западным путем развития.

Чем меньше страхов, тем сильнее надежды и оптимистичнее взгляд в будущее. Экономический рост и явное укрепление позиций нашей страны на международной арене в последние 5-8 лет дают основание предположить, что эти благоприятные тенденции будут продолжаться и в ближайшие 10-15 лет. Уже сегодня, по мнению более половины (58,6%) россиян, наша страна входит в десятку наиболее развитых стран мира, 9,1% дают ей еще более высокую оценку – по их мнению, она уже сегодня является одной из ведущих стран мира, и только 20,3% готовы охарактеризовать Россию как слаборазвитую страну, которой место не среди развитых стран, а в “третьем мире”. Близкие данные приводит РАГС⁹⁷: на вопрос, как Вы оцениваете место России в современном мире, 30,2% опрошенных согласились с мнением, что Россия была и остается великой мировой державой, по мнению 48,6% россиян, Россия перестала быть великой мировой державой, но может снова стать ею в течение 15-20 лет, и только 8,1% полагают, что Россия уже никогда не сможет снова стать великой державой. Однако в понятие великая держава, сильное российское государство наши соотечественники склонны скорее вкладывать не геополитические атрибуты (территория, вооружение, влияние в мире), а благосостояние и порядок в самой стране.

Какой смысл Вы видите в понятии «сильное российское государство»? (РАГС, август 2007)

Развитая экономика	71, 9
Социальная защищенность населения	64, 8
Оборонная мощь	55, 1
Правовой порядок	48, 1
Сильная государственная власть	33, 3
Патриотизм народа	27, 9

⁹⁷ Официальный сайт РАГС, август 2007, автор исследования В. Бойков

Нравственные устои	25, 5
Другое	1,6

Соответственно этим оценкам, и прогнозы на будущее скорее где-то “на четверку”. 46,2% россиян предвидят существенное усиление, как экономическое, так и политическое, позиций нашей страны, хотя и недостаточное, чтобы стать одной из ведущих стран мира в обозримой перспективе. Еще оптимистичнее 13,6% опрошенных, полагающих, что Россия через 10-15 лет вполне может стать одной из ведущих стран мира. 22,6% считают, что Россия сохранится примерно на нынешнем уровне развития, а пессимистами назвали себя лишь немногим более 6% опрошенных россиян. 5,2% из них прогнозируют ослабление России, ухудшение ее экономического и политического положения, а 1,0% не исключают и того, что страну постигнет катастрофа, политический и экономический кризис. Итак, число оптимистов превосходит число пессимистов примерно в 10 раз. Неплохой итог последних лет стабильности, особенно учитывая крайне неблагоприятные исходные обстоятельства (дефолт, кризис власти, центробежные силы, разрывавшие Россию на части). Особенно велика уверенность в благоприятных перспективах страны в сфере развития науки, образования, высоких технологий (53,5% верят, что она войдет в число ведущих стран мира, 12,6% думают, что это если и произойдет, то значительно позже, 4,3% не верят в возможность этого в принципе), в сфере развития обороноспособности, укрепления вооруженных сил (53,1% верят, что страна войдет в число ведущих за 10-15 лет, 12,6% полагают, что это произойдет позже, и только 4,3% не верят в благоприятные перспективы). Также более половины россиян верят в светлое будущее страны в отношении ее влияния на мировую политику – 51,9% уверены, что она станет одной из ведущих стран мира в течение 10-15 лет, 18,6% отводят для этого более далекие сроки, а 6,1% не верят в возможность этого в принципе. И лишь критерий уровня благосостояния заставляет дать несколько более сдержанную оценку перспектив развития страны. 41,4% уверены в реальности “подравняться” по благосостояния к ведущим странам мира за 10-15 лет, 33,5% считают, что это возможно, но на это уйдет больше времени и 12,9% сомневаются в достижимости подобной задачи в принципе.

Согласно качественному исследованию, проведенному ФОМ⁹⁸, в понимании наших сограждан единство страны - не только территориальная целостность, единство регионов и неизменность государственных границ, но и единство всех людей, всех населяющих страну народов, их сплоченность, *"дружба"*, *"когда все вместе и в беде, и в радости"*, отсутствие *"межнациональной розни"*. Страна воспринимается целостной, когда нет *"удельных князей"*, все властные структуры централизованы, когда все подчиняются *"единому управлению и политике"*, когда есть *"жесткая вертикаль власти"*. Несколько реже участники опроса в качестве признаков целостности страны называют также мир в государстве, отсутствие локальных вооруженных конфликтов и тем более – региональных войн на ее территории, наличие единой законодательной базы для всей страны, соблюдение законов всеми гражданами, стабильность и порядок, развитую устойчивую экономику, высокий уровень жизни людей. Таким образом, понятие "целостность страны" оказывается почти эквивалентным "всеобщему благоденствию". Довольно многие – примерно каждый шестой из числа ответивших на открытый вопрос о смысле понятия "целостность страны" – заявляют, что сочли бы нашу страну целостной только в случае, если бы произошло *"присоединение к России бывших союзных республик"*: эти люди по-прежнему считают своей страной все бывшее пространство СССР (*"раньше была страна, а сейчас – осколок"*). Исследование ФОМ, правда проведенное три года назад, в целом дает несколько менее оптимистичную картину угрозы целостности страны, чем исследование ВЦИОМ августа

⁹⁸ Реальна ли угроза распада России? Сайт ФОМ, 2007

2007 г., цитировавшееся выше. Если исходить из перечисленных критериев, сформулированных в ходе качественного опроса, современная Россия, согласно результатам этого исследования явно не выглядит вполне целостной страной или страной, целостности которой ничего не угрожает. И большинство россиян (52%) действительно считают, что в нашем обществе существуют острые проблемы, противоречия, которые могут через какое-то время вообще привести к распаду России (только 27% опрошенных полагают, что подобных проблем нет). А главные среди таких взрывоопасных проблем, по мнению опрошенных, – это социальное неравенство, региональные различия в уровне жизни населения и низкий уровень жизни в целом, безработица, межнациональная рознь. Несколько реже упоминаются в данном контексте властные амбиции региональных руководителей (*"каждый князек хочет стать царьком"*), коррумпированность чиновников и политиков, слабость федеральной власти, война в Чечне, терроризм, преступность. Кроме внутренних социально-экономических и политических проблем, которые могут стать предпосылкой для распада страны, существуют, по мнению 58% россиян, и определенные группы, силы, которые преднамеренно, целенаправленно добиваются распада России (лишь 13% отрицают наличие таких сил). Каждый четвертый из числа назвавших эти силы "поименно" указывает на *"заграницу"*: зловредные соседи, старые и новые соперники на геополитическом пространстве – США, Япония, Китай, Израиль, Украина, Грузия, *"исламские страны"*. Есть и внутренние враги, "пятая колонна". К ним чаще всего причисляются олигархи, "новые русские", представители властных структур различного уровня (депутаты Госдумы, члены правительства, федеральная власть в целом), партии и их лидеры, региональные руководители – *"мелкие президенты"*, националисты и неонацисты, террористы, преступные группировки (*"мафия"*). Во многих случаях в репликах о внутренних врагах довольно отчетливо слышится мысль, что они являются порождением демократии, а центральную власть ослабляют многопартийность, идейные споры, парламентские дебаты, свободные выборы. Что касается реальной опасности распада нашей страны – а не предпосылок такого развития событий, – то, по мнению каждого пятого россиянина (20%), сегодня ее не существует, однако большинство убеждены, что такая опасность есть (30% полагают, что угроза велика, а 32% оценивают ее как незначительную). При этом, по мнению каждого третьего респондента (32%), угроза распада России за последние годы усилилась, и только 14% полагают, что она ослабла (36% считают, что в этом отношении ничего не изменилось). Треть участников опроса считают, что российские власти недооценивают эту угрозу (35%), четверть – что ее масштабы оцениваются правильно (25%), и лишь немногие (8%) считают, что она преувеличивается. Суждения о позиции властей во многом определяются собственными представлениями респондентов о масштабах опасности.

Основой для укрепления оптимистического взгляда на судьбу России во многом является богатство России, владение ей крупнейшими запасами природных ресурсов. Успехи последних лет население страны во многом связывает с тем, что государство наконец-то завилало себя как реальный хозяин этих ресурсов, "прихваченных" в 90-е годы частными корпорациями. По мнению большинства опрошенных (52,8%) политика национализации природного достояния, проводимая в последние годы, должна быть продолжена, все природные ресурсы должны принадлежать только государству, и разрабатываться только государством, а частные корпорации могут лишь быть "в найме" у государства для выполнения тех или иных второстепенных функций. 35,0% выступают за более мягкую позицию, согласно которой все природные ресурсы должны принадлежать государству, но разрабатываться частными корпорациями и компаниями по договоренности с государством и платить ему налоги. Самой непопулярной оказалась точка зрения, согласно которой природные ресурсы должны добывать и эксплуатировать частные компании, так считают всего 4,4% опрошенных россиян. Наиболее либеральной точки

зрения по этому вопросу придерживаются сторонники “правых” партий – СПС и Яблока, 56% которых готовы поддержать вторую из перечисленных позиций, носящую скорее компромиссный характер.

Главным “узким” местом сегодняшней России, препятствующим ее пребыванию в числе ведущих стран мира, является бедность населения, нерешенность социальных проблем. По мнению россиян, самыми первоочередными социальными проблемами, требующими максимально быстрого решения, являются такие как необходимость повышения пенсий (55,6%), снижение уровня бедности (46,5%), повышение пособий на рождение детей (36,6%), повышение зарплат бюджетникам (34,9%), улучшение качества и доступности медицинских услуг (34,1%), решение проблемы ЖКХ (30,9%), строительство доступного жилья для людей с невысоким уровнем доходов (30,5%), более активная борьба с коррупцией (27,3%), сокращение разрыва в доходах самых богатых и самых бедных (26,8%). Среди других насущных социальных проблем были отмечены и такие как улучшение качества и доступности образовательных услуг (21,0%), активизация борьбы с преступностью (15,6%), облегчение жизни инвалидам (14,7%), борьба с пьянством и алкоголизмом (14,5%), решение проблемы детской безнадзорности и беспризорности (13,1%), повышение морального уровня россиян, укрепление бытовой морали (12,1%), борьба с наркоманией (11,7%).

На вопрос, как, на Ваш взгляд, следовало бы распорядиться дополнительными доходами бюджета от продажи природных ресурсов, большинство россиян выразили желание потратить их именно на решение социальных проблем. Так 26,6% опрошенных считают, что на эти средства следовало бы поднять уровень благосостояния населения, повысить пенсии, зарплаты бюджетникам. 10,7% придерживаются близкой к названной точки зрения, согласно которой дополнительные средства должны быть направлены на повышение социальных выплат инвалидам, детям-сиротам и другим нуждающимся в помощи группам населения. Несколько меньше тех, кто направил бы денежные средства на вложение в экономику, промышленность, современные технологии (9,7%), на развитие бесплатной медицины (9,1%), на развитие бесплатного образования (8,7%), на реализацию программ по доступному жилью (7,1%), материальную поддержку рождаемости, помощь многодетным семьям (6,1%), вложение в науку, наукоемкие технологии (5,2%), поддержку отечественного сельского хозяйства (5,2%). Совсем немногие предложили такие направления трат как благоустройство территорий (1,2%), строительство современных дорог (1,2%), культуру (0,8%), спорт (0,7%), борьбу с алкоголизмом и наркоманией (0,5%). Никто не назвал в числе приоритетных трат экологические программы. Подобные приоритеты свидетельствуют о том, что россияне, только еще совсем недавно преодолевшие тотальную бедность и нищету, во многом до сих пор продолжают сохранять “менталитет бедности”, а дополнительные средства хотели бы потратить на текущие расходы (“проедание”).

Особого внимания заслуживает видение современными россиянами своего будущего в мире, отношений с другими ведущими и менее крупными странами, международными организациями. Среди стран, с которыми связываются надежды, в перспективе наиболее дружественными России, назывались такие как Китай (21%), Германия и Белоруссия (по 12%), США (10%), Япония (7%), Индия, Казахстан, Франция, Украина (по 6%), Великобритания (3%). Глубокое разочарование нынешнего поколения граждан России политикой стран Запада заставляет их все с большим интересом смотреть на своего юго-восточного соседа, именно с Китаем связывать надежды на партнерские и дружеские отношения. Явно снижаются в последнее время и надежды на воссоздание дружеских и партнерских отношений со странами постсоветского пространства.

Что же касается тех стран, с которыми в ближайшей и более отдаленной перспективе отношения будут складываться максимально сложно, напряженно, с огромным отрывом от

остальных лидируют США (24%) и Грузия (19%). На значительном отдалении от них располагаются Великобритания (7%), Прибалтика (7%), Украина (7%), Китай и Япония (по 3%). Кто же угрожает целостности нынешнего российского государства? В числе главных врагов России, стоящих за теми или иными неблагоприятными для нашей страны процессами и тенденциями, 33% опрошенных называют США, 15% - Китай, 14% - Украину, Грузию и других соседей из бывшего СССР, с которыми сегодня отношения складываются не слишком просто. Завершая список «внешних угроз» для целостности России, следует отметить весьма слабые опасения, связанные с Японией (5%), европейскими государствами (4%), странами Балтии (3%). 11% называют в качестве угрозы мигрантов из других стран, проживающих в России, 9% - мусульманских фундаменталистов, столько же россиян видят угрозу целостности страны в действиях федеральных властей, неспособных эффективно управлять страной, 7% видят опасность в криминалитете, организованной преступности на территории нашей страны, 5% называют представителей региональных элит, заинтересованных в дистанцировании от политики федеральных властей, 3% опасаются русских националистов с их идеей «русской республики», 2% - Москву и московских властей, «жирующих» за счет остальной страны.

Среди международных организаций, значение которых будет возрастать в ближайшие годы, все чаще называются такие как Евросоюз (32,3%), НАТО (28,0%), “Большая Восьмерка” (29,1%). К этим организациям отношение разное – сдержанно позитивное к Евросоюзу и резко негативное к НАТО, однако россияне видят, что именно эти организации, независимо от содержания проводимой политики, принимают реальные решения, определяющие “судьбы мира”. Существенно снижается и будет снижаться роль таких структур как ООН (только 12,8% видят за ней важную роль в будущем), ЮНЕСКО (14,3%), ВТО (13,5%). Пока не слишком ясно россиянам будущее таких региональных союзов как АТЭС (азиатско-тихоокеанский форум) – 5,3%, ШОС (шанхайская организация сотрудничества) – 8,1%, СНГ (8,3%), Российско-белорусский союз (4,7%). Две последние структуры международного сотрудничества на постсоветском пространстве, на которые возлагались огромные надежды, сегодня явно переживают кризис доверия.

Таким образом, россияне видят в ближайшем будущем продолжение и развитие тенденций, сложившихся на сегодняшний день. По их мнению, отношения с Западом будут и далее оставаться напряженными, хотя дело вряд ли дойдет до новой холодной или тем более горячей войны. Еще больше трудностей они видят на пути укрепления роли России на постсоветском пространстве. Альтернативой, пока достаточно туманной, является восстановление партнерских отношений со странами Третьего мира, особенно теми, кто претендует на лидерские позиции.

Однако этот выбор носит в большей степени рациональный, чем эмоциональный или социокультурный характер. Как отмечалось нами еще в 2002 году⁹⁹, “на вопрос, куда бы они хотели уехать, если бы представилась соответствующая возможность, 43,1% томичан высказали желание сменить место жительства, в том числе 12,1% выбрали из возможных вариантов отъезд за рубеж. Из числа последних 95% в качестве желаемой для эмиграции страны выбрали США или другие страны Запада, и лишь 5% - страны Востока, такие как Китай, Индия, Япония - то есть те страны, с которыми, сообразно рациональной логике, «надо поддерживать дружеские отношения». Не известны в России и какие бы то ни было культурные достижения стран Востока, в том числе и в сфере массовой культуры. Напротив, американская массовая культура все больше становится эталоном для подрастающих поколений в нашей стране. Для новой генерации русских с их молодым и несколько варварским самоощущением только вчера появившихся на свет, в общем, чужда и непонятна чопорная и заорганизованная, слишком «правильная» Европа, где каждый

⁹⁹ “Базовые ценности современных россиян” (под общей редакцией А. Рябова и Е. Курбангалиевой). М., 2003

камушек на дороге освящен традицией, тем более традиционный Восток. Однако если с Европой нас сближает в какой-то степени локализация жизненных целей (по сравнению с гегемонистскими притязаниями американской культуры и цивилизации), то в отношении культурно-пространственных парадигм наше развитие скорее происходит по американскому образцу («автоколонизация России» современной генерацией русских)».

Сегодня, согласно данным РАГС¹⁰⁰, почти 70% опрошенных россиян готовы назвать себя патриотами. На вопрос, хотели бы Вы эмигрировать из России в другую страну, 77,6% опрошенных отвечают, что нет, предпочитают жить в России. Лишь около 7% хотели бы навсегда покинуть свою страну. И тем не менее, патриотизм нынешних россиян, придающий им оптимизм при взгляде «вдаль веков», на ближайшие 15-20 лет, остается все еще скорее ценностью «бумажной» парадной, не доказавшей своей способности к национальной мобилизации.

В чем же состоит социокультурный код нынешнего «общества успеха»? Одной из его важнейших характеристик является мобилизационная направленность общества. Исследования демонстрируют, что мобилизационная компонента достаточна высока, но направлена практически исключительно на **сферу локальных интересов**. Так 44,0% опрошенных в исследовании ВЦИОМ в 2004 году готовы «пожертвовать личным благополучием и материальным достатком» ради будущего своих детей; 36,9% - ради безопасности своего дома, своей семьи. Лишь на третьем месте в качестве сверхценности выступает безопасность России (23,7% всех опрошенных). Причем подобное соотношение характерно для всех без исключения ценностных групп. Впрочем, в современной России подобная индивидуализация бытия видна и невооруженным социологическими методами взглядом. Свободная экономика раскрепостила океан человеческой энергии, однако, как правило, заканчивающейся за пределами забора собственной дачи или коттеджа. И, наконец, исследование явственно продемонстрировало, что никакие идеи не являются больше **сверхценностями** ни для каких социальных групп. Так ради целостности страны готовы пойти на жертвы 4,2% россиян; ради коммунистической идеи – 1,7%; ради идеи демократии, прав человека – 1,5%; ради идеи прогресса, блага всего человечества – 1,9%; православная идея – 2,3%. Аналогично лишь 5,5% полагают, что объединить российское общество могут идеи демократии; 1,1% - коммунистическая идея; 1,1% - православная идея. Наибольший же рейтинг получили такие «безыдейные» идеи как стабильность (24,5%), законность и порядок (22,1%), достойная жизнь (16,3%).

Интересное исследование о восприятии понятия «стабильность» современными россиянами провел в мае 2007 ФОМ¹⁰¹. «Как выяснилось, чаще всего (21%) стабильность у наших сограждан ассоциируется с уверенностью в будущем и спокойствием в настоящем, с отсутствием перемен и потрясений (*"все прогнозируемое – от политики до экономики"*; *"все стабильно, легко думать о будущем"*; *"все стоит на месте"*). Для многих стабильность – это высокие, вовремя выплачиваемые и постепенно растущие зарплаты и пенсии (*"вовремя выдают зарплату, зарплата высокая"*; *"повышение зарплат и пенсий"* – 16%), благополучие (*"высокий уровень жизни"*; *"достаток"* – 14%), отсутствие безработицы (8%), стабильность цен и минимальная инфляция (*"когда инфляция будет 2%"* – 6%), низкий уровень преступности и коррупции (6%), устойчивость развития экономики (*"развитие производства"*; *"развитие экономики"* – 5%), мир (*"когда нет войны, мир везде"* – 4%) и жизнь *"без катаклизмов"* и кризисов (3%), когда *"все всегда хорошо"* (3%). Также стабильность – это *"правильный курс и сильная власть"*, *"грамотное управление страной"* и *"доверие к власти на всех уровнях"* (3%). Респондентов, считающих, что в России в последние годы наступила стабильность, попросили аргументировать свою точку зрения (вопрос задавался в открытой форме). Эти участники опроса говорили о росте уровня жизни

¹⁰⁰ Официальный сайт РАГС, август 2007

¹⁰¹ Официальный сайт ФОМ, май 2007

и своевременных выплатах зарплат и пенсий (7%), о предсказуемости ситуации ("люди постепенно начинают быть уверены в завтрашнем дне" – 3%), развитии производства, сельского хозяйства, бизнеса ("идет рост экономики", "это нефтяная стабильность" – 2%). Респонденты отмечают общую нормализацию ("потихоньку, но вперед" – 2%), стабильность цен, снижение безработицы, говорят о жизни без кризисов и мире в стране ("война в Чечне затихла"). Некоторые заявляют, что стабильность – заслуга президента и правительства ("Путин навел порядок во всем"; "да, благодаря успешной политике правительства"; "есть одна линия в политике, нет больших отклонений от этой линии"). Полагающие, что стабильности в России нет, обосновывая свою точку зрения, говорят о низком уровне жизни в стране (14%), о том, что "все дорожает", "инфляция набирает обороты" (11%), людям "непонятно, что ждать завтра" ("живем как на вулкане, в постоянном ожидании несчастья" – 8%), ссылаются на безработицу (7%), нерешенные социальные проблемы ("народ полностью забросили во всех сферах жизни" – 4%), развал производства, сельского хозяйства, иные экономические проблемы ("внешне только стабильность – купят за рубль, продают за три рубля" – 4%). Кроме того, упоминалось резкое социальное расслоение, рост преступности и коррупции, низкий уровень культуры, наличие военных конфликтов. Высказывались претензии по поводу несогласованности работы властей ("руководящие органы тянут в разные стороны, и в стране все развалено" – 3%), принятия новых законов ("потому что законы прыгают, их постоянно изменяют в худшую сторону" – 2%) и несоблюдения имеющихся ("бардак, законы не работают" – 3%). По мнению двух третей опрошенных (66%), сейчас для страны важнее обеспечение стабильности, чем перемены, радикальные реформы; обратного мнения придерживаются 17% респондентов, еще 16% затруднились с ответом". Таким образом, на "взгляд будущее" нынешнего поколения россиян по-прежнему оказывает огромное влияние нежелание радикальных перемен, представление о стабильности как сверхценности. Это означает, что все революционные сценарии будущего вряд ли имеют шанс сбыться до тех пор, пока не появилось новое поколение, уставшее от стабильности и "возжелавшее перемен".

Подводя итоги исследованию о представлениях россиян о России через 10-15 лет, можно сделать вывод, что мы довольно уверенно смотрим в будущее. Конечно, эта уверенность не подкреплена в должной мере объективными показателями качества развития, но и сама по себе она "дорогого стоит", хотя бы в качестве психологического настроя. Времена, когда Россию хоронили все, кому не лень, прошли. Мы многого добились, но еще большее пока не осуществлено. На уровне ценностей и эмоций мы готовы пусть и не рывку, но к уверенному поступательному движению вперед. Главная проблема сегодняшней страны, это непреодоленный институциональный кризис, отсутствие эффективно работающих политических, государственных и общественных институтов. "Старые" институты, доставшиеся "новой России" и от эпохи демократического "натиска", и от более ранних периодов в истории страны, так до конца и не нашли своего места в "новой России". Это касается политических партий, представительной власти, профсоюзов, Церкви, традиционной российской бюрократии. Сможет ли российское общество наполнить "старые меха" новым содержанием? Сформируется ли в "новой" России политическая и государственная система, адекватная представлениям общества и его мечтам о будущем? Именно от ответа на эти вопросы и зависит, сбудутся ли оптимистичные прогнозы россиян о "новой России", какой они бы хотели ее видеть.